

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 5 · № 5 · СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ · 2007

Содержание

Эгоизм или ответственность? <i>Фёдор Лукьянов</i>	5
Большая политика	
Взаимоотношения крупных держав в XXI веке <i>Карл Кайзер</i>	8
<p>Несколько неожиданным итогом необычайно жестокого XX века стало появление своего рода мировой оси, образованной великими демократиями. Силовое противостояние между ними практически невозможно, однако это не защищает от развязывания войн и насилия другими странами и негосударственными образованиями.</p>	
На чем споткнется Китай? <i>Чез Фримен</i>	22
<p>Мысль о том, что, почувствовав свою силу, КНР может вслед за Соединенными Штатами попытаться встать над законом и традициями мирового сообщества, в очередной раз подтверждает необходимость соблюдения международных норм всеми странами, в том числе и США.</p>	
Россия и Китай в зеркале американской политики <i>Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий</i>	34
<p>Россия, осознавая свое отличие как внешнеполитического игрока от Китая, могла бы поучиться у него искусному тону публичной дипломатии. Пекин умело снимает беспокойство партнеров по поводу растущей мощи КНР, последовательно выстраивая образ дружелюбного государства, стремящегося к «гармоничному миру».</p>	
Не допускать левого и правого уклона <i>Ли Цзинцзе</i>	50
<p>Социальный строй и культура каждой страны возникают и развиваются в специфических условиях. Даже совершенные модели общественно-политического устройства не могут быть автоматически перенесены на чужую национальную почву.</p>	

Содержание

- Демократия без Америки** *Майкл Манделбаум* 57
 Усилия США по продвижению демократии потерпели неудачу, но эта форма политического устройства продолжает распространяться благодаря успехам свободного рынка. И по мере либерализации экономик активный запрос на нее будет возрастать, несмотря на то, что арабский мир, Китай и Россия продолжают оставаться проблематичными зонами.
- Экономика без границ**
- Близок ли закат свободной торговли?** *Жан-Пьер Леманн* 70
 Изучая историю 1930-х годов, удивляешься тому, как быстро влиятельная, казалось бы, Лига наций стала беспомощной и бесполезной. Сегодня все более обоснованными выглядят опасения бывшего генерального директора ВТО Майкла Мура, что эта организация может превратиться в экономическую Лигу наций XXI века.
- МВФ: как прожить бывшему кредитору?** *Андрей Денисов* 80
 Необратимые изменения в глобальном масштабе привели к тому, что МВФ как кредитор лишился «клиентской базы». Невостребованность кредитной функции фонда и конфликтный характер процесса пересмотра квот не прибавят этой организации авторитета и могущества, а ближайшие годы, скорее всего, не станут временем ее ренессанса.
- Новый курс для глобализации** *Мэттью Слотер, Кеннет Шив* 88
 Признавая значительные выгоды глобализации, нужно осознавать и новые проблемы, связанные с ней. В последнее время в Соединенных Штатах наблюдается снижение зарплаты даже у работников с высшим образованием. Неравенство сегодня больше, чем когда-либо за последние 70 лет, очевиден рост протекционистских настроений. Чтобы спасти глобализацию, необходима политика, способствующая более широкому распространению ее преимуществ. Наилучший путь — это перераспределение доходов.
- Европейский выбор**
- Интеграция в стиле фанк** *Ольга Буторина* 106
 Европейскую интеграцию обычно сравнивают с поездом, движущимся к единой и понятной всем пассажирам цели. Но сейчас наиболее адекватная метафора — это гипермаркет с бесчисленными магазинами и кафе, интернет-центрами и салонами красоты, прачечными и кинозалами.
- Роль энергоресурсов во внешней политике России**
Влад Иваненко 122
 Российская элита поторопилась отвергнуть идею «энергетической сверхдержавы» как не имеющую смысла, недооценив ее потенциала. Страна способна поставить перед собой амбициозные задачи по развитию новых энергетических технологий и при их внедрении добиться статуса глобального лидера.
- ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум**
Владимир Милов 135
 Заключение с Европейским союзом всеобъемлющего и юридически обязательного соглашения в сфере энергетики, может оказаться для России весьма выгодным. Хотя придется поступиться монополистическими, силовыми и рентными привычками, выигрыш будет несопоставимо больше краткосрочных тактических потерь.

Содержание

- Завтра уже наступило** *Хиски Хауккала* 147
 Сегодня, как и во времена Первой и Второй мировых войн, Европа, под которой подразумеваются ЕС, Россия и те страны, которые расположены между ними, рискует спровоцировать собственный крах.
- О «Европе от Атлантики до Урала»** *Юрий Дубинин* 155
 Автору довелось стать невольным участником событий, связанных с давней историей, которая особенно поучительна сегодня, когда Россия и Европейский союз ищут пути эффективного взаимодействия в современном мире.

Война миров?

- Последнее наступление ислама?** *Бернард Льюис* 162
 Исламские радикалы находят отклик и понимание у левых антиамериканских сил Европы. С точки зрения последних, исламисты заменили собой Советы в качестве борцов за права униженных и оскорбленных. Они также встречают поддержку у правых антисемитски настроенных политиков, заменяя в их глазах гитлеровскую коалицию.
- Фехтование цивилизаций** *Виталий Наумкин* 173
 Для неоконсервативной революции в Соединенных Штатах проблема стран Ближнего Востока стала одним из главных мобилизующих инструментов. При этом конструирование образа исламского врага шло в русле идеологического размежевания.

Продолжение темы

- Удивительная Молдова** *Дмитрий Фурман* 186
 Случай Молдовы доказывает, что раскол общества по самым главным вопросам не препятствует установлению демократического правления и даже если в обществе нет адекватной психологической базы для демократии, она сама себе со временем ее создает.
- Есть ли выход из тупика в Карабахе?** *Владимир Казимиров* 197
 Особая острота карабахского конфликта обусловлена его историей и даже предьсторией. При этом ни в одном из остальных очагов противостояния на территории бывшего СССР настрой на силовой реванш не проявляется столь открыто.

Рецензии

- Украинская государственность и плюрализм**
Павел Палажченко 209
- Познавая Китай** *Владимир Ли* 214

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвестиции»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 2466.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.	КОКОШИН А.А.	ПОЗНЕР В.В.
АХТИСААРИ Мартти (Финляндия)	КОЛЬ Гельмут (Германия)	ПРИМАКОВ Е.М.
БЕЛОУСОВ Л.С. <i>заместитель председателя</i>	КОМИССАР М.В.	ПРИХОДЬКО С.Э. <i>(в личном качестве)</i>
БЕРГСТЕН Фред (США)	КОПЬЕВ В.В.	РЫЖКОВ В.А.
БИЛЬДТ Карл (Швеция)	КУЗЬМИНОВ Я.И.	ТЕЛЬЧИК Хорст (Германия)
ВАЙНШТОК С.М.	ЛАВРОВ С.В. <i>(в личном качестве)</i>	ТОРКУНОВ А.В.
ГРИГОРЬЕВ В.В. <i>(в личном качестве)</i>	ЛИВШИЦ А.Я.	УОЛЛЕС Уильям, лорд (Великобритания)
ЖУКОВ А.Д. <i>(в личном качестве)</i>	ЛУКИН В.П.	ХАКАМАДА И.М.
ЗВЕРЕВ С.А.	ЛУКЬЯНОВ Ф.А. <i>главный редактор</i>	ХОУГ Джеймс (США)
ИВАНОВ И.С. <i>(в личном качестве)</i>	МАУ В.А.	ШМЕЛЁВ Н.П.
КАЙЗЕР Карл (Германия)	МОНБРИАЛЬ Тьерри де (Франция)	ЭЛЛИСОН Грэм (США)
КОЖОКИН М.М.	НИКОНОВ В.А. <i>заместитель председателя</i>	ЮРГЕНС И.Ю.
	ОВЧИНСКИЙ В.С.	ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В. <i>(в личном качестве)</i>

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.	ГРИГОРЬЕВ Л.М.	МИРСКИЙ Г.И.
БУТОРИНА О.В.	ДУБИНИН Ю.В.	ЭНТИН В.Л.
ВИШНЕВСКИЙ А.Г.	ЛОМАНОВ А.В.	

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Радченко

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

Редактор
Александра Кобзева

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блиникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Наталья Шматова

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
or@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

ЭГОИЗМ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Провал попыток США установить единоличное лидерство в международных отношениях констатировали, кажется, уже все, включая и самих американцев. Планета вступает в фазу многополярности — с этим тоже практически никто не спорит. Большая часть человечества приветствует эту перемену, рассчитывая на более справедливое глобальное устройство. Остается только один вопрос: а как, собственно, оно будет функционировать?

Мировая система, где действуют несколько основных игроков, — не новость. Большая политика строилась так до биполярной конфронтации времен холодной войны. Великие державы противостояли друг другу либо вступали в альянсы — временные и более долгосрочные, узкие и в форме «концерта».

Однако механически перенести принципы, например, XIX столетия в XXI век не получится. Изменилась историческая обстановка. И непонятно, как сочетать национальные интересы, которые так или иначе доминируют в многополярной поли-

тике, с необходимостью сообща искать ответы на глобальные угрозы, не признающие ни границ, ни суверенитетов. Иными словами, возможен ли баланс между великодержавным эгоизмом и ответственностью за мир в целом?

Черты новой «эпохи крупных держав» описывает **Карл Кайзер**. **Хиски Хауккала** призывает всерьез задуматься: способны ли единая Европа и Россия по отдельности стать центрами влияния. О крайней разнородности Европейского союза, которая препятствует обретению им собственной «великодержавной» политической идентичности, размышляет **Ольга Буторина**.

Чез Фримен демонстрирует завидную сбалансированность оценок, анализируя потенциал роста самого бурно развивающегося из мировых центров — Китая. Любопытна статья китайского обществоведа **Ли Цзинцзе** — официальный взгляд Пекина на то, как достичь всеобщей политико-экономической гармонии. **Игорь Зевелёв** и **Михаил Троицкий** предлагают России обратить внимание на умение

КНР добиваться своих целей, избегая излишних конфликтов. **Майкл Манделбаум** признает неудачу Вашингтона в области распространения демократии, но выражает уверенность в ее неизбежном торжестве, в том числе в России и Китае. К этому, по его мнению, приведет развитие рыночной экономики и свободной торговли.

Жан-Пьер Леманн предупреждает о серьезной угрозе, которую несет либеральной экономике новая эпоха. Повсеместное возрождение духа протекционизма — оборотная сторона глобализации, и Всемирная торговая организация рискует стать жертвой перемен. Рост протекционистских настроений в Соединенных Штатах вызывает тревогу **Мэттью Слотера** и **Кеннета Шива**. **Андрей Денисов** перечисляет проблемы, с которыми столкнется только что назначенный директор — распорядитель МВФ. Организация, предназначенная для «лечения» отдельных стран, не находит «лекарств», чтобы оздоровить глобальную экономику

Влад Иваненко рассуждает о том, как России реализовать свой энергетический потенциал, чтобы он был не причиной раздора с главным клиентом — Евросоюзом, — а инструментом сближения. **Владимир Милов**

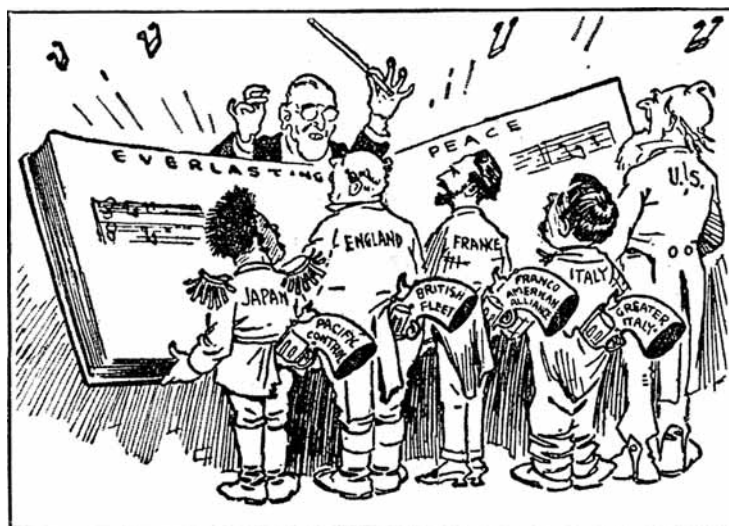
считает необходимым выработать всеобъемлющий энергетический договор с ЕС, который заменил бы явно устаревшую Энергохартию. Замечательную историю, связанную с отношениями между Россией и ведущими европейскими державами, вспоминает ветеран отечественной дипломатии **Юрий Дубинин**.

Одна из самых острых тем сегодняшнего дня — отношения Запада и мусульманского сообщества. Именно она находится в центре внимания заочной полемики между классиком американского востоковедения **Бернардом Льюисом** и ведущим российским исследователем **Виталием Наумкиным**.

Наконец, рубрика «Продолжение темы». **Дмитрий Фурман** заинтересовался феноменом «молдавского коммунизма», который, на его взгляд, свидетельствует о «выживаемости» демократии. А **Владимир Казимиров** продолжает серию публикаций, посвященных «непризнанным» государствам.

В следующем номере — обещанная ранее тема Центральной Азии и сложившихся там региональных организаций, снова европейская проблематика, споры вокруг Арктики и многое другое.

Большая политика

Мирная симфония: вид сзади.
Chicago Tribune, 1919 г.

“ Защищая свои интересы в ряде регионов, некоторые державы проводят так называемую «мягкую балансировку», направленную против господства США. Но, несмотря на явное неприятие политики Джорджа Буша, реальных попыток чем-то уравновесить ее — в соответствии с традициями XIX и XX веков — не предпринималось ”

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке *Карл Кайзер*

8

На чем споткнется Китай? *Чез Фримен*

22

Россия и Китай в зеркале американской политики

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

34

Не допускать левого и правого уклона *Ли Цзинцзе*

50

Демократия без Америки *Майкл Манделбаум*

57

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

Карл Кайзер

Сто лет назад невозможно было представить себе, к каким страшным конфликтам и катастрофам приведут в XX столетии непростые взаимоотношения великих держав. История способна преподносить сюрпризы, и нам следует очень скрупулезно подходить к своим прогнозам на XXI век.

Вместе с тем определенные тенденции начала нынешнего столетия, которые с большой долей вероятности будут какое-то время определять отношения между крупными державами, достаточно легко просматриваются, исходя из наших сегодняшних знаний и видения.

Вначале определимся с понятием «крупные державы». Речь идет о небольшой группе государств, численность населения и потенциал ресурсов которых позволяют им оказывать влияние на глобальном уровне, а также о тех странах, которые достаточно уверенно приближаются к статусу мировых держав. Сюда относятся постоянные члены Совета Безопасности ООН (Великобритания, Китай, Россия, США, Франция), а также возможные кандидаты на членство в случае его расширения (Бразилия, Германия, Индия, ЮАР, Япония). Некоторые из указанных государств связаны союзническими обязательствами или даже (как в случае с Европейским союзом) объединены в конфедерацию, что не может не влиять на их позицию и действия на мировой арене.

Карл Кайзер — приглашенный профессор Центра международной политики Уэзерхед при правительственном факультете им. Джона Кеннеди Гарвардского университета, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

*Взаимоотношения крупных держав в XXI веке***КРУПНЫЕ ДЕРЖАВЫ
И ОКРУЖАЮЩАЯ ОБСТАНОВКА**

Международные отношения и глобализация. Благодаря новым технологиям в области транспорта и связи (в частности, Интернету) во второй половине прошлого столетия заметно активизировались прямые трансграничные контакты и взаимодействие между отдельными людьми и общественными организациями. Обмен идеями, товарами и специалистами упростился, а значимость государственных границ заметно снизилась. Оставаясь ведущей силой в мировой политике, государства или национальные образования до некоторой степени утратили способность в одиночку решать проблемы и воздействовать на ход событий. Они всё более уязвимы перед лицом внешних угроз, терроризма и преступности. Вместе с тем неуклонно возрастает влияние негосударственных образований — прежде всего в экономике, поскольку многонациональные компании производят сегодня треть совокупного мирового продукта.

Эти перемены лежат в основе того, что мы называем глобализацией, — процесса, который де-факто стал необратимым мегатрендом, определяющим все остальные тенденции. Глобализация выводит мир на новый уровень взаимозависимости, когда международная торговля и прямые иностранные инвестиции растут быстрее, чем производство. Она порождает новые виды неравенства как внутри стран, так и между государствами, но при этом резко снижает общий уровень бедности и нищеты на планете.

Крупным державам никак не избежать этих процессов, поскольку модернизация, экономический рост и более высокий уровень жизни зависят от открытости и способности к взаимодействию. В то же время издержки глобализации (например, уязвимость для терроризма) создают дополнительную напряженность и побуждают к более тесному сотрудничеству.

Усиление Азии, в частности Китая и Индии. Экономический подъем КНР, Индии, а также других азиатских стран приведет в XXI веке к серьезному изменению геополитического ландшафта. В силу внутренних причин, прежде всего неграмотности населения и кастовой системы, Индия будет отставать от Китая, но оба государства приобретут значительный вес в международных делах, как самые густонаселенные и способные мобилизовать колоссальный экономический потенциал.

Карл Кайзер

К 2020 году КНР, скорее всего, обгонит все экономики мира, за исключением США, а Индия оставит позади большинство европейских стран. Китай займет место Японии в качестве экономического лидера Азии. Атлантическая экономика по-прежнему останется наиболее цельным сегментом мировой хозяйственной системы, а Соединенные Штаты, Европа и Япония, весьма вероятно, будут доминировать в международных финансовых учреждениях. И тем не менее глобализация приобретет более отчетливые азиатские черты.

Вместе с тем КНР и Индия могут столкнуться с серьезными проблемами. В Китае это, в частности, усугубляющиеся неравенство и имущественное расслоение общества, его демографическая структура и отсутствие демократических механизмов для мирного урегулирования внутренних конфликтов. Если не удастся остановить нарастание этих дисбалансов, они станут сказываться и на внешней политике Пекина. Послужит ли в этом случае растущая зависимость от мировых рынков фактором, ограничивающим поведение страны на международной арене?

Демографические сдвиги и миграция населения. Многие страны испытают последствия низкой рождаемости и роста числа пенсионеров, что заметно увеличит нагрузку на социально-политическую структуру общества. К 2020-му в КНР будет проживать более 400 млн пенсионеров старше 65 лет, а в Германии численность населения сократится к середине столетия с нынешних 82 до 67 млн человек (даже с учетом ежегодного притока 150 тыс. иммигрантов). С демографическими проблемами столкнутся Великобритания и Франция, а также (хотя и в меньшей степени) Россия и Япония. Численность населения в США, Индии и Бразилии, скорее всего, будет расти. В ЮАР демографическую кривую в значительной мере определит свирепствующая эпидемия ВИЧ/СПИДа.

Сокращение численности населения вынудит крупные державы направлять дополнительные средства на решение внутренних проблем, что в свою очередь уменьшит ресурсы для проведения эффективной внешней политики (например, в военной сфере или в оказании помощи развивающимся странам). Нехватка рабочих рук и рост числа пенсионеров увеличат потребность в иммигрантах. Это вызовет дополнительные проблемы: в частности, как интегрировать мусульман в общество и как иммигрантам общаться с родственниками? Из крупных держав лишь Соединенные Штаты (и до некоторой степени Бразилия) сумели вписать иммиграцию себе в актив, хотя нарастающие проблемы нелегалов тревожат и Вашингтон.

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

Проблема миграции обещает стать одной из главных в XXI веке. «Факторы выталкивания», такие, как экономическая несостоятельность, многочисленное подрастающее поколение и колоссальная по масштабам безработица, создают мощный стимул для исхода населения из развивающегося мира. С другой стороны, нехватка рабочих рук в стареющих развитых обществах и дефицит там молодежи создают потребность в иммигрантах и служат мощным «фактором притягивания». Однако, поскольку миграционные процессы все чаще осуществляются через нелегальные каналы, во многих странах нарастает ксенофобия, раздаются призывы возвести на пути пришельцев более мощные барьеры.

Вызов, брошенный насилем. В начале XXI столетия «классическая» война между крупными державами маловероятна. Межгосударственные войны уступили место внутренним столкновениям, гражданским, этническим и асимметричным конфликтам (например, между движением «Хезболла» и Израилем), а также террористическим атакам. Традиционные вооруженные силы не в состоянии защитить современное открытое и потому уязвимое общество от такого рода насилия. Они могут быть использованы разве что против стран (таких, как Афганистан), которые служат базами для террористов. Существующие механизмы и международное право неприменимы к конфликтам, которые развязываются преимущественно негосударственными силами, объединенными в интернациональные сети.

Адекватный ответ на подобного рода угрозы требует использования широкого спектра международных инструментов, отличных от привычных союзов. Необходимо взаимодействие разведывательных служб, полиции, таможенных и финансовых органов, сил по борьбе с распространением наркотиков, которое легче наладить тем государствам, которые имеют прочные традиции сотрудничества. В первую очередь это крупные страны — члены НАТО (Великобритания, Германия, США, Франция), евро-атлантические государства в целом, а также Япония. Сразу после террористических атак 11 сентября 2001 года Китай и Россия присоединились к антитеррористической коалиции, созданной Соединенными Штатами, и предложили активное взаимодействие. Однако война в Ираке и другие разногласия свели это сотрудничество к взаимоприемлемому минимуму. Две другие крупные державы, Бразилия и ЮАР, оказались за пределами антитеррористической коалиции, хотя в будущем положение может измениться.

Карл Кайзер

Распространение ядерного оружия. Разрастание клуба ядерных держав подошло к той черте, когда международная система договоров и учреждений по нераспространению атомного оружия не оказалась под угрозой денонсации. Помимо постоянных членов Совета Безопасности ООН, статус ядерных государств приобрели Индия, Пакистан, Северная Корея и де-факто Израиль. Иран осуществляет программу, очевидной целью которой является создание ядерного оружия.

Из крупных держав оружием массового уничтожения обладают лишь пять членов СБ ООН и Индия, тогда как Германия и Япония настроены против вступления в ядерный клуб. ЮАР, имевшая ранее атомный арсенал, добровольно отказалась от него. Бразилия привержена своему безъядерному статусу, но осуществляет программу обогащения урана.

Создание действенного механизма нераспространения особенно актуально в свете новых проблем. Прежде всего это угроза соединения ядерного оружия и терроризма, то, что Грэм Эллисон назвал «самой страшной предотвратимой катастрофой». Жертвой атак террористов-самоубийц может стать любое государство, но открытые западные общества подвергаются более серьезному риску, чем страны со строгим государственным контролем. Такая опасность заставила крупные державы забыть о соперничестве и объединить усилия.

За исключением Ирана 182 государства, подписавшие Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), пока соглашались со своим безъядерным статусом. Отказ администрации Джорджа Буша от обязательств, взятых на себя США в связи с бессрочным продлением ДНЯО, привел к подрыву международного режима нераспространения, созданию которого сами Соединенные Штаты когда-то способствовали. Общую картину довершают невозможность добиться от Северной Кореи окончательного отказа от ядерных амбиций, а также признание Вашингтоном ядерного статуса Индии и заключение с ней договора о стратегическом сотрудничестве.

Обретение Тегераном ядерного оружия создаст огромную проблему. Сомнительно, чтобы на страну, где стратегические решения принимаются по религиозным соображениям, эффективно воздействовала рациональная политика взаимного сдерживания и гарантированного уничтожения, — та, что в свое время предотвратила ядерную войну между Востоком и Западом. Еще опаснее то, что Иран способен нарушить хрупкое равновесие и развязать на Ближнем

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

Востоке гонку вооружений, дестабилизировав тем самым и без того взрывоопасный регион. Это нанесет смертельный удар по ДНЯО. Новый альянс под руководством США, дающий гарантии безопасности соседям Ирана, мог бы отчасти нейтрализовать отрицательные последствия появления у Тегерана ядерного оружия. Однако готовность Вашингтона и государств данного региона к такому повороту событий вызывает сомнения.

Обзаведутся ли собственным ядерным оружием те из крупных держав, которые его еще не имеют? В свое время президент Франции Шарль де Голль подчеркивал, что ядерное оружие необходимо для сохранения независимости и обеспечения влияния на мировой арене. Однако Германия и Япония доказали, что и безъядерные страны могут стать великими державами. В этом смысле их постоянное членство в реформированном Совете Безопасности ООН послужило бы важным сигналом для других государств и способствовало бы укреплению режима нераспространения.

Но если Берлин вряд ли когда-либо откажется от безъядерного статуса, то о Токио сказать этого нельзя. Договор, подписанный недавно в рамках шестисторонних переговоров, полностью не исключает продолжение Северной Кореей программы создания ядерных вооружений. В этом случае японское правительство окажется под сильным внутривнутриполитическим давлением и ему придется приступить к разработке оружия массового уничтожения. Открытым остается вопрос, удержат ли Японию от подобного шага обязательства по обеспечению гарантий безопасности, недавно повторно взятые на себя Вашингтоном, а также возможность негативных последствий для всей Азии.

Распространение радикального ислама. Сценарий «столкновения цивилизаций» маловероятен, но ограниченный конфликт между радикальным исламом и Западом начался, и, по всей вероятности, он будет только нарастать. Войну в Ираке и связанные с ней злоупотребления мусульмане воспринимают как атаку на мир ислама в целом. Обстановка подогревается доведенными до отчаяния молодыми людьми, которые не могут заработать себе на жизнь, радикалами исламистами, призывающими к совершению самоубийств во имя Аллаха, и ежедневными сводками о насилии в зоне израильско-палестинского конфликта.

Сегодня джихадисты представляют угрозу практически для всех крупных держав, хотя и в разной степени. Главной мишенью их

Карл Кайзер

атак, скорее всего, останутся Соединенные Штаты. Считается, что от мусульман, проживающих на американской территории и хорошо интегрированных в общество, не следует ожидать агрессии. (Правда, в мае 2007 года на одной из военных баз США был раскрыт заговор террористов-самоубийц.)

Потенциально проблема стоит еще острее в Великобритании, России и Индии, тогда как во Франции и Китае она не столь драматична. Германия (несмотря на значительное турецкое меньшинство ее населения), Япония, Бразилия и ЮАР не сталкиваются с внутренней угрозой, исходящей от мусульман, хотя в Германии имели место инциденты, связанные с агрессией извне. Так или иначе, борьба с терроризмом в каждой отдельно взятой стране зависит от степени взаимодействия государств и внешней поддержки. Следует также установить диалог с современным исламом, чтобы изолировать экстремистское меньшинство.

Глобальное потепление и нехватка ресурсов. В результате индустриализации и бурного развития Третьего мира (прежде всего КНР и Индии) потребность в энергоносителях и сырье растет столь же стремительно, как и нагрузка на окружающую среду. Неравномерность в распределении природных богатств и зависимость некоторых крупных держав от импорта сырья будут все больше влиять на расстановку сил и станут определяющим элементом международной политики.

Утратив паритет с США времен холодной войны, Россия вернула себе статус великой державы, используя свое положение крупнейшего поставщика нефти и газа на мировой рынок. Пять крупных государств, а именно Великобритания, Германия, Китай, Франция и Япония, в разной степени зависят от российских поставок и вынуждены учитывать это, выстраивая свои отношения с Москвой.

По степени зависимости от импорта энергоносителей и сырья КНР, безусловно, возглавляет список. В ближайшем будущем за ней последует Индия. Требуемый объем импорта неуклонно растет, и вся экономическая стратегия Китая, столь важная для сохранения социально-политической стабильности, зависит от непрерывного притока ресурсов. Неудивительно, что задачей внешней политики Пекина во все большей степени становится получение гарантий поставок энергоносителей и сырья из Африки.

Образцовую самодостаточность в области энергоресурсов сохраняет Бразилия, в то время как Соединенные Штаты остаются круп-

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

нейшим их импортером. Но, учитывая наличие в Америке собственных ресурсов (в частности, угля) и огромный потенциал энергосбережения, США находятся в несколько более выгодном положении, нежели их европейские и азиатские союзники.

Все большее влияние на отношения между крупными державами оказывает проблема глобального потепления. В прошлом разногласия по экологической политике настроили Европу и Японию против Соединенных Штатов, которые лидируют по объемам выбросов в атмосферу вредных веществ, но отказались подписывать Киотский протокол, направленный на ограничение парникового эффекта.

Последствия глобального потепления требуют принятия безотлагательных мер, а между тем разногласия по проблемам экологической безопасности грозят обостриться. Во главу угла мировой политики становится вопрос о том, кто и в каком размере будет финансировать природоохранные мероприятия. В дискуссию вовлечены не только Европа, Япония, и отстающие от них США, но и Китай, который вскоре вытеснит Соединенные Штаты с позиции главного производителя парниковых газов, а также стремительно развивающаяся Индия.

Пекин указывает на то, что запад несет ответственность за выбросы парниковых газов в течение 150 лет. Китай же теперь, дескать, имеет право наверстать упущенное в плане индустриализации и готов пойти на дорогостоящие меры по защите окружающей среды, только если развитые страны помогут их финансировать. Индия склонна проводить аналогичную политику, и разрешить этот конфликт интересов в ближайшие десятилетия будет непросто.

КРУПНЫЕ ДЕРЖАВЫ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Навстречу многополярному миру? После окончания холодной войны США остались единственной сверхдержавой. Американские неоконсерваторы поспешили назвать эту ситуацию «однополярным моментом». Его расценили как шанс, данный Богом Соединенным Штатам, чтобы перекроить мир по своим меркам, не считаясь с международными обязательствами и мнением других государств. Однако эта теория подверглась серьезной проверке на прочность в связи с непрекращающимся насилием в Ираке. Как выяснилось, даже американская мощь отнюдь не беспредельна. Справедливость претензий Вашингтона на лидерство была также поставлена под сомнение вследствие пренебрежения международным правом, правами чело-

Карл Кайзер

века в Гуантанамо и тюрьме «Абу-Грейб». Имидж США пострадал и после скандалов вокруг выдачи заключенных странам, практикующим пытки.

В 2003-м многополярный мир возродился усилиями президентов Владимира Путина и Жака Ширака, ныне большинство крупных держав представляют собой своеобразные геополитические полюсы. Благодаря энергетическим ресурсам в клуб великих держав вернулась Россия. Китай уже сейчас представляет собой крупную торговую страну и обладает рекордными золотовалютными запасами, а примерно через два десятилетия выйдет на второе после Соединенных Штатов место в мире по объему ВВП. Великобритания и Франция, подобно КНР и России, входят в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Германия вновь обрела статус крупнейшей европейской экономики и стала первостепенным мировым экспортером. Ее военные играют все более заметную роль за пределами Европы, равно как и дипломаты, отстаивающие свою позицию по иранскому вопросу в рамках европейской «тройки». Япония не только остается второй мировой и ведущей азиатской экономикой, но и проводит активную дипломатию как в Азии, так и за ее пределами. Бразилия, Индия и ЮАР — державы пока еще преимущественно региональные, но в будущем претендуют на статус мировых.

Европейский союз с тройкой лидеров во главе (Великобритания, Германия, Франция) взял на себя функции одного из главных действующих лиц на дохийских переговорах по свободе торговли стран — участниц ВТО. На долю единой Европы приходится до половины официально предусмотренного объема оказания помощи развивающимся странам. В области внешней политики и политики безопасности ЕС неоднократно претворял в жизнь свою общую стратегию — в частности, в составе «квартета» коспонсоров израильско-палестинского урегулирования.

С расширением Евросоюза до 27 членов усугубилась его внутренняя разнородность. Возможность проводить согласованную политику будет зависеть от того, удастся ли принять Договор о реформах, который должен заменить отвергнутый Конституционный договор и возродить институциональную основу для эффективной деятельности. Как бы то ни было, Брюсселю понадобятся годы, чтобы выработать реальную и всеобъемлющую внешнюю политику, а также общую политику в области безопасности. Вместе с тем деятельность европейской «тройки», проводящей консультации с

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

другими странами — членами Европейского союза при участии его верховного представителя по общей внешней политике и политике безопасности Хавьера Соланы, поможет выработать жизнеспособный подход к решению различных вопросов, что наглядно показали переговоры с Ираном.

В многополярном мире Соединенные Штаты остаются самой могущественной державой: американские расходы на оборону примерно равны оборонному бюджету всех остальных стран, вместе взятых. Колоссальное влияние Америки бесспорно, но она больше не может навязывать свою волю. Чтобы убедиться в этом, администрация Буша заплатила слишком высокую цену. Защищая свои интересы в ряде регионов, некоторые державы проводят так называемую «мягкую балансировку», направленную против господства США. Но, несмотря на явное неприятие политики Буша, реальных попыток чем-то уравновесить ее — в соответствии с традициями XIX и XX веков — не предпринималось.

Крупные державы сотрудничают в разных областях на двусторонней и многосторонней основе, в том числе с Соединенными Штатами, особенно теперь, когда Вашингтон стал прислушиваться к мнению партнеров и более охотно идет на взаимодействие с ними. В Белом доме обнаружили, что большинство, если не все стратегические проблемы необходимо решать коллективно. Остальной мир в свою очередь пришел к пониманию того, что решение любой глобальной проблемы требует участия и одобрения США. При этом вовсе необязательно полностью поддерживать курс Америки либо считать, что она, по выражению Майкла Манделбаума, является «лучшим источником всемирного устройства и управления».

Будущее многополярного мира. Маловероятно, чтобы в XXI столетии между крупными державами произошел раскол или чтобы между ними возникло замешанное на шовинизме идеологическое противостояние, которое привело к великим войнам и катастрофам прошлого века. Конфликт интересов неизбежен, но войны между великими державами практически исключены, и уж, конечно, они совершенно невозможны между такими странами, как Великобритания, Германия и Франция. Также трудно представить себе вооруженные конфликты между Европой, США и Японией, которые связаны союзническими обязательствами, основанными на экономической интеграции и политическом сотрудничестве.

Карл Кайзер

Сегодня великие демократии образуют своего рода мировую ось — несколько неожиданный итог необычайно жестокого XX века.

Однако это не гарантирует того, что развязывать войны и применять насилие не будут другие страны либо негосударственные образования. Наднациональные институты и международное право часто не способны предотвратить вооруженные конфликты, этнические чистки и другие формы насилия. Но сегодня, когда мир стал более уязвим для таких угроз, как терроризм, международная преступность или пандемии, потребность в институтах и праве больше, чем когда-либо. Влияния отдельных западных держав недостаточно, чтобы поддерживать в мире даже элементарный порядок. Это относится и к Соединенным Штатам, которые в этом смысле никогда не жалели усилий и служили последней инстанцией в разрешении конфликтов.

Реформа Организации Объединенных Наций назрела давно. За последние годы удалось добиться больших успехов на концептуальном уровне. Например, разработаны важные понятия: «обязанность защищать» и «человеческая безопасность», определяющие ответственность международного сообщества за облегчение людских страданий. По сути, эти понятия вступают в противоречие с безраздельно господствовавшей ранее концепцией государственного суверенитета, который исключал возможность вмешательства международного сообщества. Пути реформирования ООН намечены в рекомендациях Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и изменениям и вытекающих из них предложений Генерального секретаря. На реализацию этих инициатив уйдет немало времени и сил, но даже если их примут, прогресс не будет достигнут до тех пор, пока страны — члены ООН не выразят готовность к сотрудничеству и не предоставят часть полномочий органу международного сообщества. Решающую роль в этом будет играть поведение крупных держав.

Даже в случае неудачи реформирования ООН многостороннее взаимодействие возможно, необходимо и весьма вероятно. Такие производные современных трансграничных контактов и глобализации, как открытость, взаимозависимость и уязвимость, вынуждают правительства объединять усилия для решения проблем, с которыми им не справиться в одиночку. Это борьба с терроризмом, международной преступностью, проблема нераспространения ядерного оружия, не говоря уже о необходимости управления таким важным инструментом процветания, как социально-экономическое взаимодействие между странами.

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

Установление эффективных многосторонних отношений — одна из главных целей стратегии Европейского союза в области обеспечения безопасности, разработанной в 2003-м. Но такие отношения не могут ограничиваться высокопарными и малоэффективными декларациями вроде тех, что ООН принимала по вопросу о разоружении Ирака до декабря 2002 года. Они должны вести к конкретным результатам.

Экономическая взаимозависимость крупных держав — это еще один фактор, создающий благоприятные условия для установления эффективных многосторонних отношений и способствующий духу сотрудничества и консультаций. Отношения между КНР, с одной стороны, и США и Японией — с другой, характеризуются большой зависимостью от взаимного доступа к рынкам и инвестициям, от поставок комплектующих, от дефицитного финансирования или управления валютными резервами. Экономическая взаимосвязанность Пекина и Вашингтона — мощный стимул для того, чтобы положить конец политическим трениям и разногласиям и не позволить им накалиться до опасного уровня. То же справедливо и для экономических отношений между Китаем и Японией, хотя неспособность обеих стран адекватно относиться к общей истории, а также особое восприятие национализма делают их весьма хрупкими.

Европейцы, воспитанные на горьком историческом опыте, отлично знают, что национализм имеет свойство превращаться в шовинизм, конечным результатом которого нередко становятся военные конфликты. Это в полной мере относится и к Китаю, если он, например, попытается прибегнуть к националистическим лозунгам для преодоления внутреннего кризиса. Споры из-за Тайваня чреваты вооруженным противостоянием. Сохранение мира в большой степени зависит от того, продолжит ли Пекин усваивать нормы поведения, подобающие великой державе, которая является одним из гарантов стабильности международной системы. (Подробнее на эту тему см.: *Карл Кайзер*. Уроки Европы и примирение в Азии // Россия в глобальной политике. 2006. № 4.)

Возрастает роль многосторонних контактов и переговоров с участием великих держав в решении конкретных проблем. Это и шестисторонние переговоры по ядерной программе Северной Кореи, и заседания «четверки» международных посредников (ООН, Россия, США, ЕС) по ближневосточному урегулированию, и «иранские» переговоры европейской «тройки» (Великобритания,

Карл Кайзер

Германия, Франция), которые идут при поддержке Вашингтона и с участием Москвы в качестве консультанта. В работе всех трех форумов, помимо великих держав, принимают участие и другие страны, и в каждом случае Соединенным Штатам принадлежит решающая роль (она могла бы быть еще более весомой в разрешении иранской проблемы, если бы Вашингтон не упорствовал в нежелании идти на прямой контакт с Тегераном).

Союзы или альянсы — это конкретные проявления многосторонних отношений, когда крупные державы связывают себя обязательствами по взаимопомощи. Из 26 стран — членов НАТО четыре — крупные державы. В Евросоюз входят Великобритания, Германия и Франция. Россия вступила в оборонный альянс с Арменией, Беларуссией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном (хотя его реальная эффективность довольно сомнительна). США заключили двусторонние договоры о гарантиях безопасности с Японией и Южной Кореей, а также подписали трехсторонний пакт (АНЗЮС) с Австралией и Новой Зеландией (впрочем, в 1996 году Вашингтон приостановил свои обязательства в отношении Веллингтона).

Самым масштабным и активно расширяющимся альянсом является НАТО. Североатлантический союз эволюционировал из оборонного блока по сдерживанию агрессивных устремлений и защите от них в организацию, обеспечивающую безопасность в приграничных областях и стабильность в тех регионах, откуда может исходить угроза, а также всюду, где местное население подвергается опасности насилия. НАТО выполняет стабилизирующую функцию прежде всего на Балканах и в Афганистане.

Действуя по мандату международного сообщества, страны — члены этого блока, среди которых главенствующую роль играют крупные державы, могут на практике применить новаторский и, будем надеяться, успешный подход к решению одной из наиболее острых проблем современности. Речь идет о странах-изгоях — средоточии человеческих страданий и потенциального источника терроризма и преступности. Знаменательно, что более 30 государств стали участниками кампании в Афганистане, и среди них одна крупная держава, не входящая в НАТО, а именно Япония.

Пример Североатлантического альянса иногда приводят в контексте более фундаментального вопроса: как многосторонние отношения могут содействовать предотвращению гуманитарной катастрофы и ее последствий? Ведь современный мир отчаянно нуждается

Взаимоотношения крупных держав в XXI веке

ся во вмешательстве международных сил в тех случаях, когда ООН не может оказать необходимую помощь. Так, в 1999-м НАТО без санкции Организации Объединенных Наций осуществила военную интервенцию, чтобы положить конец непрекращавшимся этническим чисткам в Косово. Тогда Россия и Китай отказались одобрить применение силы, хотя они сотрудничали с Советом Безопасности ООН и присоединились к требованию прекратить этнические чистки. Формально НАТО действовала незаконно, но ее операция была признана легитимной большинством стран, поскольку соответствовала нормам ряда других международных конвенций.

Косовская кампания положила начало дискуссии о том, следует ли демократическим государствам вмешиваться в случае очевидных гуманитарных катастроф, когда вето (которое обычно накладывают Россия и Китай, принципиально возражающие против любой интервенции) парализует работу СБ ООН. Было выдвинуто предложение расширить роль евро-атлантической организации до «глобальной НАТО», выполняющей вышеупомянутые функции совместно с другими демократиями и при их непосредственном участии. В расширенной трактовке эта концепция требует «согласия демократических стран». Оно объединило бы их в новую всемирную организацию, способную внести неоценимый вклад в совершенствование мирового порядка.

Идея создания организации, объединяющей все демократии мира, вряд ли получит достаточную поддержку. К тому же она может иметь роковые последствия для попыток реформировать ООН. Однако привлекательной альтернативой может стать подход, при котором демократии берут на себя ответственность в случае неспособности ООН предпринять решительные действия при очевидных и недвусмысленных обстоятельствах, будь то гуманитарные катастрофы или террористические угрозы. Подобная практика в рамках альянса и при сотрудничестве с другими странами обретает большую легитимность и становится более эффективной.

На чем споткнется Китай?

Чез Фримен

Сегодня уже считается аксиомой, что ход событий в XXI столетии будет в значительной степени определяться развитием Китая и Индии. Они возрождают былую мощь и богатство — на сей раз в глобализованном мире, свободном от большей части экономических и культурных барьеров.

Прогнозировать будущее Индии не так-то просто. Приходится учитывать целый ряд факторов, включая неуправляемый прирост населения, вражду религиозных общин, сепаратизм, углубляющийся разрыв между классом образованных плутократов и неграмотным крестьянско-пролетарским сословием, бюрократизм, ядерное противоборство с Пакистаном, а также угрозы, связанные с изменением климата.

В случае с Китаем, напротив, легко быть оптимистом. Пожалуй, даже слишком легко.

ОПАСНОСТЬ АМЕРИКАНИЗАЦИИ

С тех пор как без малого 30 лет назад Дэн Сяопин отказался от утопических догм Мао в пользу эклектичного, прагматического курса, страна живет в атмосфере стабильного правопорядка и осуществляется выдающиеся экономические и общественные преобразования. Китай вошел в число экономических сверхдержав и занялся, нако-

Чез Фримен — президент Совета по ближневосточной политике (г. Вашингтон), председатель *Projects International*, в течение многих лет работал на ответственных должностях в Государственном департаменте США и Пентагоне, занимался проблемами Китая, Ближнего Востока, Африки, Южной Азии и европейской безопасности. Данная статья основана на лекции, прочитанной в июне 2007 года перед членами аналитического центра *Le Cercle*.

На чем споткнется Китай?

нец, созданием юридических и институциональных основ современного государства. Есть все основания ожидать законной передачи власти в будущем. В стране формируются меритократическая технократия и многочисленный средний класс собственников. Люди получают всё большую свободу, возможность самостоятельно строить свою жизнь, путешествовать по миру, знакомиться с нетрадиционными идеями и мнениями.

Народно-освободительная армия Китая (НОАК), некогда печально знаменитая своей технической отсталостью, наращивает современный потенциал для защиты независимости КНР, ее территориальной целостности и национальных интересов. Китай превращается в серьезную силу на море и в космосе. Глаза всей планеты устремлены на Пекин.

Если раньше мир боялся, что ошибки китайского руководства погубят страну, то теперь опасается, как бы сильный Китай не начал диктовать ему свою волю. Но достижения последних тридцати лет не гарантируют безоблачного будущего, а проблемы в Поднебесной весьма болезненно скажутся на многих странах. Впрочем, если КНР продолжит свое победное шествие, результат может быть не менее печальным.

Прежде всего, мир не должен допустить возникновения еще одной цивилизации, подобной нашей собственной, — потребительской и живущей в кредит. Если многомиллиардный Китай вздумает подражать Америке, его улицы заполонят 1,1 миллиарда машин, а импорт топлива превысит потребности всего остального мира. Выброс парниковых газов десятикратно зашкалит за нынешний уровень, а ежедневный объем отходов составит 3,3 миллиарда тонн. А что, если Пекин переймет и наш метод обеспечения безопасности посредством военного превосходства и превентивных вторжений? В этом и во многих других отношениях перспектива соседства с «американизовавшимся» (в смысле своего потребительского и внешнеполитического поведения) Китаем вызывает немалую тревогу.

Многих в США возмущает упорное нежелание КНР жить по нашим правилам, но, возможно, самое худшее, что мы можем сделать, — это добиться своего. Вместе с зарубежными партнерами и прогрессивной общественностью Китая мы должны уберечь его от повторения горьких ошибок, которые сегодня пытаемся исправить. Мысль о том, что, почувствовав свою силу, КНР может вслед за Соединенными Штатами попытаться встать над законом и традициями миро-

Чез Фримен

вого сообщества, должна напоминать о необходимости соблюдения международных норм всеми странами, в том числе и США.

ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ РОСТА

Безусловно, по-настоящему сильный Китай может и не появиться. Несмотря на громкие успехи последнего десятилетия, его правительственный доход все еще слишком мал, а государственный аппарат слишком слаб и неорганизован, чтобы обеспечить потребности современного государства. За последние 10 лет правительственные расходы на всех уровнях увеличились почти в шесть раз, и все же их общая сумма составит в этом году всего 20,8 % от ВВП (для сравнения: в США этот показатель приближается к 36,4 %, а в Великобритании он составляет 44 %). К тому же КНР некуда отступать: она и так уже ходит по краю в целом ряде отраслей. Обладая лишь четырнадцатой частью всей пахотной земли, Китай кормит одну пятую населения планеты.

Огромный политически опасный дисбаланс наблюдается в экономической сфере. В то время как одни регионы живут как зажиточные европейские страны, другие остаются в числе беднейших в мире. Сотни миллионов людей устремляются в города, где им предстоит прозябать в нищете, порождающей преступность и социальное недовольство. Более чем в ста городах численность населения уже перевалила за миллион, и в каждом из них разрастаются трущобы, переполненные «беженцами» из деревни.

Китай является не только самой многонаселенной в мире страной. На него приходится также больше половины мирового поголовья свиней и добрая четверть поголовья домашней птицы. В условиях скученного проживания китайцы, а в конечном итоге и все остальные, подвергаются постоянному риску новых, зачастую смертельных заболеваний. Хаотичное развитие экономики тяжелым бременем ложится на окружающую среду. Возможно, в ряде сфер КНР уже достигла той степени экологической деградации, когда урон попросту невосполним. Почти 90 % водных источников загрязнены, да и те пересыхают из-за обезлесения, неумеренного использования и климатически обусловленного сокращения объемов снега, выпадающего на Тибетском нагорье. Сегодня экологические проблемы являются причиной большинства народных волнений в Китае.

Население быстро стареет, государство же не имеет стабильного ресурса для обеспечения пенсионного и медицинского страхования,

На чем споткнется Китай?

а также других элементов системы социальной защиты старшего поколения. Каждому ребенку из однодетной семьи (а таких по-прежнему большинство) со временем придется стать финансовой опорой для двоих родителей, а возможно, и четырех бабушек и дедушек. В итоге — высочайший в мире уровень индивидуальных накоплений, подавление внутреннего экономического спроса, нездоровая зависимость от экспорта и, как следствие, уязвимость перед лицом экономических промахов крупных держав, таких, к примеру, как Соединенные Штаты.

Тот факт, что правительство, обязанное решать эти и другие проблемы, 60 лет назад победило в гражданской войне, больше не способствует укреплению его легитимности. К тому же Пекин не может похвастаться введением демократических выборов. Мандат компартии теперь напрямую зависит от ее действий: сможет ли она соответствовать растущим ожиданиям людей и сократить увеличивающийся разрыв между городом и деревней? Неудача на одном из этих направлений может обернуться потерей власти. Но при нынешнем политическом строе альтернатива коммунизму — анархия, а китайцам давно и хорошо известно, что это такое.

ОПАСНА ЛИ ВОЕННАЯ МОЩЬ КИТАЯ?

Еще одна проблема — обеспечение национальной безопасности. Китайцы не забыли гнет западного и японского империализма в XIX и XX веках. На памяти нынешнего поколения гибель более 30 миллионов человек от рук японских захватчиков, пришедших с моря. Китай имеет сухопутные границы с 14 странами. Со времени основания КНР в 1949 году ее армия сталкивалась с международными силами под командованием США в Корее, с индийской армией в Гималаях и советской на Дальнем Востоке, с американскими и вьетнамскими войсками в Индокитае. Неоконченная гражданская война разделила страну на две части, и превосходящие внешние силы оставляют за собой право вмешательства.

Все это означает, что правители Поднебесной имеют длинный список дел и не склонны ссориться с соседями. Неудивительно, что внешняя политика Китая строится на поддержании мира: Пекин занят внутренним обустройством и не горит желанием вмешиваться в глобальные пертурбации.

На родине великого стратега Сунь-цзы хорошо помнят его слова о том, что лучшая война — это та, которой не было. Пекин был

Чез Фримен

готов к ограниченному применению силы в конфликте с Индией в 1962-м и во Вьетнаме в 1979-м, однако весьма активно стремился к переговорному решению территориальных и иных споров. За последние десять лет эта тактика обеспечила мирное возвращение Гонконга и Макао, демаркацию сухопутных границ с Россией, Вьетнамом и новыми государствами Центральной Азии, а также значительный прогресс в разрешении единственного оставшегося территориального спора с Индией. Тот же подход Китай без лишнего шума использует и в установлении морских границ со странами Юго-Восточной Азии, с Кореей и Японией.

Недавнее резкое увеличение оборонного бюджета не противоречит мирной политике безопасности. Безусловно, расходы на вооружение отражают степень готовности к применению силы в сфере безопасности и внешней политики. После стольких лет скудного финансирования нынешние вложения поистине поражают воображение. Значительная часть денег пошла на давно уже назревшее повышение зарплат, но одновременно, как и было задумано, началась ускоренная модернизация устаревшей военной машины.

Однако, прежде чем делать выводы, нужно учесть, что в других отраслях политической экономики Китая модернизация проходит еще более ускоренно: возьмем, в частности, радикальное увеличение финансирования невоенных программ и проектов. Военному министерству еще предстоит побороться за достойное место в бюджетном списке.

Конечно, как мы нередко слышим, в официальный оборонный бюджет КНР не включены все военные и околовоенные расходы. Это может насторожить, если не учитывать, что Китай здесь не одинок. К примеру, официальный оборонный бюджет США составляет 499,4 миллиарда долларов, и журналисты обычно приводят эту цифру, сообщая, что наши военные затраты составляют 3,6 % от ВВП. Однако околооборонные расходы в других отраслях федерального бюджета дают в сумме не меньше 435,5 миллиарда долларов. Итого в нынешнем финансовом году на оборонные и околооборонные нужды будет потрачено не менее 935 миллиардов долларов. А если прибавить к этому до сих пор засекреченные расходы на разведку! Да и без того 935 миллиардов долларов составляют уже не 3,6, а 6,8 % от ВВП.

Затрат, оставшихся за пределами официального оборонного бюджета, у Китая, пожалуй, даже несколько меньше, чем у США, хотя

На чем споткнется Китай?

никто, включая НОАК, не смог пока представить надежные данные по данному вопросу. Ради эксперимента предположим, что процент внебюджетных затрат в КНР равняется американскому показателю. В таком случае Пекин тратит на оборону в общей сложности до 84 миллиардов долларов, что на 39 миллиардов больше, чем официальные 45 миллиардов. Иными словами, вместо 1,7 % от ВВП, заявленных в оборонном бюджете, мы получаем примерно 3 %.

Это отнюдь не лучший метод политической экстраполяции, однако он позволяет сделать два вывода. Во-первых, составляя бюджет, Пекин по-прежнему уделяет военной сфере меньше внимания, нежели хозяйственной. Во-вторых, увеличение оборонного бюджета Китая дает меньше причин для беспокойства, чем склонны полагать паникеры и сторонники «железной» обороны.

Оперативно укрепляя НОАК, КНР все же не спешит отводить большие суммы на оборону. Если сравнить оборонные бюджеты в процентном отношении к ВВП, то китайский окажется в два с лишним раза меньше американского. К тому же и ВВП США гораздо больше, а следовательно, в абсолютном отношении (по номинальному валютному курсу) мы тратим на оборону в 10 раз больше, чем Китай. Какая уж тут гонка вооружений! Мы бегуны разного уровня.

Но военная казна не равняется военному потенциалу, а именно он имеет решающее стратегическое и тактическое значение. В этом смысле, учитывая размеры КНР и скорость ее военной модернизации, безусловно, следует быть начеку. Соединенным Штатам, как и всем соседям Китая необходимо выяснить, не связан ли характер вложений с возможным изменением роли и задач НОАК на ближайшие 10 лет?

На данный момент направление модернизации китайских вооруженных сил полностью соответствует их традиционной роли. Все эти годы КНР систематически наращивает боевой потенциал, дабы предотвратить отделение Тайваня или возвращение на остров американских либо японских войск. Пока никто не смог доказать, что Пекин разрабатывает систему вооружений либо доктрину, напрямую не связанную с тайваньской проблемой или проблемой защиты других наземных и морских границ.

Итак, военная модернизация Китая впечатляет, но ей далеко до всеобщей мобилизации перед началом войны. Пекин не признаёт логику гарантированного взаимоуничтожения, он совершенствует свой ядерный арсенал, но намеренно удерживает его в скромных пределах. КНР не стремится обладать средствами стратегической

Чез Фримен

перевозки, бомбардировочной авиацией, авианосными ударными группами и амфибийными силами. Китайцев не привлекают средства управления, контроля, связи, разведки и наблюдения, обеспечившие Америке непревзойденную способность осуществлять военные операции в отдаленных точках.

Некоторые в Соединенных Штатах, конечно, предпочли бы, чтобы Китай и впредь производил авианосцы, ядерные подлодки и прочие атрибуты глобального запугивания. Без этого все труднее оправдывать поддержание огромной силовой структуры и оборонно-промышленной базы, созданной на случай войны с СССР. Профессиональные политики и сторонники сильной руки весьма избирательно слушают объяснения Пекина, подменяя их собственными рассуждениями на тему «Что должен сделать Китай, чтобы отнять у нас статус мирового гегемона». Но к чему выдумывать сложные объяснения действий, предполагаемые результаты которых полностью совпадают с узкими целями, заявленными самими китайцами? Здесь работает принцип «бритвы Оккама»: простейшее объяснение — всегда самое верное.

То, что Пекин не стремится повторить самоубийственную попытку СССР достичь силового паритета с Америкой, не означает, конечно, что ускоренная модернизация его военной сферы не заслуживает пристального внимания. Она влияет не только на ситуацию в Тайваньском проливе, но и на баланс сил в отношениях КНР с такими ее соседями, как Япония, Россия, Индия, Индонезия и Австралия. За исключением Токио, который кажется растерянным и не знает, какую стратегию безопасности избрать на ближайшее столетие, остальные довольно легко приспосабливаются к переменам. Но для США это нешуточный вызов, вполне оправдывающий пристальное внимание к Пекину. В конце концов, Китай — гигант на международной арене. В Тихоокеанском регионе, а возможно, и во всем мире лишь одна страна может сравниться с будущей КНР, обновленной с экономической, культурной, а если Пекин того пожелает, и с военной точки зрения. Эта страна — Соединенные Штаты.

ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Последние 60 лет Америка удерживала Пекин от аннексии Тайваня в основном благодаря своему могуществу. Китай, в первую очередь стремящийся к национальной целостности, оказывал достаточное давление на Тайбэй, чтобы заставить его серьезно задуматься о воз-

На чем споткнется Китай?

возможности компромисса и отказаться от попыток отделения. Военная модернизация КНР во многом направлена на достижение той степени превосходства, при которой Тайвань воздержится от опасных шагов. В ответ на усиление Пекина Вашингтон стал более открыто помогать Тайбэю, заставив Китай искать способы противостояния возможной интервенции США. Выходит, что ни Пекин, ни Вашингтон не хотят конфликта, но усиленно строят планы на случай войны.

Тайваньский вопрос — это китайский национализм и правительство, требующее признания его легитимности, с одной стороны, и тайваньская политика идентичности и национальная гордость американцев — с другой. На сегодняшний день это единственно возможная причина американо-китайского вооруженного конфликта. Пекин и Вашингтон стремятся удержать Тайбэй от скоропалительных шагов, ведущих к насилию, но ни тот ни другой не имеют решающего влияния.

Война из-за принадлежности острова будет далеко не шуточным делом: она способна перерасти в обмен ядерными ударами или затяжной конфликт глобального масштаба. Какой бы статус ни получил в итоге Тайвань, его демократии и процветанию придет конец. К счастью, долгосрочные тенденции в Тайваньском проливе дают надежду на мирное разрешение проблемы. Опасность войны уменьшается, однако наши европейские друзья должны понимать, насколько серьезным является тайваньский вопрос для Америки и Китая. Союзники США и сторонники КНР должны проявлять осторожность во всем, что может повлиять на ситуацию вокруг Тайваня.

ЧЕТЫРЕ УГРОЗЫ

Помимо катастрофических последствий ошибок в тайваньском вопросе, существует ряд негативных сценариев, лишь отчасти связанных с вышеперечисленными проблемами. Не думаю, что они воплотятся в жизнь, однако их все же следует рассмотреть. Камнями преткновения на пути Китая могут стать четыре фактора.

Во-первых, глобальная депрессия или неудачная попытка реформирования валютного и фондового рынка КНР.

Из-за заниженного курса юаня экономический рост как основа политической стабильности слишком зависит от экспорта. Но пока Пекин наращивает запредельный валютный резерв, мир играет в американскую рулетку с раздутым долларом и долларовыми долго-

Чез Фримен

выми инструментами. В этой игре победитель получает мешок обесцененных «зеленых». О внезапном крушении доллара не принято говорить в приличной компании, но не думать о нем нельзя. Для глобальной экономики оно станет серьезным ударом, для Китая с его политикой реформ — катастрофой.

Получается, что крах КНР может быть вызван не только ее собственными просчетами. Пекин, Вашингтон и остальные еще должны прийти к взаимному регулированию валютных курсов и реформе валютных систем в целях поддержания экономического благополучия. Но можно ли надеяться на успех, когда в Сенате США идет вопиюще неграмотная дискуссия по поводу китайской денежной реформы, а Пекин по-прежнему остается за рамками ряда глобальных организаций, занимающихся этими вопросами?

Сходная проблема возникает из-за рискованных игр мелких китайских инвесторов и шаткости молодых фондовых рынков КНР. Незрелость фондовых рынков и финансовой системы в целом порождает нездоровые направления в экономике, препятствует развитию общества будущего, угрожает стабильности. Крах рынка в стиле XXI века с последующей массовой безработицей и беспорядками — перспектива для Китая вполне реальная. Остановка в экономическом развитии (независимо от ее причин) может серьезно подорвать общественную поддержку реформ и курс на экономическую открытость. А это, в свою очередь, нанесет удар по глобальной экономике и благосостоянию множества людей, даже не знающих, где находится КНР и какое отношение она имеет к их жизни.

Во-вторых, препятствием для продолжения экономического роста может стать нехватка горючего и прочих ресурсов.

Мир с трудом приспособляется к запросам Китая, в одночасье превратившегося в крупнейшего потребителя многих ресурсов. Сегодня он занимает первое место по импорту железа, стали, алюминия, меди и второе — по общему потреблению энергии. Обратной стороной медали является то, что Пекину не так-то просто обеспечивать бесперебойное снабжение стремительно растущей экономики. Устойчивое повышение курса юаня смягчит тяжесть новых затрат, но нарушение поставок из-за естественной или искусственной катастрофы либо жестких ограничений импорта может поставить экономику на колени, причем политические последствия будут практически идентичны последствиям глобального экономического коллапса или биржевого краха.

На чем споткнется Китай?

К тому же, как новичок в сфере инвестиций в топливную и добывающую промышленность, КНР вынуждена проявлять активность только в регионах, свободных от присутствия крупных западных компаний. В результате она крепит связи со странами, которые Запад пытается изолировать посредством санкций и блокад. В результате давление Запада уменьшается, а растущее влияние Китая вызывает дополнительные трения.

В-третьих, проблемы могут быть вызваны провалом демократического процесса.

Китайцы видели, как попытки мгновенной демократизации в странах без традиций правопорядка или значительного среднего класса оборачивались дестабилизацией общества, сепаратизмом, религиозными конфликтами, гражданской войной, клептократией и диктатурой. Через это уже прошли бывшая Югославия, Ирак, Россия, государства Центральной Азии и Кавказа. Пекин осознаёт необходимость политических перемен, которых требует средний класс, но вряд ли бросится в реформы очертя голову. Следует отметить, что ошибки в ходе политической трансформации могут навредить уникальному политическому, экономическому и культурному многообразию большого Китая и его рациональной внешнеполитической линии. Так, общество, не готовое к демократии, вполне может спросить:

- почему Гонконг и Макао не платят Пекину налоги, как остальные китайские города?
- почему национальные меньшинства не соблюдают «правило одного ребенка», необходимое для ограничения прироста населения?
- почему при восстановлении морских границ КНР должна идти на компромисс с более слабыми соседями?
- почему бы Китаю не использовать растущее военное присутствие в Тайваньском проливе, чтобы решить проблему раз и навсегда?
- почему внешняя политика Пекина не отражает в достаточной мере отношение китайцев к иностранным правительствам, когда те наносят удары по китайским посольствам и осуществляют агрессивный авиационный шпионаж над берегами Китая, когда они продают оружие Тайбэю и беззастенчиво отрицают факты общей истории?

Наконец, **в-четвертых**, существует опасность националистического взрыва в ответ на явные оскорбления со стороны Америки или Японии.

Мы, американцы, и в том числе наши лидеры, сами того не замечая, изо дня в день оскорбляем наших китайских коллег. Мы

Чез Фримен

оспариваем легитимность их правительства, презираем их строй и их самих — «злых коммунистов». Мы не допускаем их в международные организации из-за отсутствия у них демократии, подозреваем во всех грехах, клеймим как врагов, по меньшей мере потенциальных, и на этом основании прячем от них свои технологии и т. д. и т. п. Для КНР общение с нами — это постоянное испытание на выдержку во избежание ссор и бесцельного антагонизма со скандальным и агрессивным соперником. Что касается наших уважаемых японских союзников, то они порой бывают даже более бестактны и немилосердны, чем мы.

Походя раздавая щелчки, можно произвести впечатление на электорат, однако каждый такой щелчок настраивает против нас китайцев — людей прагматичных, но гордых. Несмотря на старания лидеров обеих сторон, любой инцидент способен прорвать плотину, и тогда на нас обрушится поток гневных обвинений, который начисто смоеет благие намерения Пекина. Все, что нужно, чтобы превратить Китай во врага, — это обращаться с ним, как с врагом. В каком-то смысле США и Япония уже опасно близки к этой черте.

НЕ ПОДДАВАТЬСЯ ПЕССИМИЗМУ

И все же я с оптимизмом смотрю на будущее КНР и китайско-американских отношений. Не думаю, что сбудутся перечисленные негативные сценарии. Китай богат людскими и природными ресурсами. Китайцы не заражены ни ксенофобией, ни враждебностью к нынешнему мировому порядку. Пекин сумел создать вполне благоприятную внутривластную обстановку и с возможной оперативностью работает над ее дальнейшим улучшением. Китайцы — прирожденные предприниматели, они не боятся перемен и учатся на своих ошибках. Их лидеры успешно руководят трансформацией небывалых доселе масштабов и сложности. Китайское правительство, пожалуй, первое в мире по экономической грамотности. В политической же сфере Пекин продемонстрировал исключительное самообладание, хладнокровие и умение воздерживаться от несвоевременных начинаний. Есть все основания полагать, что так будет и впредь.

Посему, как ни заманчиво было бы спрогнозировать наихудший исход для КНР, я не могу этого сделать. Ожидая краха, мы забываем о том, насколько важно предотвратить его, поспособствовав дальнейшим успехам Китая. И если пагубно ожидать худшего, то

На чем споткнется Китай?

еще пагубнее вести себя так, будто худшее неизбежно. Пессимизм слишком быстро перерастает в паранойю, которая рано или поздно становится реальностью.

Пока неясно, как Пекин распорядится своими ресурсами и влиянием. В наших общих интересах помочь ему направить растущую мощь и богатство на общее благо. Но мы не сможем этого сделать, если поддадимся подозрительности и злобе либо примемся смаковать гипотетический провал КНР. Дальнейшие успехи Китая пойдут на пользу всему миру. Его неудачи почувствуют все.

Россия и Китай в зеркале американской политики

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

В представлениях политической элиты США за последние два-три года образы России и Китая сблизились. Этот процесс проходил по двум направлениям.

Во-первых, Российская Федерация и Китайская Народная Республика все чаще рассматривались как крупные страны с рыночными экономиками и авторитарными режимами.

Во-вторых, эти государства объективно препятствуют усилению американского влияния на мировой арене.

Однако содержание и стиль политики, а также риторика Соединенных Штатов существенно меняются в зависимости от того, заходит ли речь о России или Китае. Москва и Пекин объединены сходством во взглядах на систему международных отношений, которую в современном мире пытаются формировать США. И Россия, и КНР не приемлют склонность Вашингтона перестраивать внешний мир на свой лад и последовательно оказывают ему сопротивление. Тем не менее как внутренняя, так и внешняя политика Пекина не вызывают в США столь бурной реакции, как действия России.

Подход Соединенных Штатов к Китаю в целом остается более деловым, выдержанным и конструктивным. Российская же внутриполитическая действительность и деятельность Москвы на мировой арене все больше демонизируются. Американцы оценивают Россию более эмоционально, чем КНР. Причем призывы к сдерживанию в официальных американских документах и докладах экспертных ор-

И.А. Зевелёв — д. полит. н., руководитель представительства Российского агентства международной информации «РИА Новости» в Вашингтоне.

М.А. Троицкий — к. полит. н., доцент МГИМО (У) МИД России.

Россия и Китай в зеркале американской политики

ганизаций звучат куда более отчетливо и убедительно по отношению к Москве, нежели к Пекину.

В 2001 году российское направление политики Джорджа Буша основывалось на определенном доверии, в то время как Китай рассматривался в качестве стратегического соперника. К концу второго срока пребывания у власти 43-го президента США стало ясно, что частью его внешнеполитического наследия станут неожиданно хорошие отношения с коммунистической КНР и столь же неожиданная напряженность во взаимодействии с Россией.

С 2005-го целью администрации Буша является, как выразился тогда ставший впоследствии президентом Всемирного банка Роберт Зеллик, превращение Китая в «ответственного держателя акций» миропорядка. В то же время американско-российские связи постоянно ставятся в зависимость от прогресса России на пути к либеральной демократии и ее политики на постсоветском пространстве.

Характерны выводы, сделанные влиятельными экспертами Совета по международным отношениям США в последних докладах по России (2006) и Китаю (2007).

Американо-российские отношения предлагается строить по принципу выборочного сотрудничества, а не партнерства, которое открыто объявляется невозможным. Авторы доклада утверждают, что американо-российское «противостояние вытесняет согласие. Сама идея «стратегического партнерства» более не кажется реалистичной».

В отношении КНР, напротив, рекомендуется политика включения этой страны в мировые процессы при определенном сдерживании ее возрастающей мощи. Прямое жесткое сдерживание решительно отвергается. Американской администрации предлагается «сконцентрировать усилия на позитивной программе интеграции Китая в глобальное сообщество, содействуя формированию у КНР таких интересов, которые позволят расширить существующее сотрудничество и создать новые возможности для кооперации на региональном и глобальном уровнях».

Другими словами, Россия в глазах США все больше превращается в несостоявшегося партнера, а Китай — это быстро растущая держава, которую необходимо интегрировать в формируемый американцами миропорядок.

В чем же причины негативных эмоций в одном случае и спокойного прагматизма в другом? Почему паранойя в отношении поднимающейся КНР — удел авторов-непрофессионалов, маргинальной

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

литературы, протайваньского лобби и ультраконсервативных аналитиков, а «вероломно рычащий российский медведь» — обычный образ для вполне уважаемых изданий? Почему официальные американские документы осторожно призывают Пекин продолжать движение в сторону реформ и открытости, а Москву постоянно строго предупреждают, что двусторонние отношения будут зависеть от ее поведения? Самое главное: что делать России в этих условиях, а также насколько возможна и желательна «китайская модель» отношений с Соединенными Штатами?

РОССИЯ И КИТАЙ

КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ США

Сравнение традиционных потенциалов России и Китая позволяет сделать вывод о том, что именно последний имеет больше шансов стать основным конкурентом Америки на мировой арене XXI века. Открытым остается лишь вопрос о формах этого соперничества.

КНР значительно опережает Россию по валовым экономическим показателям: в 2006 году китайский ВВП составлял 77 % от американского по паритету покупательной способности против российских 13 %. Даже если измерять ВВП по текущему обменному курсу, к 2027-му Китай, как утверждают эксперты крупнейшего инвестиционного банка *Goldman Sachs*, превзойдет США. Промышленный рост КНР иллюстрирует тот факт, что уже в 2006 году там было выпущено больше автомобилей, чем в Соединенных Штатах. Если даже предположить, что темпы российской экономики и впредь сохранятся на высоком уровне последних семи лет, процентное соотношение российского и американского ВВП в ближайшие десятилетия существенно не изменится. Россия будет все больше отставать от США демографически: к 2050-му ее население может сократиться со 144 до 108 млн человек, тогда как число американцев возрастет с 300 до 400 миллионов.

Если вынести за скобки ракетно-ядерные возможности России, то Китай потенциально опаснее для Вашингтона в качестве глобального соперника. КНР уже в течение 16 лет осуществляет амбициозную программу модернизации своих вооруженных сил, включая космический, военно-морской и ракетный компоненты. В своих ежегодных докладах о китайской армии, публикуемых с 2000 года, Пентагон постоянно высказывает озабоченность в связи тем, что данные о военных расходах и вооружениях остаются непрозрачными.

Россия и Китай в зеркале американской политики

ми. Особое беспокойство США вызвали учения, проведенные в январе 2007-го, когда китайская баллистическая ракета уничтожила спутник на околоземной орбите. Видный американский эксперт-китаевед директор Стокгольмского международного института исследований проблем мира Бейтс Джилл и его соавтор Мартин Клейбер высказали на страницах журнала *Foreign Affairs* опасение по поводу того, что «правая рука Пекина могла не знать, что делала левая. Народно-освободительная армия Китая и ее ракетные силы, скорее всего, проводили испытания противоспутникового оружия, не поставив в известность другие ключевые ведомства КНР, ответственные за национальную безопасность и внешнюю политику».

В последнем официальном обзоре американской военной стратегии, выходящем в Вашингтоне раз в четыре года, Китай назван страной, «в наибольшей степени способной состязаться с Соединенными Штатами в военной сфере и внедрять разрушительные военные технологии, которые со временем могут подрвать традиционные факторы американского военного превосходства при отсутствии встречных мер со стороны США».

Политическая система КНР гораздо менее плюралистична и открыта, чем российская. Американцам в целом ближе процесс принятия решений российскими чиновниками, нежели китайскими: недостатки российской системы государственного управления, присущие самим Соединенным Штатам на определенном этапе их развития, затем были американцами частично или полностью изжиты.

Впечатление, производимое на Вашингтон перспективами роста мощи Китая, усугубляется его непроницаемостью для американского «мягкого» влияния. КНР гораздо менее восприимчива к американским ценностям, нормам поведения и практикам, чем Россия.

В Китае сложился вполне твердый консенсус относительно неприятия американских взглядов на демократию и политический плюрализм. За исключением немногочисленных диссидентов даже те силы, которые считаются относительно либеральными, выступают за осторожные, медленные реформы с учетом китайской специфики. В России «западники» достаточно сильны, если не политически, то, по крайней мере, интеллектуально. Есть и «проамериканская» оппозиция официальному политическому курсу, в отношении которой власти действуют существенно мягче, чем в КНР.

Характерны различия в ощущении общности с западными странами и в том, что касается экологии планеты. Россия присоедини-

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

лась к Киотскому протоколу, взяв на себя определенные обязательства, и при этом не испытывает проблем с их соблюдением, поскольку выбросы парниковых газов в нашей стране существенно ниже установленных объемов. Китай же исходит из «общей, но дифференцированной ответственности», а выбросы газов там продолжают увеличиваться. Экологическую повестку дня мировой политики Пекин в целом воспринимает как попытку стран Запада «стреножить» развивающуюся китайскую экономику, навязать ей невыгодные модели развития. Разного рода природоохранные стандарты КНР считает несправедливыми и не собирается их применять на практике до тех пор, пока не приблизится по душевым показателям благосостояния к западным государствам.

Даже в начале 2000-х, когда в мире господствовал в целом позитивный образ Соединенных Штатов, Пекин настороженно относился к их роли на мировой арене. Неприятие «американской гегемонии» — одна из наиболее последовательных линий, проводимых Китаем во внешнеполитической риторике. Сближение Пекина с Вашингтоном на волне антитеррористической борьбы было менее тесным, чем Москвы с Вашингтоном. Атмосфера американо-китайских отношений заметно не изменилась после 11 сентября 2001 года. КНР испытала явное удовлетворение от того, что внимание США переключилось на Ближний и Средний Восток. Напротив, наращивание американского военного присутствия в Центральной Азии вызвало у Китая серьезную обеспокоенность задолго до 2005-го, когда на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Астане к этой позиции официально присоединилась Россия. Пекин озабочен также и уменьшением собственного влияния в Пакистане, и использованием Японией своих сил самообороны в операциях на Среднем Востоке, и участием Вашингтона в антитеррористической операции на Филиппинах. Все это усилило традиционные опасения Китая оказаться в «окружении».

Вышеперечисленные факторы вроде бы «объективно» делают КНР, а не Россию главным оппонентом Соединенных Штатов на мировой арене. В такой ситуации противоречия между двумя сверхдержавами — нынешней и потенциальной — должны были бы только обостряться. Почему же тогда особое раздражение вызывает у американцев именно Россия? Непропорционально большая роль, которую играют антироссийские этнические лобби в Вашингтоне, а также отсутствие мощных экономических групп влияния, создающих

Россия и Китай в зеркале американской политики

достаточный баланс и кровно заинтересованных в поддержании хороших отношений с Москвой, как это имеет место в случае Пекина, не могут полностью объяснить складывающуюся картину.

Ключ к ответу на поставленный вопрос имеет смысл искать в том, что американское политикоформирующее сообщество не воспринимает Россию в качестве «иной», как КНР.

С одной стороны, имея более тесные исторические, культурные и институциональные связи с Западом, Россия представляет для него гораздо меньшую стратегическую угрозу в перспективе. С другой же стороны, она вызывала у американцев более оптимистичные ожидания, как страна, бывшая в их восприятии на протяжении последних 15 лет более «схожей» с Соединенными Штатами, чем Китай. В начале 1990-х демократическая интеллигенция, включая медиасообщество, полагала, что Россия в обозримой перспективе полностью уподобится Западу и «вольется в его ряды».

Американское политическое и экспертное сообщество надеялось, что Россия, пусть и с некоторым запаздыванием, последует за центральноевропейскими государствами, которые более или менее успешно прошли болезненный путь политических и социально-экономических реформ и присоединились к западным институтам — НАТО и Европейскому союзу. Прием в НАТО стран Центральной Европы в прошлом десятилетии, как предполагалось в некоторых кругах Вашингтона, должен был, в частности, подтолкнуть Россию к сотрудничеству с этой организацией. По американской логике, у Москвы не оставалось иных вариантов, кроме как смириться с подобным геополитическим ударом.

После расширения, считали американские эксперты, Россия была бы вынуждена инициировать полномасштабное взаимодействие с НАТО — «неизбежной реальностью» постбиполярного мира. На деле, однако, расширение несколько не оправдало подобные надежды и, наоборот, обострило российско-американские отношения, которые улучшились лишь на короткий период после 11 сентября 2001 года. По мнению известного аналитика-международника Алексея Богатурова, если «в первой половине 1990-х годов Москва была поглощена задачей “понравиться” западным партнерам», то «во второй половине этого десятилетия... российская дипломатия была сориентирована на минимизацию ущерба от тех основных международных процессов, в которые Россия была объективно включена, но в регулировании которых она фактически не принимала никакого участия».

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

Разрыв между ожиданиями и реальностью привел к формированию в США стойкого восприятия России как европейской, но «девиантной» страны, чьи внутренние реалии, а также внешнеполитическая риторика и деятельность не укладываются в привычный стереотип. Россия, как «переходное» государство, по мнению американской общественности, должна была стремиться к укреплению сотрудничества с Соединенными Штатами, активно перенимать американские ценности и практики государственного управления.

Отсутствие такого стремления породило желание «научить» Россию, трансформировать ее из «пока еще иной» в «свою». Это и привело к парадоксу чрезмерно «взыскательного» отношения к Москве по сравнению с Пекином, гораздо в большей степени заслуживающим критику по тем позициям, которые «вменяются в вину» России.

В практической плоскости особенностью американо-российских отношений является постоянно обновляемый список острых проблем, в числе которых перспективы расширения НАТО, внутривнутриполитическая борьба в Украине и в Грузии, пути прокладки трубопроводов, будущий статус Косово, планы размещения элементов американской противоракетной обороны в Польше и Чехии, военное присутствие России и США в центральноазиатских странах. Все узлы противоречий географически сосредоточены на широкой дуге, пролегающей от Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы через Кавказ и Каспий к Центральной Азии. В этих трансформирующихся регионах сталкиваются интересы безопасности глобальной (Соединенные Штаты) и региональной (Россия) держав.

КНР и США также соперничают за влияние в различных регионах Азии. Однако это соперничество носит скорее позиционный характер и редко приводит к кризисным ситуациям в американо-китайских отношениях. Пекин постоянно подчеркивает принцип партнерства в диалоге с соседями, для чего широко используются многосторонние институты («АСЕАН плюс 3», АТЭС, Восточноазиатский саммит, ШОС). Движимый потребностью в энергетических ресурсах для экономического роста, Китай расширяет свое присутствие в Африке и ряде стран Латинской Америки. Это не может не вызывать настороженность американской администрации, однако не толкает Вашингтон и Пекин на путь взаимных упреков и острой словесной полемики на уровне высоких государственных чиновников.

Россия и Китай в зеркале американской политики

НОВЫЙ «ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»
В поисках партнеров, готовых совместно с Россией сдерживать напор Соединенных Штатов, Москва еще в середине 1990-х годов остановила взгляд на Пекине. Взаимодействие с КНР на этом направлении представлялось весьма перспективным. Лейтмотив китайской внешнеполитической риторики — не допустить чьей-либо «гегемонии» в мире в целом и в Азии в частности — созвучен российскому стратегическому мышлению.

Еще авторы российской Концепции национальной безопасности (2000), формально действующей до сих пор, назвали одной из главных угроз «стремление отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности», то есть действовать в одностороннем порядке. Речь в документе шла, разумеется, о США и НАТО. Поразительно сходство оценок в российской Концепции с тезисами аналогичного китайского документа — Новой концепции безопасности Китая, принятой двумя годами ранее. В Пекине в числе главных угроз назывались гегемония и силовая политика, менталитет холодной войны, расширение военных блоков и укрепление военных союзов.

РФ и КНР выработали особую стратегию ответа Америке. Они не идут на полноценный союз для открытого противодействия Соединенным Штатам, а пытаются создавать противовес, лишь косвенно затрагивающий американское влияние. Москва и Пекин не планируют явно противопоставлять себя Вашингтону, рискуя столкнуться с жесткими ответными мерами. Они лишь стремятся продемонстрировать, что стоящий перед ними выбор в пользу партнерства с Америкой небезальтернативен.

Свою политику в отношении с США Россия и Китай строят на представлении о том, что американская мощь в мировой политике и экономике ослабевает, а российская и китайская усиливаются. К такому заключению наблюдателей в Москве и Пекине подталкивает ряд соображений.

Во-первых, темпы роста экономик обеих стран существенно превосходят аналогичные показатели развитых государств, включая Соединенные Штаты.

Во-вторых, трудности, которые испытывают американские войска в Ираке и Афганистане, интерпретируются Москвой и Пекином как признак разрушения однополярной системы международных

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

отношений во главе с США. Учитывая, что совсем недавно способность одновременно вести две крупные войны составляла основу американской военной доктрины, российские и китайские наблюдатели склонны полагать, что во внешней политике Соединенных Штатов эра односторонних действий, как минимум, заканчивается. Это впечатление усиливается неудачами американской дипломатии в поддержании режима нераспространения ядерного оружия, особенно в связи со сложностями на иранском направлении. Например, по оценке Алексея Арбатова, «США утрачивают влияние в Западной Европе, на Дальнем Востоке и даже в своей традиционной “вотчине” – Латинской Америке».

В-третьих, в России и Китае исходят из того, что в 2000-е годы имидж Соединенных Штатов и их способность оказывать «мягкое» влияние серьезно пострадали вследствие нарушений прав человека в тюрьмах «Абу-Грейб», на базе ВМС США в Гуантанамо и секретных следственных изоляторах ЦРУ в Восточной Европе. Многие российские и китайские эксперты считают, что возросший уровень антиамериканизма в мире со времени начала иракской кампании расширяет круг стран, которые охотно присоединятся к усилиям по ограничению всевластия Вашингтона.

Наконец, **в-четвертых**, внутривнутриполитическая борьба в США вокруг перспектив продолжения иракской кампании и отсутствие единого мнения в американских правящих элитах по этому вопросу нередко интерпретируются российскими и китайскими политиками и экспертами как признак слабости Соединенных Штатов.

В силу указанных обстоятельств, как ожидают в Москве и Пекине, способность Америки добиваться своих целей на мировой арене уменьшится. Это произойдет если не в краткосрочной (через 3–5 лет), то в среднесрочной либо долгосрочной перспективе (по истечении 10–15 лет). Поэтому, не играя на быстрое снижение «американских акций», Россия и Китай четко обозначают свое нежелание идти в фарватере американской политики в качестве «младших партнеров».

Справедливо отмечая, что у обеих стран много общих черт в оценках мировой ситуации и в их отношении к США, российское внешнеполитическое сообщество упускает из виду один значимый факт: Пекин охотно уступает Москве роль «ведущего» в противодействии неприемлемой для обеих сторон политике Вашингтона. Сама же КНР добилась более ровного и прагматичного взаимодействия с Америкой.

Россия и Китай в зеркале американской политики

«Китайская модель» сочетает самостоятельную линию на мировой арене, категорическое неприятие попыток включить внутривнутриполитические проблемы в повестку дня двусторонних отношений и определенное политическое дистанцирование от Запада, чей опыт и рекомендации, по твердому убеждению пекинских руководителей, неприменимы напрямую, учитывая современные китайские реалии.

Исходя из собственных интересов и оценки угроз со стороны Соединенных Штатов, Пекин заинтересован в сохранении высокого уровня противоречий между Москвой и Вашингтоном. КНР выгодна ситуация, в которой Россия воспринимается как главный критик американской политики, принимающий на себя всю силу ответной реакции. Китай еще больше, чем Россия, опасается противостоять американской политике, если результатом окажется его изоляция. Например, китайским представителям в Совете Безопасности ООН отнюдь не свойственно в одиночестве использовать право вето, когда речь идет о важной для США резолюции, если только она не касается проблемы Тайваня. К примеру, Пекин наверняка не стал бы «ветировать» резолюцию СБ ООН, предоставляющую фактическую независимость Косово, если бы Россия воздержалась при голосовании.

В целом сложно представить себе ситуацию, при которой именно Китай прикладывает бы максимум усилий, чтобы блокировать нежелательные для него американские инициативы, а Россия лишь поддерживала бы его жесткую критику в адрес США, часто предпочитая оставаться в тени и предоставляя КНР возможность объяснять логику несогласия с американской позицией. Подобный подход привел бы к гораздо более жесткой ответной реакции Вашингтона в адрес Пекина. Под вопрос была бы поставлена сама стратегия «мирного подъема» — постепенного усиления, не провоцирующего другие великие державы. Еще архитектор китайского «экономического чуда» Дэн Сяопин призывал к тому, чтобы КНР «играла незаметную роль на мировой арене и не стремилась к руководящей роли». Нынешний китайский лидер Ху Цзиньтао подчеркивает, что Пекин еще два десятилетия будет уделять первоочередное внимание вопросам внутреннего развития.

ЧТО ОБЕЩАЕТ РОССИИ «КИТАЙСКИЙ ПУТЬ»?

Под давлением напористой политики Соединенных Штатов, явно не готовых к компромиссам с Россией, Москва продолжает дрейфо-

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

вать в сторону от Запада. В нашей стране появляются приверженцы перехода к «китайской модели» отношений с Америкой. И все же, прежде чем сделать окончательный выбор, стоило бы задуматься, какие издержки предвещает эта модель.

Не исключено, что Россия, как минимум, должна будет готова отказаться от содержательного диалога с Западом в рамках таких институтов, как «Большая восьмерка», Совет партнерства и сотрудничества с Европейским союзом и Совет Россия — НАТО, а возможно, и в таких многосторонних структурах, как Совет Европы и ОБСЕ. Причем покинуть эти «клубы» пришлось бы по собственному желанию, демонстрируя тем самым уверенность в себе и независимость от Запада.

В Москве уже реализуются или обсуждаются варианты разрыва некоторых договоренностей с участием России и Запада: был введен мораторий на выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года, есть вероятность выхода из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, заключенного в 1987-м. В то же время подобные меры затрагивают только режимы контроля над вооружениями. Членство в институтах политического диалога с Западом по-прежнему высоко ценится российским руководством. Хотим ли мы в реальности и можем ли себе позволить сократить наше участие в этих структурах?

Вступление в «Группу восьми» и создание институтов взаимодействия России с ЕС и НАТО обоснованно воспринимаются у нас как крупные внешнеполитические успехи последнего десятилетия. В этом заключается одна из немногих схожих черт внешней политики президентов Путина и Ельцина. Их объединяет стремление сидеть за одним столом с западными партнёрами, причем не в качестве «иных, приглашенных по случаю» (подобно Китаю на самитах с Евросоюзом или в кулуарах «Большой восьмерки»), а как равноправные постоянные участники диалога. Российские лидеры ценят то доверие, которым они пользуются среди западных лидеров.

При всех проблемах, имеющих в российско-натовских отношениях, партнеры России по Совету Россия — НАТО гораздо больше доверяют российским руководителям, чем китайским, по таким стратегическим вопросам, как нераспространение ядерного оружия, основные параметры российского военного строительства и доктрины использования вооруженных сил. Даже беглое знакомство с документами внешней политики и военной стратегии КНР дает основание полагать, что китайские официальные лица в полной мере ре-

Россия и Китай в зеркале американской политики

ализуют на практике поговорку, согласно которой «язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли».

Прошло уже целое десятилетие с момента учреждения структур взаимодействия Россия – НАТО и присоединения России к «Большой восьмерке» и Совету Европы. За это время Москва проделала часто недооцениваемую нами работу по «притирке» к западным партнерам. Россия сумела утвердиться в совместных с Западом институтах, научилась проявлять на их форумах инициативу и изобретательность. Российское председательство в «Группе восьми» вполне укладывалось в принятые там интеллектуальные и организационные стандарты. Опыт выстраивания взаимодействия между союзниками по НАТО в рамках Совета евро-атлантического партнерства наверняка пригодился российским дипломатам, ответственным за укрепление интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Москва научилась находить весомые аргументы и уверенно отстаивать свою позицию даже в диалоге с правозащитниками-фундаменталистами, задающими тон в Совете Европы. Было бы крайне расточительно в одночасье отказаться от обязательств, к которым Россия успешно адаптировалась за десять лет, приобретя дополнительные рычаги воздействия на политику своих западных партнеров.

Транслируемые Западом через совместные с Россией институты претензии к процессу либерализации экономической и политической жизни в нашей стране часто раздражают. Однако надо иметь в виду, что западные страны предъявляют соответствующие требования и к самим себе (например, в сфере соблюдения экологических стандартов) и не избегают самокритики в случае отхода от сложившихся стандартов в том, что касается прав человека.

Влиятельным политикам и средствам массовой информации на Западе не свойственно испытывать священный трепет перед властями предрержащими. Они неоднократно нажимали на такие «болевы точки» США и стран Европейского союза, как американская база в Гуантанамо, секретные тюрьмы ЦРУ в Европе, прослушивание американскими властями телефонных переговоров внутри страны и слежка британской полиции за потенциально неблагонадежными гражданами – выходцами из мусульманских стран. Именно постоянное, не останавливаясь на достигнутом, движение вперед являлось бы критерием того, что наша страна стала «своей» в западных клубах, членство в которых Россия высоко ценит. Однако порой она рассматривает свое участие в них исключительно с точки зрения

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

своего статуса и возможности добиваться уступок, а не возрастающей ответственности и поиска компромиссов.

Кроме того, критика со стороны Соединенных Штатов в чей-либо адрес не обязательно подразумевает враждебность по отношению к тому или иному государству и стремление ослабить его как противника. Напротив, она может означать признание фундаментальной общности с объектом этой критики. И наоборот, отсутствие публичной полемики между США и каким-либо государством скорее свидетельствует об отсутствии общих взглядов и нецелесообразности обсуждать с ним разногласия по поводу принципов политического устройства: уж слишком очевидны глубокие расхождения в подходах.

Не порицая друг друга в резкой форме, Вашингтон и Пекин, скорее всего, находятся на пути к реальному взаимному сдерживанию. Открытому проявлению данной тенденции до определенного момента может препятствовать фактор электорального цикла в Соединенных Штатах. Агрессивная риторика в отношении Китая обычно не дает кандидатам в президенты и члены Конгресса США дополнительной спонсорской поддержки либо голосов на выборах. Однако в среде американских военных и разведывательного сообщества, где горизонт планирования превышает четыре года, а сотрудники не испытывают электорального давления, озабоченность политикой Китая серьезнее, чем в политических кругах.

КНР относится к тем странам, которые могут позволить себе отказать следовать и соответствовать постоянно усложняющимся критериям западных «клубов», но при этом продолжать диалог с этими структурами. Такие государства в глазах Запада могут быть равноправными и сильными, но при всем том они остаются «иными». Пекин не стремится институционализировать политический диалог с Западом. Возьмем, к примеру, конфликт с Вашингтоном по поводу возвращения американского самолета-шпиона с экипажем, совершившим вынужденную посадку в апреле 2001 года на китайском острове Хайнань. В данном случае Пекин мог проявлять жесткость и бескомпромиссность, поскольку не был связан обязательствами обсуждать подобные вопросы в рамках институтов вроде Совета «Россия – НАТО». Китаю также проще сопротивляться давлению США в пользу ревальвации юаня благодаря отсутствию общих институтов, требующих от своих участников готовности к компромиссу.

Наконец, если допустить, что способность Соединенных Штатов к реализации своих целей в мировой политике действительно ос-

Россия и Китай в зеркале американской политики

лабеваает, то Москва вряд ли окажется в первых рядах игроков, которые от этого выгадают. Геополитический нажим США на Россию в соседних с ней регионах, несомненно, снизится. Вопрос включения стран постсоветского пространства в НАТО будет отложен. Однако получит ли Москва какие-либо еще дивиденды от серьезного ослабления и изоляции Соединенных Штатов — неочевидно. В то же время распространение оружия массового уничтожения и возникновение разного рода экстремистских движений на Ближнем Востоке, а также возможно, в Центральной Азии имеют все шансы получить дополнительный импульс.

Для России особенно опасен полный выход из-под контроля ситуации в Афганистане. Если вслед за началом вывода американских войск из Ирака под вопросом окажется целесообразность присутствия США в Афганистане, жизненно важные интересы Москвы, связанные с поддержанием стабильности в Центрально-Азиатском регионе, будут поставлены под угрозу. Япония, не полагаясь более на защиту Америки в той степени, как это было раньше, приступит к наращиванию военного потенциала, толкая Китай на ответные меры. Все это крайне негативно отразится на политике безопасности вдоль всего периметра российских границ и поставит нас перед необходимостью увеличить военные расходы.

Снижение международного влияния Соединенных Штатов будет иметь принципиально иные последствия для Пекина, который извлечет из этого бесспорную выгоду. Перед ним откроются новые возможности в решении главной внешнеполитической задачи — воссоединения с Тайванем на условиях КНР. Китай сможет проявить гораздо большую напористость и в обеспечении собственной энергетической безопасности, а также в разрешении территориальных споров в Южной Азии. Распад СССР, главной сдерживающей КНР силы в Северо-Восточной Евразии, уже позволил Пекину в конце 1990-х заключить выгодные договоры о границе со своими западными соседями — Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. По этим договорам Китаю отошли территории, которые прежде являлись предметом спора. То, чего Пекину не удавалось добиться от СССР, было легко достигнуто после исчезновения Советского Союза с политической карты мира.

Наконец, у КНР есть амбиции и реальные шансы стать ведущей мировой державой, и ослабление США только облегчило и ускорило бы этот процесс. В свою очередь Россия уже преодолела искушение вести «глобальную внешнюю политику» в отрыве от целей внут-

Игорь Зевелёв, Михаил Троицкий

ренного развития. Сегодня перед нами стоят международные задачи иного плана — обеспечить безопасный режим превращения в одну из ведущих и вместе с тем эффективных экономик мира, способную создать благоприятные условия для достойной жизни населения страны. Ускоренный пересмотр сложившегося международного статуса-кво существенно затруднит достижение этой цели.

И БЫТЬ, И КАЗАТЬСЯ

Несмотря на обострение противоречий с Западом, руководство нашего государства сохраняет намерение сближать российские нормы и практики с западными. Высказывание Владимира Путина относительно того, что Россия «будет развиваться так же, как и все цивилизованные страны, на общих принципах» (оно прозвучало в ответ на провокацию радикальной оппозиции во время встречи «Большой восьмерки» в Германии в июне этого года), не могло остаться незамеченным на Западе. Однако для полноценного партнерства с США подобные высказывания необходимы, но недостаточны. Вашингтон требует от Москвы быть «своей» и во внешней политике, что подразумевает согласие России на роль «младшего партнера», признающего логику интересов партнера ведущего. Именно от такой роли Российская Федерация сегодня решительно отказывается, воздействуя на Соединенные Штаты таким образом, чтобы они воспринимали ее как страну, стремящуюся изменить правила игры на мировой арене.

При этом острота и непоколебимость российской внешнеполитической риторики вызывает несоразмерные уровню российско-американских противоречий неприятие и реакцию со стороны руководства США. Архитекторам внешней политики России импонирует имидж сильного, напористого игрока, которого не смущает, что его самоуверенность не всегда подкреплена способностью убеждать партнеров и привлекать их на свою сторону.

К аргументам России Соединенные Штаты, судя по всему, всерьез прислушиваться не собираются. Как и Москва, Вашингтон уверен в своей правоте и моральном превосходстве. На слова и действия России в последние два года оттуда поступает неадекватно жесткая критика в нарушении демократических норм. Безусловная поддержка оказывается антироссийским тенденциям и лидерам на постсоветском пространстве. Ощущается явное нежелание содействовать превращению России в «ответственного держателя акций» миропорядка.

Россия и Китай в зеркале американской политики

Китай же, который никогда не рассматривался Америкой в качестве «своего» и даже не вел поисков полномасштабного партнерства с США в мировой политике, пока достаточно успешно поддерживает образ страны, совершающей «мирный подъем» в рамках существующего порядка. Поэтому Вашингтону, несмотря на его явную озабоченность стремительно растущей мощью КНР, сложнее оправдать и реализовать жесткий и бескомпромиссный курс на ее сдерживание, как это имеет место в случае России.

Осознавая свое отличие как внешнеполитического игрока от Китая, Россия могла бы поучиться у него искусному тону публичной дипломатии. Не случайно, согласно опросам общественного мнения, проводившимся американским исследовательским центром *Pew Research Center* в 47 странах, образ Китая в 2007 году расценивался преимущественно как позитивный населением 27 государств, Россия же пользовалась симпатиями лишь 14-ти. Пекин умело снимает беспокойство партнеров по поводу роста китайской экономической и военной мощи, последовательно выстраивая образ дружелюбного государства, стремящегося к «гармоничному миру».

Ведущий американский политолог, автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най недавно отметил, что Китай научился привлекать к себе других международных игроков, подчеркивая свои экономические успехи, культурные достижения и стремление к миру. Несмотря на серьезные внутренние социально-экономические проблемы, КНР излучает на мировой арене спокойствие и уверенность в том, что время на ее стороне. Россия же своей резкой внешнеполитической риторикой иногда производит впечатление игрока (по крайней мере, в США), который торопится ощутить свою растущую мощь, но не слишком уверен в своих перспективах и до сих пор находится в поисках концепции национальных интересов.

У России гораздо больше шансов, чем у Китая, выстроить партнерские отношения с США и с Западом в целом, не утрачивая при этом своей особенности и самостоятельности. Хотя КНР пока добилась в данном плане большего, Россия могла бы опередить ее, найдя свой путь между «китайской моделью» взаимодействия с Соединенными Штатами и участием их «младшего партнера», подчиняющего интересы своей безопасности американским. Между этими альтернативами гораздо более широкое пространство для маневра, чем может показаться на первый взгляд.

Не допускать левого и правого уклона

Ли Цзинцзе

Согласно представлениям традиционного исторического материализма, человечество проходит в своем развитии ряд ступеней: первобытный коммунизм, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и социализм (коммунизм). Достигнув определенной стадии, капитализм сменяется социалистическим (коммунистическим) обществом. Когда же происходит такая замена?

В Манифесте Коммунистической партии Карл Маркс и Фридрих Энгельс указывали, что перемены наступают в тот момент, когда производительные силы, находящиеся в распоряжении общества, «не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие <...> буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство».

Другой социальный строй, то есть социалистический, приходит на смену капиталистическому лишь по мере того, как узкие рамки последнего перестают вмещать в себя создаваемые им материальные и духовные ценности. Но в то же время социализм будет в состоянии заменить капитализм, лишь создав более высокую производительность труда и более передовую духовную культуру.

Ли Цзинцзе — президент Китайской ассоциации исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии, член Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета, академик Академии общественных наук КНР. В основе статьи — выступление автора на VII Международных Лихачёвских научных чтениях весной 2007 года. Редакция благодарит организатора чтений — Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов — за любезно предоставленный материал.

Не допускать левого и правого уклона

Однако если говорить о России, то до Октябрьской революции развитие капитализма в этой стране еще не достигало такого уровня, о котором говорили Маркс и Энгельс, и в целом Россию можно было отнести к числу аграрных стран. Что же касается ряда государств, ставших социалистическими после Второй мировой войны, в том числе и Китая, то ни одно из них не прошло этап развитого капитализма, а многие находились даже на докапиталистической стадии.

Таким образом, революции первой половины XX века в России, Китае и некоторых других странах не вписывались в теорию Маркса и Энгельса. Что же следовало предпринять коммунистам после свершения революционного переворота?

По мнению Владимира Ленина, самая сложная задача заключалась не в том, чтобы захватить государственную власть, а чтобы заняться созданием материальных и культурных предпосылок социализма. Ленин даже поднял вопрос об изучении и заимствовании капиталистических ценностей для определения перспектив и судеб социализма. Он подчеркивал, как важно «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма».

Однако в отношении капиталистической культуры и проблемы взаимосвязи социализма и капитализма Россия, Китай и другие социалистические государства отклонились от этого ленинского подхода и совершили ряд ошибок левого толка как в области теории, так и в конкретной политической практике. Эти ошибки сводятся главным образом к следующему.

Во-первых, бездумное отождествление противоречий между социализмом и капитализмом с противостоянием и противоборством стран с различным социальным строем.

Во-вторых, убежденность, что историческая неизбежность смены капитализма социализмом означает невозможность нормального сосуществования стран с различным социальным устройством — либо победители, либо побежденные.

В-третьих, игнорирование многообразия мира — как социалистического, так и капиталистического, деление его лишь на белое и черное. Категорическое отрицание капиталистической цивилизации, стремление рассматривать ее как большое зло.

С точки зрения диалектики отношения между социализмом и капитализмом выступают как взаимосвязь нового и старого. Соци-

Ли Цзинцзе

ализм отрицает в капитализме лишь то, что утратило жизненную силу, но вместе с тем преобразует и заимствует все его жизнеспособные аспекты, превращает последние в органичную составную часть и основу собственного развития. Новое и старое — это единство противоположностей. Однако противоположность не означает антагонизма. Рассматривая отношения между социалистическими и капиталистическими странами сквозь призму классовой борьбы, неразумно видеть в этом противоборство жизни и смерти, — это типичное проявление метафизики. Остается только сожалеть, что подобная метафизика долгое время играла решающую роль в мировом социалистическом движении.

Очевидно, что, руководствуясь указанной концепцией при разработке внешней политики, социалистические страны не могли правильно выстраивать отношения с капиталистическими. На протяжении длительного времени коммунисты были обеспокоены тем, что расширение обменов и сотрудничества с капиталистическим лагерем наносит ущерб государственному суверенитету и способствует проникновению западной идеологии. Поэтому в течение десятилетий все социалистические страны крепко «запирали двери» и фактически отказывались от политики открытости внешнему миру. Не говоря уже о том, чтобы осознанно учиться у капитализма.

Как показывает практика, подобная политика приводит к ограничению свободы действий и к собственному ослаблению. В конечном счете коммунистам в СССР и Восточной Европе не удалось сохранить чистоту своих рядов и они утратили статус правящих партий. Коммунистическая партия Китая (КПК) избрала путь реформ и открытости внешнему миру, заимствует лучшее в культуре всего человечества, в том числе и достижения развитых капиталистических стран Запада. Таким образом наша страна наращивает темпы развития, а КПК сохраняет лидирующие позиции.

Самыми важными событиями конца XX столетия стали распад Советского Союза и резкие перемены в Восточной Европе. В значительной степени это похоже на процесс заимствования западной цивилизации. Поэтому можно сказать, что исчезновение СССР и перемены в государствах Восточной Европе изменили не только политическую карту мира, но и сам способ распространения мировой культуры и цивилизации. Социальные преобразования в упомянутых странах еще продолжаются. Однако уже сегодня очевидно, что осуществлен ряд грандиозных и необратимых изменений.

Не допускать левого и правого уклона

Во-первых, произошел отказ от модели «советского социализма», для которой характерны «единственная партия», «единая идеология» и «единая собственность». Признано необходимым учиться у западного капитализма, сделан выбор направления развития.

Во-вторых, последовал переход от так называемого «тоталитаризма» к «демократической республиканской форме правления». В некоторых государствах еще сохраняются явные следы старой системы, а сама «демократическая республиканская форма правления» и ее практическое содержание не в полной мере соответствуют друг другу.

В-третьих, осуществлен переход от «единой собственности» и централизованной плановой экономики к многообразию форм собственности и рыночной экономике. Правда, многие страны по-настоящему еще далеки от последней.

В-четвертых, в сфере культуры и идеологии отрицается руководящая роль марксизма-ленинизма и утверждается плюрализм.

В-пятых, в области внешней политики провозглашается неприемлемость конфронтации и наблюдается стремление к сотрудничеству с Западом. Ряд государств стали частью Запада, вступив в НАТО и Европейский союз.

В последнее десятилетие XX века в России и странах Восточной Европы произошли огромные перемены, большинству из них это досталось дорогой ценой. Например, к 1998 году российский ВВП сократился по сравнению с 1990-м в два раза, а уровень жизни населения упал на 40 %, налицо ослабление совокупной мощи государства. Лишь немногие из 27 стран Восточной Европы быстро стали на путь устойчивого развития, пережив относительно небольшие трудности.

Для государств, которые раньше других преодолели кризис и вступили на путь стабильного развития, характерны два обстоятельства. Во-первых, в силу исторических традиций и культуры они схожи со странами Западной Европы, а во-вторых, проведение реформ в общем и целом обошлось без резких потрясений, в результате чего были созданы основы рыночной экономики.

В остальных государствах, которые еще испытывают различные трудности, данные условия как раз отсутствуют. Очевидно, это объясняет ту простую истину, которой обычно пренебрегают политические деятели: заимствуя зарубежные ценности, необходимо брать в расчет собственные условия и реалии.

Ли Цзинцзе

Умение учиться у других, заимствовать и воспринимать все достижения человеческой цивилизации символизирует непрерывное развитие того или иного государства и является источником его процветания. Однако, перенимая зарубежный опыт, следует учитывать собственные исторические традиции и культуру. Социальный строй и культура возникают и развиваются в специфических условиях соответствующих стран. Даже если они и совершенны, это ни в коем случае не означает, что они могут быть автоматически перенесены на чужую национальную почву.

В назидание людям, механически заимствующим иноземную культуру, китайские мудрецы еще две с половиной тысячи лет назад приводили пример с мандариновыми деревьями, которые плохо переносят пересадку и перестают приносить съедобные плоды. Дело в том, что в Китае сладкие мандарины растут, как правило, к югу от реки Хуанхэ, но если попытаться культивировать их севернее, то плоды приобретут резкий запах и неприятный вкус. Причина в том, что на противоположных берегах реки – разные условия. Этот поучительный иносказательный пример показывает нам, как вредно механически перенимать пусть и благоприятный зарубежный опыт и игнорировать собственные, конкретные условия, рискуя утратить даже имеющиеся преимущества.

Человечество идет из вчерашнего дня в сегодняшний и дальше – к будущему. Вчера, сегодня и завтра тесно взаимосвязаны и не поддаются произвольному разграничению. В отношении исторически сложившейся культуры допустимо осуществлять преобразования, заниматься творчеством, но нельзя дробить ее на отдельные фрагменты или упразднять какие-либо ее части. Тот, кто пытается фрагментировать и обкрадывать собственную национальную культуру, жестоко расплачивается впоследствии. «Культурная революция» в Китае служит тому ярким примером. Реформы в СССР и Восточной Европе также изобилуют подобными примерами.

Если отказ социалистических стран от капиталистических ценностей можно считать ошибкой левого толка, то огрехи «демократической наивности» вполне укладываются в шаблон правоуклонизма. В свое время эта болезнь охватила многие государства. Страдающие данным «недугом» полагают, что западная демократия несет с собой благоденствие, что с ней все пойдет на лад. В течение многих лет пропагандируется теория, согласно которой «демократия непременно дает развитие», в этом усматри-

Не допускать левого и правого уклона

вается своего рода закономерность. Однако люди не могут проверить ее на практике.

По имеющимся данным, 62 % стран мира заявляют о наличии у них демократической системы, но лишь немногие из них достигли высокого уровня развития и процветания. В то же время имеются и совсем другие примеры: многие государства и регионы, где нет западной демократической системы, за короткий срок осуществили индустриализацию и модернизацию, значительно сократили разрыв с развитыми странами.

Конечно, за этим сравнением вовсе не стоит попытка утверждать, будто демократия — это плохо. Наоборот, настоящая демократия — общее чаяние всего человечества. Несомненно, что рано или поздно все государства мира станут на путь демократизации в той или иной форме. Однако демократия как идеология и как система должна создаваться на определенной экономической базе, а соответствующая политическая культура предоставляет конкретные гарантии. Только при таких обстоятельствах демократия может эффективно функционировать. Политическая система западной демократии соответствует имеющимся экономическим условиям и культуре. Она формируется и развивается на протяжении длительного исторического периода. Попытка перенять такую систему за один день при отсутствии соответствующих экономических условий и политической культуры — это не только фантастика, но и авантюра.

С конца 1970-х годов Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру. Коммунистическая партия Китая перестала ставить себе целью ликвидацию капитализма и его замену. КПК выступает за многообразие человеческой цивилизации и социокультурный обмен между социализмом и капитализмом.

Многообразие цивилизаций различных стран — основная черта человеческого общества и в то же время движущая сила прогресса истории. Следует уважать исторически сложившиеся культуру, социальный строй и модели развития любой страны, признавать многообразие мира. Разные цивилизации и разные общественные устройства должны долгое время сосуществовать, чтобы взаимно обогащаться в процессе конкуренции и сопоставления и совместно развиваться на основе того, что есть у них общего, при сохранении различий. За прошедшие двадцать с лишним лет Китай достиг заметных успехов в ходе проведения политики реформ и открытости, — это результат разумного заимствования западной капиталистичес-

Ли Цзинцзе

кой цивилизации при сохранении собственных культурных традиций и национальных особенностей. Поэтому Китай называет свой социализм «социализмом с китайской спецификой».

Вступив в новый век, российская элита вновь обратилась к «русской идее», затем возникла дискуссия о «суверенной демократии». Из дискуссии видно, что Россия разделяет общечеловеческие ценности и идет по пути демократизации и рыночных отношений. Наряду с этим наш великий сосед подчеркивает, что необходимо опираться на собственные культурные традиции и национальные особенности при заимствовании достижений капиталистической формации. России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных в советские времена, равно как и от правоуклонистских ошибок 1990-х годов. Словом, перенимая достижения капиталистической цивилизации, менее развитым странам следует избегать отклонений как «влево», так и «вправо».

Демократия без Америки

Спонтанное распространение свободы

Майкл Манделбаум

Администрация Джорджа Буша-младшего сделала продвижение демократии главной целью внешней политики США. На этой теме президент сосредоточился в своем втором инаугурационном обращении. Вопросам распространения демократии за рубежом также посвящена Стратегия национальной безопасности 2006 года. Кроме того, Белый дом выступил с серией инициатив, направленных на содействие демократическому развитию во всем мире, включая все известные военные операции в Афганистане и Ираке.

Однако в Афганистане, Ираке и других частях арабского мира, где перспективы демократии когда-то выглядели обнадеживающими — в Ливане, на палестинских территориях и в Египте, — усилия Вашингтона не увенчались успехом. За полтора года до окончания полномочий администрации Джорджа Буша нельзя говорить о сколь-либо прочном установлении демократии ни в одном из этих регионов.

Картина знакомая. Практически все президенты с момента провозглашения Соединенных Штатов были сторонниками идеи распространения американской формы правления за пределы США. Администрация Билла Клинтона осуществила несколько военных вмешательств под лозунгом установления демократии. Но ни в Со-

Майкл Манделбаум — преподаватель американской внешней политики в Школе перспективных международных исследований при Университете Джона Гопкинса. Данная статья — часть его новой монографии *Democracy's Good Name: The Rise and Risks of the World's Most Popular Form of Government* («Доброе имя демократии: взлет и риски самой популярной в мире формы правления»). Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 5 (сентябрь — октябрь) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

Майкл Манделбаум

мали, ни на Гаити, ни в Боснии, ни в Косово демократия тоже не смогла пустить корни.

Однако неудача Вашингтона в продвижении демократической модели не означала поражения демократии как таковой. Напротив, в последней четверти XX столетия эта форма правления пережила поразительный подъем. В прошлом присущая лишь горстке богатых стран, демократия за короткий срок превратилась в самую популярную политическую систему в мире. В 1900-м демократиями являлись только 10 стран, к середине века их число выросло до 30, и спустя 25 лет их количество не уменьшилось. А к 2005 году демократическую форму правления предпочли уже 119 из 190 государств мира.

Это, казалось бы, парадоксальное сочетание неудачи Соединенных Штатов в продвижении демократии с ее успешной самостоятельной экспансией вызывает несколько вопросов. Почему целенаправленные усилия самой могущественной державы мира по экспорту своей формы правления оказались неэффективными? Почему и как, несмотря на провал этих усилий, демократии удалось достичь таких впечатляющих успехов во всем мире? И каковы ее перспективы в других ключевых регионах: в арабских странах, в России и Китае, где ее до сих пор нет? Чтобы ответить на эти вопросы, требуется правильное понимание самой идеи демократии.

ГЕНЕАЛОГИЯ ДЕМОКРАТИИ

То, что в XXI столетии принято называть демократией, является на самом деле слиянием двух различных политических традиций. Одна — это свобода (*liberty*), имеется в виду свобода личности (*individual freedom*). Другая — народный суверенитет, или народовластие. Народный суверенитет появился на мировой арене вместе с Французской революцией. Ее творцы утверждали, что право управлять принадлежит не наследным монархам, как это было в большинстве стран в обозримый исторический период, а народам, которыми они правили.

Свобода имеет куда более длинную родословную, берущую свое начало в Древней Греции и Риме. Она состоит из серии четких политических разграничений в разных областях общественно-политического устройства, которые ограждают и тем самым защищают определенные сферы социальной, политической и экономической жизни от вмешательства правительства. Самая древняя форма свободы — неприкосновенность частной соб-

Демократия без Америки

ственности, которая входила в уклад жизни Римской республики. Религиозная свобода возникла после раскола христианского мира, вызванного протестантской Реформацией в XVI веке. Политическая свобода появилась позднее, чем две другие формы, но именно ее обычно имеют в виду, говоря о «свободе» в XXI столетии, подразумевая свободу слова, а также отсутствие государственного контроля над собраниями и участием граждан в политической жизни.

Первые десятилетия XIX века термин «демократия» соотносился прежде всего с народовластием. При этом предполагалось, что правление народа обязательно приведет к подавлению свободы, к коррупции, беспорядкам, насилию толпы и в конечном счете — к тирании. В частности, было широко распространено мнение, что, если народ захватит власть, неимущие станут из корысти и зависти отнимать у владельцев их собственность.

В конце XIX — начале XX столетия в нескольких странах Западной Европы и Северной Америки свобода и народный суверенитет слились воедино. Это соединение увенчалось успехом в значительной степени благодаря развитию обширной сети государственных программ, которые способствовали повышению благосостояния населения после Великой депрессии и после Второй мировой войны. Каждый член общества приобрел частную собственность в той или иной форме, что не только предотвратило массовое обнищание, обеспечив всем прожиточный минимум, но и укрепило приверженность к частной собственности. Однако даже это не привело к повсеместному и широкому распространению демократической формы правления.

Ко второй половине XX века народный суверенитет (либо, по меньшей мере, та или иная его разновидность) стал почти универсальным. Процедура реализации этого политического принципа — проведение выборов — была и остается несложной. В течение первых трех четвертей XX столетия в большинстве стран правительства не избирались путем свободных и справедливых выборов. Однако большая часть государств могла претендовать на звание демократических, по крайней мере, в том смысле, что формы правления, принятые в них, отличались от традиционных — монархии либо империи. Лидеры не наследовали свои посты, и они были выходцами из тех же национальных групп, которыми управляли. Народный суверенитет воплощался как раз в этом; те,

Майкл Манделбаум

кто управлял народом, не были ни наследными монархами, ни иностранцами.

Если установить народный суверенитет относительно нетрудно, то другой компонент демократического правления — свободу — обеспечить гораздо сложнее. Этим объясняются и задержка в распространении демократии в XX веке, и сложности установления ее в XXI столетии. Для претворения в жизнь принципа свободы требуются соответствующие институты: функционирующая законодательная власть, правительственный аппарат и полноценная правоохранительная система с полицией, адвокатами, прокурорами и беспристрастными судьями. Деятельность таких институтов требует определенных навыков, в том числе и высокопрофессиональных. При этом они должны прочно базироваться на таких ценностях, как, к примеру, убеждение людей в важности защиты социальной и гражданской жизни от вмешательства государства.

Институты, навыки и ценности, необходимые для свободы, нельзя вызвать к жизни по указу, точно так же как человек не может научиться игре в баскетбол или балету без продолжительных тренировок или репетиций. Для создания общественных условий, ведущих к свободе, требуется время — как минимум, жизнь одного поколения. При этом аппарат свободы должен развиваться независимо и изнутри, его нельзя привезти откуда-то уже готовым и внедрить. Необходимые навыки и ценности нельзя ни импортировать, ни поручить их создание субподрядчикам.

Хотя Британская империя экспортировала свободу в Индию, британцы непосредственно управляли индийским субконтинентом почти сто лет. Во многих других странах, где правила британцы, демократии закрепиться не удалось. Кроме того, к XXI веку эпоха империй давно закончилась. Люди больше не желают, чтобы ими правили иностранцы. Ситуация, с которой США столкнулись в Ираке, продемонстрировала это более чем наглядно.

Если с этой точки зрения посмотреть на распространение демократии в последней четверти XX столетия, оно окажется не только примечательным, но и почти необъяснимым. Поскольку для создания институтов свободы, которые являются неотъемлемой частью демократического правления, требуется по меньшей мере одно поколение, а недемократические правительства, стремясь сохранить власть, всячески препятствуют укоренению элементов и практики свободы, то каким образом демократия вообще может установиться?

*Демократия без Америки***МАГИЯ РЫНКА**

Всемирный спрос на демократическое правление в современную эпоху возник благодаря успеху стран, где оно практиковалось. Великобритания в XIX веке и Соединенные Штаты в XX столетии стали самыми мощными с военной и процветающими с экономической точки зрения суверенными государствами. Они входили в коалицию, победившую во всех трех глобальных конфликтах XX века: двух мировых войнах и холодной войне. Их успех произвел впечатление на остальных. Страны, как люди, учатся на примерах. У стран, как и у людей, успех вызывает желание подражать. Ход современной истории сделал демократию образцом, заслуживающим подражания.

Для построения демократической политической системы недостаточно только желаний. Ключевым фактором для создания работающей демократии, и особенно институтов свободы, является рыночная экономика. Для ее функционирования необходимы те же институты, навыки и ценности, которые в сфере политики образуют демократию. Демократия распространяется благодаря действию рынка, когда люди применяют привычки и процедуры, которые уже освоили в одном секторе общественной жизни (экономика), в другом (политика). Для демократии рынок — это то же, что песчинка для раковины: сердцевина, вокруг которой вырастает жемчужина.

Свободный рынок возвращает демократию, потому что частная собственность, лежащая в основе любой рыночной экономики, сама является формой свободы. Более того, успешно функционирующая рыночная экономика делает граждан богаче, а благосостояние насаждает демократию среди прочего и тем, что поощряет тот вид участия в политике, который требуется при подлинной демократии. Многие исследования показали, что, чем больше валовый национальный доход на душу населения, тем выше вероятность того, что граждане будут защищать свободу и формировать правительство по результатам свободных и справедливых выборов.

И возможно, важнее всего то, что свободный рынок порождает независимые от правительства организации и группы: частные предприятия, профсоюзы, профессиональные ассоциации, клубы и тому подобное, в совокупности создающие гражданское общество, без которого также не может обойтись демократическая политическая система.

Частные ассоциации предоставляют убежище от государства, где индивиды могут преследовать свои интересы, будучи свободны от

Майкл Манделбаум

правительственного контроля. Гражданское общество помогает также сохранить свободу, служа противовесом правительственному аппарату. Народный суверенитет, вторая половина современного демократического правления, тоже зависит от элементов гражданского общества, а именно от политических партий и групп по интересам, возможности для появления которых создает свободный рынок.

Наконец, опыт участия в рыночной экономике культивирует две привычки, которые лежат в основе демократического правления: доверие и готовность к компромиссу. Чтобы правительство спокойно работало, граждане должны верить, что оно не будет действовать вопреки их насущным интересам, и прежде всего будет уважать их политические и экономические права. Чтобы правительство регулярно формировалось на основе свободных выборов, проигравшие должны быть уверены, что победители не станут злоупотреблять полученной властью.

Точно так же доверие — существенный элемент любого рынка, функционирование которого выходит за пределы прямого обмена на месте. Если продукция доставляется на большое расстояние, а плата за нее поступает в рассрочку, продавцы и покупатели должны верить в добросовестность и надежность друг друга. Конечно, в успешно работающей рыночной экономике правительство всегда готово использовать меры принуждения к исполнению нарушенных обязательств по контрактам или добиться компенсации. Но на рынке совершается такое количество сделок, что правительство в состоянии вмешаться только в крохотную их часть. Деятельность рынка намного больше зависит от уверенности в партнерах, чем от надежды на то, что правительство покарает их в случае невыполнения обязательств.

Вторая демократическая привычка, которая возникает благодаря рыночной экономике, — это способность к компромиссу. Компромисс сдерживает насилие, которое может угрожать демократии. Различные политические предпочтения, зачастую очень остро переживаемые, неизбежны при любой системе правления. Демократию отличает то, что конфликты, порожденные такими различиями, разрешаются мирным путем. Обычно каждая партия получает что-то, но не все, что хотела. Компромисс жизненно необходим также и для функционирования рыночной экономики. В конце концов в каждой сделке покупатель хотел бы заплатить меньше, а продавец — получить больше той цены, на которой они в итоге остановились. Они договариваются, потому что альтернатива соглашению — это отсут-

Демократия без Америки

ствие сделки вообще. Участники свободного рынка учатся тому, что иногда лучшее — враг хорошего, а действия в соответствии с этим принципом на политической арене жизненно необходимы для демократического правления.

ПРОДВИЖЕНИЕ РЫНКА, ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Из этого анализа следует, что лучший способ взрастить демократию — стимулировать распространение свободных рынков. Продвижение свободной экономики — это, несомненно, лишь косвенный метод продвижения демократии, и незамедлительных результатов он не принесет. И все же стремительное расширение зоны демократии в последние 30 лет продемонстрировало явную связь этого процесса с развитием свободных рынков. Демократия пришла в страны Южной Европы, Азии и почти во все страны Латинской Америки после того, как все они накопили опыт, по крайней мере одного поколения, в реализации рыночной экономики.

Но если смотреть на проблему в таком свете, может показаться, что в косвенном продвижении демократии путем стимулирования свободных рынков нет нужды. Как правило, государства не надо подталкивать к перестройке экономики в соответствии с рыночными законами. Сегодня практически все уже сделали это в интересах экономического роста. Во второй половине прошлого столетия обеспечение роста экономики оказалось настолько важной и широко распространенной задачей, что способность его стимулировать стало главной проверкой на политическую легитимность для всех правительств. А история XX века, похоже, убедительно продемонстрировала, что рыночная система экономики — и только она — способна обеспечить экономический рост.

В этом смысле свободный рынок действует, как своего рода троянский конь. Диктатуры принимают его, чтобы укрепить свою власть и легитимность, а он в конечном счете работает на то, чтобы подорвать режим. Подобные размышления подводят к выводу о том, что внешняя политика, направленная на продвижение свободного рынка, не нужна, а триумф демократии в мире наступит благодаря всеобщему добровольному признанию институтов и политики рыночной экономики.

Однако это не так. Распространение демократии в XXI столетии не является ни неизбежным, ни невозможным. Об этом свидетель-

Майкл Манделбаум

ствуют неопределенные перспективы данной формы правления в трех важных регионах: в арабском мире, в России и в Китае.

БУДУЩЕЕ СВОБОДЫ

Перспективы создания демократической системы в арабских странах невелики. Этому препятствуют некоторые особенности арабской социальной и политической жизни. Такие черты свойственны не только Ближнему Востоку, однако нигде больше они не проявляются с такой силой.

Прежде всего, нефть. В данном регионе находятся самые большие запасы легкодоступной нефти. Страны, которые добились благосостояния благодаря ее добыче и продаже, часто называют «нефтегосударствами». Они редко соответствуют политическим стандартам современной демократии. Подобные государства не нуждаются в социальных институтах и гражданских навыках, которые, если перенести их в сферу политики, стимулируют демократию. Чтобы разбогатеть, им нужно только добывать и продавать нефть, а для этого достаточно совсем небольшой группы людей, которые даже могут не быть гражданами данной страны.

Более того, поскольку правительства владеют нефтяными месторождениями и получают все доходы от экспорта нефти, они, как правило, стремятся к расширению бюрократического аппарата и усилению власти. У руководителей «нефтегосударств» необычно сильны стимулы для сохранения контроля над правительством, равно как и стимулы, препятствующие добровольному отказу от власти. Частная экономика, которая в других странах служит противовесом власти государства, здесь обычно слаба и незначительна, а гражданское общество недоразвито. Наконец, недемократические правительства «нефтегосударств» (особенно ближневосточных монархий, где нефть имеется в изобилии, а численность населения относительно невелика) используют имеющееся в их распоряжении богатство для того, чтобы противиться движению в сторону демократизации. По сути, они подкупают народ, убеждая граждан отказаться от политической свободы и права самим решать, кто ими будет править.

Арабские страны — не очевидные кандидаты для вступления на демократический путь еще и потому, что их население зачастую строго разделено по племенному, этническому или религиозному признакам. Там, где население суверенного государства представлено более чем одной относительно многочисленной племенной,

Демократия без Америки

этнической либо религиозной группой, установление демократии всегда сталкивалось с трудностями. Стабильная демократия предполагает, что люди готовы стать частью меньшинства. Но они примут статус меньшинства, только если будут уверены, что большинство станет уважать их свободу. В странах, состоящих из нескольких упоминавшихся выше групп, такая уверенность не всегда присутствует, и нет достаточных оснований полагать, что она имеется в арабских государствах. Свидетельства ее отсутствия в Ираке более чем наглядны.

На пути арабских стран к демократии есть еще одна помеха. На протяжении большей части своей истории арабы-мусульмане считали себя участниками эпической битвы за мировое господство против христианского Запада. Историческая память об этом соперничестве все еще жива на арабском Ближнем Востоке и подпитывает массовую неприязнь к Западу. Это, в свою очередь, бросает тень на все, что имеет западное происхождение, включая доминирующую на Западе форму правления. По этой причине свобода и свободные выборы на арабском Ближнем Востоке не имеют столь высокой репутации, как в остальном мире. Учитывая все эти обстоятельства, администрацию Джорджа Буша, что бы о ней ни говорили, нельзя обвинить в том, что она выбрала легкую цель, направив усилия на продвижение демократии в арабском мире.

Перспективы демократии в России на ближайшие два-три десятилетия более благоприятны. Нынешнее российское правительство не уважает свободу и не было сформировано путем свободных и справедливых выборов. Отсутствие демократии объясняется тем, что после семи десятилетий коммунистического правления в стране не осталось ни социальных, ни политических, ни экономических основ, на которых зиждется демократическое государство. Но сегодня России не приходится сталкиваться с препятствиями, которые стояли на ее пути к демократии в прошлом.

В России исчезли и не будут восстановлены политическая и экономическая системы, основанные на коммунистической идее. Россия также в принципе свободна от исторически сильного ощущения, что ее культурная и политическая судьба принципиально отличается от других стран. Население больше не состоит, как это было до индустриализации и урбанизации, осуществленных в коммунистическую эпоху, преимущественно из неграмотных крестьян и безземельных сельскохозяйственных рабочих. В настоящее время

Майкл Манделбаум

средний россиянин грамотен, образован и живет в городе, а именно такой человек рано или поздно, вероятно, сочтет демократию привлекательной, а диктатуру — неприемлемой.

Революции в транспорте и коммуникациях в значительной степени затруднили для российского руководства возможность изолировать страну от внешнего мира. В частности, сегодня россияне намного лучше осведомлены об идеях и институтах демократических стран, чем в период правления самодержавных монархов или коммунистов.

Наконец, Россия в XXI веке гораздо меньше подвержена опасности нападения со стороны соседей, чем когда-либо раньше. Начиная с XVI столетия и почти до конца XX века монархи и комиссары оправдывали накопление и применение неограниченной власти необходимостью защиты страны от врагов. Этот аргумент ныне утратил значительную часть убедительности. Однако необходимо отметить, что у предвестников демократического будущего России есть противовес. Огромные запасы энергоносителей подталкивают страну в сторону авторитарного правления. Постсоветская Россия имеет неблагоприятный потенциал для превращения в «нефтегосударство». Поэтому, не боясь преувеличения, можно сказать, что демократические перспективы страны обратно пропорциональны ценам на нефть.

Из всех недемократических государств наибольшее значение имеет вопрос демократизации Китая. Самая многонаселенная страна мира движется к тому, чтобы в какой-то момент XXI столетия превратиться в мощнейшую экономическую державу. Виды на демократию в КНР неопределенны. С конца 1970-х годов проведена серия реформ, привнесших в экономику коммунистического типа элементы свободного рынка. Это стало толчком для выдающегося экономического роста, который на протяжении 25 лет ежегодно выражается двузначными цифрами.

Хотя основной институт рыночной экономики — частная собственность — в Китае в полной мере не установлен, впечатляющий темп экономического роста создал средний класс. Он составляет малую часть огромного населения, но его численность быстро растет. Все больше китайцев живут в городах, они хорошо образованы и зарабатывают на жизнь способами, которые дают им и некоторую степень независимости на работе, и достаточный доход, и свободное время для других занятий на досуге.

Демократия без Америки

Вместе с ростом экономики начали создаваться различные независимые группы, которые формируют гражданское общество. В 2005-м официально были зарегистрированы 285 тыс. неправительственных организаций. Это — мизерная цифра для страны с населением 1,3 млрд человек, но, по неофициальным данным, реальное число этих организаций достигает восьми миллионов. Более того, Китай XXI века, безусловно, выполняет одно историческое условие, необходимое для демократии: он открыт для внешнего мира. Вождь-основатель КНР Мао Цзэдун стремился отгородить Китай от остального мира. Его преемники радушно распахнули двери страны для всего, что Мао пытался туда не пускать.

Головокружительные перемены, которые произошли за четверть века экономических реформ, и их результаты привели к возникновению за относительно короткий период многих конструктивных элементов политической демократии. По мере продолжения экономического роста, увеличения численности среднего класса и становления гражданского общества, безусловно, усилится давление в сторону демократических преобразований. Однако приверженцы демократии столь же безусловно столкнутся с мощным сопротивлением правящей Коммунистической партии Китая (КПК).

Хотя партия отказалась от маоистской программы контроля над всеми аспектами социальной и политической жизни, она по-прежнему полна решимости сохранить монополию на политическую власть. КПК подавляет малейшие признаки организованной политической оппозиции и применяет избирательную цензуру. Запрещены прямое выражение политического несогласия и любые сомнения относительно роли компартии. Ее усилия, направленные на сохранение власти, не обязательно обречены на неудачу. Компартия Китая обладает большей жизнестойкостью, чем правящие коммунистические партии Европы и Советского Союза накануне краха в 1989 и 1991 годах. Поскольку китайские коммунисты куда больше их европейских и советских коллег преуспели в руководстве экономикой, они могут рассчитывать на молчаливую поддержку многих китайцев. При этом последние не испытывают к компартии особой любви и не уверены, что она имеет право вечно руководить страной без ограничения власти.

Принятие народом коммунистического правления в Китае объясняется еще и страхом: как бы не было хуже. Повторяющиеся периоды насилия оставили глубокий след в истории страны XX столе-

Майкл Манделбаум

тия. Китайский народ, безусловно, хотел бы избежать новых масштабных убийств и разрушений, и если цена стабильности — это продолжение диктаторского правления КПК, то люди могут считать, что оно того и стоит. У миллионов жителей КНР, которые особенно преуспели за четверть века реформ (многие из них образованные, космополитичные и живущие в городах прибрежных провинций Китая), есть основания опасаться враждебности гораздо более многочисленного, в основном сельского, населения внутренних районов, чье благосостояние в результате экономического бума не повысилось. Те, кто извлек выгоду, могут полагать, что нахождение КПК у руля власти защищает их и их благосостояние.

Наконец, руководство может использовать для укрепления своих позиций национализм, глубоко укоренившийся в сознании народа. Например, режим неустанно заявляет о своих притязаниях на контроль над Тайванем, которые, по-видимому, весьма популярны в континентальном Китае.

Ответ на вопрос, станет ли КНР демократией, когда и как это произойдет, даст только история XXI столетия. Тем не менее можно с некоторой уверенностью рискнуть предсказать две вещи.

Во-первых, если демократия придет в Китай, а также в арабский мир и в Россию, то случится это не благодаря целенаправленным и прямым усилиям Соединенных Штатов.

Во-вторых, давление в пользу демократического правления в XXI веке будет расти независимо от того, что делают или не делают США. Это неизбежно везде, где недемократическое правительство введет рыночную систему организации экономики. Такие режимы будут переходить к свободному рынку, чтобы стимулировать экономический рост, что всегда будет целью любого правительства.

Экономика без границ

Мирная конференция. 1904 г.

“*Никогда прежде мировая экономика не переживала такого устойчивого подъема, когда рост в сочетании с низкой инфляцией происходит на всех континентах. Вместе с тем геополитическая ситуация, которая, несомненно, влияет на торговлю и сама от нее зависит, неутешительна*”

Близок ли закат свободной торговли? *Жан-Пьер Леманн*
70

МВФ: как прожить бывшему кредитору? *Андрей Денисов*
80

Новый курс для глобализации *Мэттью Слотер, Кеннет Шив*
88

Близок ли закат свободной торговли?

Жан-Пьер Леманн

Судя по наметившимся тенденциям и положению дел на четвертый квартал 2007 года, ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, должен быть положительным.

Да, никогда прежде мировая экономика не переживала такого устойчивого подъема, когда рост в сочетании с низкой инфляцией происходит на всех континентах. Вместе с тем геополитическая ситуация, которая, несомненно, влияет на торговлю и сама зависит от мировой торговли, неутешительна. Великая мечта начала 1990-х, когда президент Джордж Буш-старший провозгласил скорое наступление «нового мирового порядка», превратилась в кошмар.

Хотя Ближний Восток давно уже напоминает кипящий котел, именно сейчас ситуация накалилась до крайней точки. Всеобщая нестабильность и взрывоопасная ситуация во многом объясняются пагубной политикой нынешней американской администрации, которую она проводит с 2001 года. В 1990-х США казались милосердным гегемоном. Они сочетали в себе на первый взгляд грозную «жесткую» силу — военную, геополитическую и экономическую мощь с не имевшей себе равных силой «мягкой» — культурой, академической наукой, свободными средствами массовой информации, привлекательным образом жизни и т. д.

Сегодня, когда налицо унижительный провал в Ираке, жесткая американская сила кажется беспомощной и никуда не годной. Экономика пребывает в состоянии неуправляемого хаоса. А что касает-

Жан-Пьер Леманн — профессор международной политэкономии в Международном институте развития управления (*IMD*) в Лозанне, основатель и директор Эвианской группы по изучению экономического порядка в эпоху глобализации.

Близок ли закат свободной торговли?

ся мягкой силы, то никогда еще за последние десятилетия престиж Америки не падал так низко. Слабость Соединенных Штатов выливается в усугубление всех проблем и превращает очевидные возможности в угрозы.

Самым наглядным примером может служить Китай. Массированный выход КНР на мировую экономическую арену, начиная с 80-х годов прошлого столетия, должен, безусловно, приветствоваться как колоссальный положительный сдвиг. Однако экономическая неразбериха и слабое руководство Америки могут превратить новые замечательные возможности в конфликтную ситуацию.

В целом, хотя США, как мировой гегемон и самая сильная держава, должны брать на себя немалую долю ответственности, в мире царит нездоровая атмосфера недоверия между такими экономическими гигантами, как Соединенные Штаты, Россия, Европейский союз, Китай, Индия, Бразилия и Япония.

Слабость Америки, неустойчивое геополитическое положение, дух недоверия и отсутствие политической воли объясняют также, почему всемирная торговля впала в состояние ступора. Нынешний раунд переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) в Дохе – так называемая Программа развития – явно зашел в тупик, хотя стороны, ведущие торговые консультации по своим личным соображениям, делают вид, будто все не так уж и плохо. В свою очередь, это обнажает несоответствие духу времени, неадекватность и бесполезность международных экономических учреждений. Без прочных структур мирового управления и коллективных обязательств ведущих торговых держав укреплять основы мировой торговли и строго придерживаться ее основных правил и принципов свобода будет, вне всякого сомнения, подорвана. Протекционизм снова проявится под самыми разными личинами, особенно с учетом неизбежных спадов, которые время от времени переживает мировая экономика. Так что перспективы пока не очень радужные.

МИРОЛЮБИВАЯ ТОРГОВЛЯ?

В мире нет ни одной серьезной экономической теории, которая оспаривала бы основополагающий тезис о предпочтительности свободной торговли как формы трансграничных экономических связей, от которой подавляющее большинство ее участников только выигрывают. Свободная торговля сулит существенные материальные и социальные выгоды, включая не только более высокий уровень, но и ка-

Жан-Пьер Леманн

чество жизни. Достаточно сравнить Северную Корею с Южной или Мьянму с Таиландом и Вьетнамом, чтобы почувствовать разницу между замкнутой и открытой экономикой, которая приносит огромные блага на всех уровнях.

Все великие цивилизации вели интенсивную торговлю. В своей прекрасной книге «Неразрывно связанные» (*Bound Together*) Наян Чанда показывает, каким образом торговля на протяжении многих тысячелетий не только увеличивала потребление товаров и способствовала движению капитала, но и благоприятствовала процветанию ремесел, наук и искусств. В конечном итоге именно благодаря торговле китайское изобретение печатного станка достигло Европы, что дало возможность Гутенбергу издать Библию и тем самым возвестить о наступлении новой эры в культуре. Церковная и светская иерархии не могли больше монополизировать право на чтение, и письменное слово дошло до широких масс. Торговля с Китаем также позволила богатым и власть имущим на Западе украшать свои дворцы китайским фарфором и оформлять интерьеры в китайском стиле. Сегодня торговля с Китаем приносит благо миллионам и даже миллиардам благодаря колоссальному сокращению стоимости товаров, произведенных в КНР. Цена футболки в США упала примерно на 40 % за последнее десятилетие, что существенно облегчает участь бедных, в частности матерей-одиночек, живущих на социальное пособие.

Свободную торговлю невозможно отделить от более широкого явления под названием «глобализация». По своей сути, глобализация означает усиливающееся слияние рынков благодаря трансграничному перемещению товаров, капитала, информации, технологий и людей. Свободная торговля — это локомотив глобализации. Машина может выглядеть превосходно, но если у нее нет двигателя, она не поедет. То же можно сказать и о связи между глобализацией и свободной торговлей. Последняя подчиняется несомненным и абсолютным закономерностям. Но о ней же распространено немало мифов. Например, некоторые наиболее ярые сторонники свободной торговли поддерживают миф о том, что торговля способствует миру на нашей планете. Попробуйте убедить в этом китайцев.

В годы правления династии Цин (1644–1911) Китай проводил изоляционистскую, одностороннюю политику. В конце XVIII столетия и в начале XIX века Великобритания, равно как и другие западные державы, проводила агрессивную, империалистическую

Близок ли закат свободной торговли?

торговую политику. Неудовлетворенная скудными результатами растущей торговли с Китаем, увеличивающимся торговым дефицитом и утечкой капиталов, Великобритания небезуспешно попыталась с помощью военных действий заставить китайское правительство открыть свой рынок для одного-единственного товара, который пользовался необычайным спросом в Китае. Речь идет о бенгальском опиуме.

Таким образом, опиумные войны (30–60-е годы XIX столетия) убедительно опровергают точку зрения, согласно которой свободная торговля в своей основе миролюбива и нравственна. В действительности Китай и другие восточные страны в XIX и в начале XX века были жертвами хищнической торговой политики Запада, к которому в конце позапрошлого столетия присоединилась и Япония.

Новейшая история наглядно демонстрирует тесную взаимозависимость экономической торговли и политической власти, которая подчас перерастает в военную мощь. Дипломатия канонерок, проводившаяся в эпоху западного империализма, чаще всего заключалась в использовании военных средств для продвижения экономических интересов. Опиумные войны — очередной наглядный тому пример. Британские Королевские военно-морские силы подвергли Китай бомбовому обстрелу и вторглись на его территорию, чтобы защитить интересы шотландских опиумных королей того времени, а именно компаний *Juridine and Matheson & Co.* Следовательно, можно сказать, что свободная торговля — это оружие властей предрержащих, а протекционизм — своеобразный щит бедных.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И СВОБОДА

После Второй мировой войны мощь Запада казалась подорванной, началась деколонизация, а развивающиеся страны нашли новые источники для укрепления суверенитета и уверенности в своих силах. Престиж Советского Союза необычайно вырос. Второй и Третий миры отвергали принципы и практику свободной торговли и даже осудили саму торговлю, как таковую, которая в лучшем случае воспринималась как неизбежное зло.

Протекционистская политика возобладавала во всем политическом спектре — от демократий до диктатур, от правых до левых. Политика импортозамещающей индустриализации (ИЗИ) опиралась на теорию о том, что государства должны выстраивать сильную внутреннюю политику, прежде чем думать об открытии сво-

Жан-Пьер Леманн

их рынков; в противном случае им не удастся избавиться от колониальной зависимости. Так, Индия стала проводить государственную политику обширной многоотраслевой индустриализации. Как в 1981 году сказал автору этих строк один высокопоставленный индийский чиновник, «мы [Индия] можем делать всё — от атомных станций до шпилек».

Одним из самых влиятельных идеологов протекционизма и ИЗИ был аргентинский экономист Рауль Пребиш, разработавший теорию зависимости (*dependencia*). Когда развивающаяся страна ведет торговлю с развитой, гласит теория, неизбежно попадание в зависимость от более сильного партнера. В результате развивающееся государство обрекает себя на то, чтобы быть поставщиком низкосортных товаров в индустриально развитую страну, импортируя в обмен промышленные товары. Таким образом процесс собственной индустриализации все время откладывается на неопределенный срок. Эта доктрина преобладала в большинстве развивающихся стран вплоть до конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века.

С другой стороны, на Западе происходили совершенно иные события. Три силы или фактора подтолкнули западные державы к более тесной интеграции рынков и либерализации торговли.

Во-первых, западное общество признало тот факт, что агрессивная протекционистская политика и политика торговых войн, проводившаяся западными странами сразу после Великой депрессии (1929—1933), не только стала причиной экономического коллапса, но и внесла немалый вклад в развязывание войны.

Во-вторых, появление того, что Уинстон Черчилль называл «железным занавесом», и последовавшая холодная война послужили катализатором для более тесного сотрудничества западных демократий на всех фронтах, включая торговые отношения.

В-третьих, Соединенные Штаты были сильным лидером, формировавшим мировую экономическую политику. Посредством движения капиталов, предусмотренного планом Маршалла, и открытия своего процветающего послевоенного рынка США сыграли роль мощного экономического локомотива, дав возможность своим союзникам и прежним врагам — ФРГ, Италии и Японии — осуществить экономическую перестройку, которая в конечном итоге вылилась в серию «экономических чудес».

Основной и поистине важный урок, который архитекторы и лидеры послевоенной экономической системы вынесли из 30-х годов

Близок ли закат свободной торговли?

прошлого столетия, заключался в том, что торговля между государствами должна базироваться на глобальных договорах и правилах. Именно беззаконие и анархия 1930-х вызвали к жизни новые или усугубили уже существовавшие экономические конфликты. Вот почему было заключено Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), опирающееся на некоторые фундаментальные принципы, такие, как отсутствие дискриминации и тщательно разработанные правила, призванные обеспечивать «справедливую» торговлю.

Последствия были замечательными. Западные страны и Япония заключили многосторонние торговые соглашения, основанные на принципе отсутствия дискриминации. Начался экономический бум. Специализация, вытекавшая из подписанных торговых соглашений, позволила, японцам, например, добиться выдающихся успехов в производстве высококачественных и не очень дорогих машин и мотоциклов, электроники и прочей аппаратуры, которой они снабжали западных потребителей. Кроме того, если в первой половине XX столетия страны Западной Европы, Япония, Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия создавали различные военные альянсы, чтобы воевать друг с другом, то новый порядок принес мир и благополучие.

Процветание Запада с его свободной торговлей, которое достигло пика в последние десятилетия XX века, явно контрастировало с застоєм изоляционистского Востока. В бывших социалистических государствах росло недовольство широких народных масс, а развивающиеся страны, проводившие импортозамещающую политику, были потрясены серьезным финансовым кризисом.

Некоторые развивающиеся государства, воспротивившиеся этой тенденции, стали считаться образцом новой политики на Востоке. Речь идет о странах, которые первоначально обозначались общим термином «новые индустриальные экономики» (НИЭ), а впоследствии стали именоваться «четырьмя драконами». Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея отвергли стратегию импортозамещающей индустриализации в пользу необычайно успешной экспортно ориентированной стратегии (ЭОС).

Когда стало очевидно, что централизованные экономики с административно-командным управлением пребывают в глубоком кризисе, в отличие от процветающих рыночных экономик, мир вплотную подошел к технологической революции в области информации и средств связи. Это собой самый фундаментальный технологичес-

Жан-Пьер Леманн

кий сдвиг со времен индустриальной революции или, по мнению некоторых, даже с момента издания Библии Гутенберга более пяти веков тому назад.

Таким образом, в начале 1990-х годов, по сути дела, свершились две революции: формирование глобального рынка и появление информационных технологий. Они поистине потрясли весь мир. Итогом стал не «новый мировой порядок», как пророчил президент Джордж Буш-старший, а хаотичный переход к совершенно иной, неопределенной и до сих пор до конца непонятой парадигме. В середине начальных этапов этого процесса, а именно в 1995-м, была создана ВТО. Фактически последний, уругвайский, раунд переговоров по ГАТТ, начатый в Пунта-дель-Эсте в 1986 году и завершившийся в Марракеше в 1994-м, знаменовал собой переход от знаковой парадигмы мировой рыночной экономики, которая возникла на пепелище Второй мировой войны, к новой эре — глобализации.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЛИЦЕМЕРИЕ

Торговая система, преобладавшая с 1945-го приблизительно по 1995 год, не может быть названа глобальной. Она была международной в том смысле, что в ней было задействовано много стран, и многосторонней в том плане, что участвовавшие в торговле нации придерживались ряда принципов, хотя на практике часто их нарушали. Эти принципы были производными от ГАТТ. Однако в данной системе не участвовали социалистические страны, а большинство государств Третьего мира либо не были членами данной организации, либо оставались пассивными наблюдателями. ГАТТ эффективно управлялось четырьмя игроками: это США, ЕС, Канада и Япония, хотя в действительности «музыку заказывали» первые два. Такую систему можно охарактеризовать как олигополистический картель.

Следует также заметить, что эта «четверка» фактически контролировала более 80 % мировой торговли. В результате велись переговоры, достигались компромиссы и делались выводы, которые приносили выгоду только «большой четверке». Интересы других действующих лиц, а именно развивающихся стран, не принимались во внимание, и они во многих отношениях находились в невыгодном положении. Преимущества, которыми обладала «четверка», а также некоторые периферийные страны-члены, такие, к примеру, как Швейцария, Норвегия и Австралия, позволяли им, кроме всего прочего, выходить

Близок ли закат свободной торговли?

из трудных положений в процессе торговых переговоров. Торговая документация была ужасно запутанной и трудной для понимания, хотя для подобного усложнения не было никаких особых оснований.

Однако институциональная культура, возникшая в эпоху ГАТТ, отличалась бюрократической затуманенностью и путаницей. ГАТТ/ВТО, наверное, уникальна еще и в том смысле, что ее бесстыдно меркантильная риторика идет вразрез с ее фундаментальными принципами, в основе которых лежит идея либерализма. Таким образом, критики справедливо высмеивали ГАТТ/ВТО как бастион лицемерия.

Наиболее вопиющий случай — это сельское хозяйство. Европейские переговорщики стенают и делают вид, будто сокращение субсидий, а также тарифов потребует колоссальных жертв и будет сопряжено с большими страданиями и болью, тогда как именно европейские потребители, прежде всего бедные, получают огромные выгоды от европейской сельскохозяйственной реформы и либерализации. Внутренняя склонность к беспардонной лжи со стороны переговорщиков неизбежно приводила к формированию крайне нездоровой атмосферы внутри организации, которая, несомненно, внесла значительный вклад в ослабление доверия к мировому управлению. В эпоху ГАТТ это не имело особого значения, поскольку главные игроки, «четверка» и компания, знали характер и правила игры. Но теперь, когда условия изменились, растет несоответствие между игрой и реальностью, а также между интересами защитников статус-кво и устремлениями недавно присоединившихся стран-членов.

Победа «открытой рыночной экономики», если только данный термин уместен в данном контексте, была поистине ошеломляющей, а ее последствия — глубокими и широкомасштабными. Когда на мировом рынке свершилась революция и все большее количество стран приняли идею либерализации торговли, у Запада невольно потекли слюнки при виде так называемых «развивающихся рынков». Тому факту, что «развивающиеся рынки» могут стать также «развивающимися конкурентами», поначалу не придавалось большого значения. Однако цифры весьма красноречивы: в период с 1994 по 2004 год торговый оборот Индии увеличился на 333 %, Китая — на 487 %, Чили — на 550 %, а Вьетнама — на 575 %.

Все это привело к появлению нескольких одновременных и взаимосвязанных тенденций:

а) несколько развивающихся стран резко увеличили свою долю в мировой торговле;

Жан-Пьер Леманн

б) это означало не только более активное проникновение на западные рынки (в первую очередь на рынок США), но и к постоянно нарастающим торгово-инвестиционным потокам между странами Юга;

в) накопление гигантских золотовалютных резервов и шальные деньги, аккумулированные странами — экспортерами нефти благодаря резкому росту цен на энергоресурсы, привели к изменению мирового баланса финансовых ресурсов и благосостояния, о чем наглядно свидетельствует появление так называемых «фондов суверенного богатства»;

г) тем временем развивающийся мир по-прежнему считает себя ущемленной системой, изобретенной и отшлифованной «большой четверкой» на протяжении нескольких десятилетий;

д) в то время как стремительно развивающиеся страны, наслаждающиеся плодами глобализации, даже несмотря на их неравномерное распределение, с воодушевлением поддерживают открытую рыночную экономику, на Западе усиливается недовольство открытой торговлей и все чаще звучат настойчивые призывы вернуться к протекционистской политике;

е) как следствие, мировая система торговли постоянно дает сбои.

НОВАЯ ЛИГА НАЦИЙ?

Ранее я уже говорил о том, что если свободная торговля была оружием сильных, то протекционизм был щитом для слабых. Инновационные и конкурентоспособные западные фирмы остаются приверженными свободной торговле. Однако их политический вес ослабевает, тогда как влияние неконкурентоспособных компаний возрастает, равно как и лобби тех крупных корпораций, которые желают сохранить свои привилегии (особенно в сфере сельского хозяйства). Все более значительный процент рабочих и служащих чувствуют угрозу своему положению; традиционно открытые рынки «угрожали» только «синим воротничкам» или рабочему классу. Но с появлением аутсорсинга (привлечение специалистов из-за рубежа) вследствие революции в области средств связи и информации заволновались и «белые воротнички».

Это растущее чувство неуверенности, страх перед неведомыми и бурными водами, куда направляется корабль мировой экономики (похоже, потерявший управление и даже не имеющий компаса для

Близок ли закат свободной торговли?

ориентирования на местности), усугубляются всемирными проблемами. Такими, как изменение климата и опасения мировой экологической катастрофы, а также боязнь утраты национального своеобразия в связи с массовой иммиграцией. Добавьте к этому быстрый закат американского могущества и трясину Ближнего Востока, устрашающий рост финансово-промышленного потенциала Китая, усиливающееся неравенство и все еще высокий уровень бедности, а также страх перед возможными опустошительными пандемиями.

Предзнаменования довольно зловещие. Как уже говорилось во вступлении, судя по нынешнему положению вещей, будущее свободной торговли выглядит довольно туманным. Это происходит как раз в то время, когда систему следует укреплять, а не ослаблять — как для того, чтобы дать пристанище новым игрокам, особенно Китаю, так и для того, чтобы обеспечить более равномерное распределение благ всемирной торговли для умножения всеобщего благоденствия и снижения уровня бедности.

Есть насущная потребность в новом мировом договоре XXI столетия наподобие Атлантической хартии 1941 года, которая предвзовет дух и конструкцию послевоенного урегулирования. Необходимо не столько совершенно новая архитектура мирового устройства, сколько реформирование и перестройка существующих учреждений.

Если не считать членства в «Большой восьмерке», Россия в последнее время находилась на обочине мировой экономической архитектуры. Она до сих пор не вступила в ВТО, и в настоящее время усиливаются сомнения по поводу того, принесет ли России членство в этой организации реальные блага. Учитывая большую зависимость России от нефти и газа, трудно представить себе чисто экономические доказательства целесообразности присоединения к ВТО. Но важно, чтобы государства смотрели дальше краткосрочных материальных выгод, хотя никто из них в настоящее время этого не делает.

Наше время требует искусного управления государственными делами. Изучая историю 30-х годов прошлого века, невольно удивляешься тому, как Лига Наций в Женеве становилась все более беспомощной и бесполезной организацией. Когда встреча министров стран — участниц ВТО, прошедшая в 1998-м в Сиэтле, закончилась оглушительным провалом, тогдашний генеральный директор ВТО Майкл Мур выразил опасение, что организация может стать экономической Лигой Наций мировой XXI века. Сегодня это невеселое предположение, похоже, материализуется.

МВФ: как прожить бывшему кредитору?

Андрей Денисов

Тысячи антиглобалистов, регулярно осаждающих собрания акционеров Международного валютного фонда (МВФ), вряд ли ожидали, что эта «вредная» организация окажется очередной жертвой глобализации. За последние годы это стало очевидно. Акционеры фонда да и его руководство не успели отреагировать на стремительные перемены в глобальной экономике. Между тем функции, которые МВФ эксклюзивно выполнял в конце 1990-х (кредитора последней инстанции и доверительного советника в сфере экономической политики), сегодня в таком объеме не востребованы и, скорее всего, не будут востребованы в будущем.

ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ К ГЛОБАЛЬНЫМ

Необратимые изменения в глобальном масштабе привели к тому, что МВФ как кредитор лишился «клиентской базы». До конца прошлого века фонд помогал странам преодолевать кризисные явления в платежном балансе. Кредитные ресурсы предоставлялись «под залог» обещаний следовать рекомендациям по проведению ответственной экономической политики. Как известно, сфера этих предписаний была крайне широка — и в содержательном, и в инструментальном смысле. С экспертами фонда согласовывались законопроекты и нормативные акты, по их настоянию реформировались целые отрасли экономики, ну а денежно-кредитная политика осуществлялась, что называется, «под диктовку».

Пик этой работы пришелся на 1997–1999 годы, когда Международный валютный фонд «спасал» государства, пострадавшие от ази-

А.А. Денисов — заместитель главного редактора газеты «Время новостей».

МВФ: как прожить бывшему кредитору?

атского кризиса. Сейчас ни одно из них не нуждается ни в деньгах, ни в советах фонда, а единственным крупным клиентом на сегодняшний день остается Турция (программа помощи заканчивается в 2008-м). Достаточно сказать, что общий капитал фонда составляет примерно 344 млрд дол. (так называемый используемый капитал — за вычетом взносов стран в национальной валюте, которая не является конвертируемой, 252 млрд дол.), в то время как золотовалютные резервы России в начале октября уже превысили 425 млрд долларов.

Неоспоримо, что большинство развивающихся стран, имевших программы сотрудничества с МВФ, проводят ответственную экономическую политику. Значительное улучшение качества управления государственными финансами, консервативная денежно-кредитная политика, современное банковское законодательство — все это результат сотрудничества с фондом, сформировавшим своего рода стандарты более совершенной практики. Таким образом, риски для мировой финансовой системы, которые ранее сосредотачивались на национальном уровне, существенно снизились.

Но бурное развитие финансовых рынков способствовало перемещению рисков из сферы национальной экономической политики на глобальный уровень, из сферы государственного управления — на рынки капитала. Новые финансовые инструменты и технологии стали гигантским бизнесом, который фактически не попадает в зону регулирования. Риски, аккумулированные в хедж-фондах, по существу, не поддаются оценке. Такие инвестиции не имеют стандартов и правил. Новые финансовые инструменты не просто имеют сложную структуру — для их рисков часто невозможно установить бенефициаров. Ценная бумага с рейтингом AAA может оказаться обеспеченной «бросовыми» облигациями либо некачественными кредитами. А если финансовый инструмент сформирован из цепочки таких обязательств, то результат дефолта в любом из звеньев просто непредсказуем. Кризис *subprime*-ипотеки («субстандартная ипотека»: категория заемщиков с ненадежной кредитной историей, а стало быть, речь идет о выдаче кредитов высокого риска. — Ред.) в США продемонстрировал, насколько быстро может рассыпаться этот картонный домик. Но, несмотря на все серьезные последствия кризиса для частных финансовых институтов, вполне вероятно, что они могли быть и куда хуже, если бы, например, в сомнительные активы были помещены пенсионные резервы. И вполне вероятно, что с такой перспективой мировой экономике еще предстоит столкнуться.

Андрей Денисов

Может ли МВФ быть эффективен в данной ситуации? Казалось бы, в последние годы ответ на этот вопрос уже был дан. В своих докладах эксперты фонда не раз обращали внимание публики на опасную ситуацию в ипотечном секторе Соединенных Штатов. Но перед мощью рынков капитала доводы фонда были куда менее убедительны, чем перед находящимися в кризисе правительствами.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что новая роль МВФ должна быть связана с его аналитическим потенциалом. Несомненное преимущество фонда в этом смысле — его регулярные двусторонние консультации с властями стран-членов, осуществляемые в соответствии со статьей IV Устава МВФ. Подобное погружение в изучение экономической политики отдельных государств, базирующееся на прямых контактах с властями, не обеспечивает никакая другая организация.

Одним из новых направлений аналитики стал режим многосторонних консультаций, в рамках которых эксперты изучают ту или иную проблему, связывающую экономики различных стран. Первым опытом стали консультации, посвященные глобальным дисбалансам, и к участию в них были привлечены Европейский союз, Китай, Саудовская Аравия, США и Япония. А вот на проведение консультаций, посвященных стабильности валютных курсов, МВФ так и не решился (они будут проходить на двусторонней основе). Очевидно, что в сегодняшней ситуации, когда Америка настаивает на укреплении юаня, а дешевающий доллар угрожает привести к замедлению роста в еврозоне, итоги таких консультаций оказались бы чрезвычайно интересными. Но, разумеется, лишь в том случае, если, с точки зрения Пекина, они не будут выглядеть слишком политизированными.

ПОЛИТИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ

Политическая составляющая в работе Международного валютного фонда — это то, в чем фонд всегда обвиняли и от чего он всегда старался откеститься. Тем не менее глупо отрицать, что основные акционеры оказывают влияние на политику, — в принципе это не хорошо и не плохо, это данность. Иногда действительно оказывалось неприкрытое давление. Так, в конце 1999-го совет директоров заблокировал выделение России очередного транша кредита *stand-by*, как рассказывали тогда осведомленные источники, вопреки мнению директора-распорядителя МВФ Мишеля Камдессю. По оценкам российских чиновников, именно тогда

МВФ: как прожить бывшему кредитору?

Правительство РФ в максимальной степени выполнило условия выделения транша, но на совет директоров фонда более сильное впечатление произвела новая чеченская кампания.

После ряда антикризисных программ 1997–1998 годов важнейшей финансовой операцией МВФ стала программа облегчения долгового бремени беднейших стран – так называемая инициатива *HIPC (Heavily Indebted Poor Countries Initiative)*. (Программа *HIPC* была принята в 1996 году, но в активную фазу вступила в 1999-м. 38 стран попали под ее критерии, для 27 из них долги уже списаны на общую сумму 54 млрд дол.) Стартовав как вполне понятный экономический механизм, масштабное списание долгов через несколько лет явственно превратилось в политические «проекты».

Соединенные Штаты последовательно продавали по всем международным кредиторам облегчение долгового бремени для «новых демократий» – Афганистана и Ирака. Примечательно, что обьятый войной Ирак первым из этих двух стран (в конце 2005 года) заключил соглашение о сотрудничестве с МВФ. Эксперты фонда «изучали экономическую ситуацию», базируясь в соседней Иордании: в самом Ираке финансовая система еще не родилась, а рынки в буквальном смысле слова полыхали. Спустя полгода соглашение с фондом заключил и Афганистан. Понятно, что, не будь беспрецедентного давления со стороны американской администрации, МВФ, как минимум, дождался бы завершения активных военных действий, прежде чем принимать подобные решения.

Продолжением такой «политики» стала масштабная операция по сокращению долгового бремени стран Африки, предпринятая в 2005 году. Помощь Африке фигурировала в качестве главной темы председательства Великобритании в «Большой восьмерке», причем правительство Тони Блэра активно использовало эту инициативу не только на мировой арене, но и во внутренней политике. В Глениглсе каждая из стран «восьмерки» взяла на себя конкретные обязательства по предоставлению помощи странам Африки и сокращению их долгового бремени. (В частности, Великобритания объявила о разработке временного графика, в соответствии с которым к 2013-му должен быть достигнут целевой показатель объема официальной помощи развитию по отношению к валовому национальному доходу на уровне 0,7 %, а также о планах удвоить расходы в рамках двусторонней помощи Африке в период между 2003–2004 и 2007–2008 годами. Россия в свою очередь обязалась списать задолженность аф-

Андрей Денисов

риканских стран на сумму 11,3 млрд дол., включая 2,2 млрд дол. в рамках инициативы *НПС*.)

«Обязательства “Группы восьми” и других доноров приведут к увеличению к 2010-му официальной помощи развитию Африке на 25 млрд дол. в год — более чем вдвое по сравнению с 2004 годом» — так сказано в коммюнике саммита. Была ли эта операция спроектирована и просчитана в МВФ? Конечно нет. Принятие «африканской» инициативы стало дипломатической победой в первую очередь Лондона, а МВФ и Всемирному банку (ВБ) было лишь предложено самим продумать, как обосновать и выполнить решение *G8*.

Подобное обращение основных акционеров фонда с его экономической экспертизой не могло не подорвать доверие к самой организации. Рассуждая о перспективах ее развития, исполнительный директор фонда от России Алексей Можин подчеркивает, что МВФ способен выжить «только на основе высочайшего качества анализа, полного доверия международного сообщества к этому анализу, а также за счет легитимности системы управления фондом, которая никем не ставилась бы под сомнение».

НОВЫЙ ЛИДЕР, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Кризис легитимности — первая проблема, которую предстоит решать новому директору-распорядителю Международного валютного фонда Доминику Стросс-Кану.

Проехав 60 тысяч миль в ходе своей предвыборной кампании, Стросс-Кан, по его словам, увидел, насколько остро стоит вопрос о востребованности и легитимности фонда как главного международного института, обеспечивающего глобальную финансовую стабильность. То, что новый глава фонда осознаёт масштаб кризиса, поразившего этот институт, хорошо. Плохо, что стиль его избирательной кампании способствовал углублению кризиса.

Победа Стросс-Кана продолжила традицию, которой давно противятся развивающиеся страны Азии и Латинской Америки. Согласно этой традиции, заложенной еще шесть десятилетий назад при образовании Бреттон-Вудских институтов, главу Международного валютного фонда выдвигает Западная Европа, а президента Всемирного банка — США. В те годы такая слаженность действий между двумя политическими центрами отражала реальное положение дел и в мировой экономике. Но на данный момент, например, азиатские «тигры» уже давно вносят свой серьезный вклад в мировой

МВФ: как прожить бывшему кредитору?

ВВП, очень быстрыми темпами развивается экономика Китая, усиливаются страны Южной Америки. «Если бы все летние Олимпийские игры на протяжении последних 60 лет проходили в Вашингтоне, а половина зимних — в Париже, многим это показалось бы странным. Сегодня речь идет не об Играх, а об институтах, обеспечивающих устойчивость мировой финансовой системы», — проводит образную параллель Егор Гайдар.

Вокруг вопроса о несправедливой системе управления МВФ и ВБ еще несколько лет назад создалась довольно острая ситуация.

В 2006 году тогдашний глава фонда испанец Родриго де Рато под лозунгом «Международное сообщество должно чувствовать свой голос в МВФ» дал старт процессу пересмотра акционерных квот — долей в капитале организации, которыми владеют страны-члены. Мнение о том, что одни государства «недопредставлены» в фонде, а другие «перепредставлены», получило широкое распространение. Гораздо сложнее найти решение проблемы, которое встретило бы столь же широкую поддержку.

На первый взгляд в практическом отношении эта проблема сильно раздута. Количество стран, которые вправе рассчитывать на существенное увеличение своей квоты, а следовательно, голосов, исчисляется единицами. Лидером при любых расчетах останутся Соединенные Штаты. Голос же подавляющего большинства стран при этом останется едва слышным.

Глава Института финансовой стабильности при Банке международных расчетов в Базеле чешский экономист Йозеф Тошовский, которого Россия номинировала на пост директора-распорядителя МВФ в августе 2007-го, поделился с советом директоров фонда весьма примечательным наблюдением. «Как представитель страны с экономикой переходного периода я никогда не чувствовал в ходе переговоров с МВФ, что на дискуссии влияет конкретная управленческая структура фонда. Но совершенно очевидно, что это мнение разделяют не все», — сказал он. Тошовский считает, что МВФ нужна формула, которая убедит все страны, что «их голос будет услышан».

Действующие правила расчета квот критикуют все — настолько очевидна их абсурдность на фоне сегодняшних реалий. Достаточно сказать, что Китай обладает лишь шестой по размеру квотой в МВФ, и от него только немного отстают такие страны, как Италия и Саудовская Аравия. Индия уступает всем странам «семерки», России, а также Нидерландам.

Андрей Денисов

Квоты в капитале МВФ, %

G7	
США	17,09
Япония	6,13
ФРГ	5,99
Великобритания	4,94
Франция	4,94
Италия	3,25
Канада	2,93
Евросоюз	32,41
БРИК	
Китай	3,72
Россия	2,74
Индия	1,91
Бразилия	1,4
Отдельные страны	
Саудовская Аравия	3,21
Нидерланды	2,38
Швейцария	1,59
Южная Корея	1,35
Египет	0,43
Сингапур	0,4

В апреле 2006 года было принято решение провести реформу квот в два этапа. Сначала единовременно увеличить квоты самым «недопредставленным», а затем разработать новую формулу, в соответствии с которой пересчитать все квоты заново. «Это будет самая большая реформа управления Международным валютным фондом за 60 лет его существования», — заявил, будучи тогда министром финансов Великобритании, Гордон Браун. Многие настаивают на том, чтобы новая формула была простой и понятной. В Вашингтоне заявили, что она должна базироваться на показателе ВВП страны.

На первом этапе выросли квоты Китая, Южной Кореи, Мексики и Турции, хотя технически это имело мало смысла. Ряд развивающихся стран во главе с Индией, кстати, громко протестовали против этого этапа. Но он требовался, по сути, как гарантия от того, что принятие реформы не затянется на непредсказуемо длительный срок. И, как показало время, гарантии действительно были нужны. Спустя год специалистам МВФ так и не удалось предложить прозрачную формулу, которая имела бы шансы на утверждение. Насколько известно из неофициальных источников, все раз-

МВФ: как прожить бывшему кредитору?

работки приводят лишь к одному: квота Европейского союза остается на прежнем уровне или даже увеличивается. ЕС, собственно, и является главным тормозом реформы — ведь именно он оказывается перед перспективой самых серьезных потерь. Гордон Браун, под председательством которого Международный валютно-финансовый комитет в апреле 2006-го и принял план реформы, заверил тогда средства массовой информации, что европейские страны будут готовы к изменениям в структуре капитала МВФ в интересах общего дела.

Доминик Стросс-Кан после своего избрания признал, что Европе (а также и России) в капитале фонда неизбежно придется потесниться. Однако и этого будет недостаточно, чтобы восстановить доверие к организации. Прошедшая недавно кампания по выборам директора-распорядителя МВФ показала, что Евросоюз намерен твердо отстаивать свои позиции в фонде.

Трудно не заметить, что прежняя система отбора кандидатов на эту должность не имеет никаких критериев помимо внутриевропейских политических договоренностей. Создается впечатление, что Старый Свет по умолчанию добавил Международный валютный фонд к списку европейских институтов, таких, в частности, как Еврокомиссия, Европейский центральный банк, Европейский банк реконструкции и развития, и установил здесь собственные принципы ротации руководящих кадров. В 2000 году пришла «очередь» Германии, и правительство Герхарда Шрёдера выдвинуло Кайо Кох-Везера, а когда тот категорически не понравился Вашингтону, заменило его Хорстом Кёлером. Затем настал черед Испании, и МВФ возглавил Родриго де Рато. В этом году, несмотря на обилие французов на руководящих должностях в международных организациях, подошла «очередь» Франции. Напор, с каким продвигалась кандидатура Стросс-Кана, показал, что Европа не готова ни к каким компромиссам.

Ближайшие годы, скорее всего, не станут временем ренессанса для Международного валютного фонда. Невостребованность его кредитной функции и конфликтный характер процесса пересмотра квот не прибавят фонду авторитета и могущества. Парадоксально, но в этом смысле негативным становится и снижение политической «ценности» организации. В нынешнем своем состоянии МВФ не интересен США или Великобритании как инструмент реализации их собственных интересов. А снижение привлекательности для основных акционеров — это, возможно, самый суровый приговор.

Новый курс для глобализации

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

ДОХОДЫ ПАДАЮТ, ПРОТЕКЦИОНИЗМ РАСТЕТ
В последние несколько лет в экономике США проявилась примечательная тенденция. Относительно небольшое число граждан с высоким заработком процветает, тогда как доходы большинства занятых остаются на прежнем уровне, а во многих случаях даже уменьшились. Пока неясно, какой набор факторов стоит за этим перекосом в росте реальных доходов, но, как бы то ни было, цифры ошеломляют. С 2000 по 2005 год менее 4 % работников представляли те образовательные группы, которые смогли ощутить на себе рост среднего реального заработка в денежном выражении. Выросли средние доходы обладателей докторских степеней, а также дипломированных специалистов, а доходы остальных снизились. В отличие от предыдущих десятилетий в невыгодном положении оказались не только люди, занимающие самую нижнюю ступень профессиональной лестницы. Убытки терпят даже выпускники колледжей и те, кто имеет степень магистра без конкретной профессиональной направленности. По некоторым оценкам, неравенство доходов в Соединенных Штатах сегодня дает себя знать сильнее, чем в любой другой период с 1920-х.

Сторонники активного участия США в мировой экономике предупреждают, что в государственной политике вот-вот произойдет

Мэттью Слотер — профессор экономики Школы бизнеса имени Така в Дартмуте и адъюнкт — старший научный сотрудник (бизнес и глобализация) Совета по международным отношениям. Работал в группе советников по вопросам экономики Белого дома в 2005–2007 гг. **Кеннет Шив** — профессор политологии Йельского университета. Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

Новый курс для глобализации

крен в сторону протекционизма. Эту тенденцию обычно объясняют либо отраслевым эгоизмом, либо неумением донести до граждан преимущества глобализации, либо необходимостью бороться с терроризмом. Все эти доводы игнорируют более глубинную причину: американская политика приобретает все более протекционистский характер, поскольку общественность настроена протекционистски, и эта смена настроений — результат стагнации или падения доходов. Общественная поддержка активной роли Соединенных Штатов в мировой экономике в значительной степени зависит от состояния рынка труда, а для большинства работников оно было и остается неудовлетворительным.

Поскольку глобализация дает огромные преимущества американской экономике в целом, рост протекционистских настроений создает для нее множество опасностей. Чтобы упредить их, разработчики американской политики должны установить главную причину выступлений против свободного режима торговли и инвестиций и заняться ее устранением. Им также следует отдавать себе отчет в том, что два наиболее часто предлагаемых решения — увеличение инвестиций в образование и расширение помощи по профессиональной переподготовке для тех, кто потерял работу в областях, наиболее пострадавших от глобализации, — никак нельзя считать достаточными мерами. Прежде чем можно будет почувствовать отдачу от инвестиций в образование, пройдет несколько десятилетий, а помощь по переподготовке слишком мала и узкоспециализирована (направляется лишь в отдельные отрасли), чтобы вызвать более или менее значительный эффект.

Лучший способ охладить протекционистский пыл — это провозгласить Новый курс для глобализации, способный увязать активность в мировой экономике с существенным перераспределением доходов (Новым курсом — *New Deal* — называлась программа президента США Франклина Делано Рузвельта по выходу из Великой депрессии. — Ред.). В Соединенных Штатах это означало бы принятие федеральной системы налогообложения, гораздо в большей степени основанной на пропорционально увеличивающейся ставке. Идея более жесткого перераспределения доходов, возможно, покажется радикальной, но сделать так, чтобы большинство американцев оказались в выигрыше, — наилучший способ спасти глобализацию от ответного удара со стороны поборников протекционизма.

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

РОСТ ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Экономическая политика США становится все более протекционистской. Прежде всего обратим внимание на торговлю. Перспективы продления Конгрессом полномочий президента Джорджа Буша по содействию торговле (механизм, в соответствии с которым президент вправе представить на рассмотрение Конгресса пакет международных торговых соглашений как единое целое; Конгресс же может принять или отклонить пакет только целиком, не внося поправок. — **Ред.**), срок которых истекает этим летом, невелики. Конгресс 109 созыва (2005–2006 гг. — **Ред.**) внес 27 законопроектов, направленных против торговли с Китаем. Конгресс 110 созыва (с января 2007 г. — **Ред.**) внес более дюжины подобных законопроектов всего лишь за первые три месяца работы. В конце марта администрация Джорджа Буша ввела новые тарифы на ввоз из Китая глянцевой бумаги. Это решение пересматривает правило, действовавшее на протяжении двух десятилетий: не обвинять страны с рыночной экономикой в незаконных экспортных субсидиях.

Возводятся новые барьеры на пути прямых иностранных инвестиций (*FDI*) в Соединенные Штаты. В 2005 году китайская энергетическая компания *CNOOC* попыталась приобрести компанию *Unocal*, штаб-квартира которой находится в США. Вслед за этим разыгралась настоящая политическая буря, и *CNOOC* отказалась от сделки. Аналогичный скандал разразился в 2006-м в связи с намерением дубайской компании *Dubai Ports World* приобрести подряды на работы в шести американских портах. В конечном счете ей пришлось продать свои активы. Комитет по иностранным инвестициям в Соединенные Штаты (*CFIUS*), который по закону обязан рассматривать и санкционировать определенные сделки по приобретению американских предприятий иностранными компаниями, усложнил процедуру и продолжительность проверок. Обе палаты Конгресса 109 созыва приняли законопроекты, рекомендуемые *CFIUS* еще более ужесточить контроль над совершением сделок. Подобные законопроекты уже одобрены Палатой представителей нынешнего созыва.

Волна протекционизма прокатилась по довольно значительной территории земного шара. Дохийский раунд переговоров по преодолению торговых барьеров (имеется в виду серия встреч по принятой в столице Катара повестке дня развития в рамках ВТО, призванной обеспечить устойчивое развитие в многосторонних

Новый курс для глобализации

торговых соглашениях. — **Ред.**) — этот стержень либерализации мировой торговли — на несколько лет выбивается из графика и находится на грани провала. Ведущие торговые партнеры США все чаще демонстрируют негативное отношение к иностранным инвестициям как в публичных выступлениях (недавние заявления правительств Германии и Франции), так и в конкретных действиях (новые ограничения, введенные в Китае в отношении иностранных предприятий розничной торговли).

На первый взгляд нынешний всплеск протекционизма может показаться необъяснимым. Экономические выгоды от глобализации огромны. По оценкам Института международной экономики им. Питера Питерсона и других организаций, либерализация торговли и инвестиций в последние десятилетия увеличила годовой доход на сумму от 500 млрд до 1 трлн дол., что означает рост дохода каждого американца от 1 650 до 3 300 дол. в год. Если верить другим подобным исследованиям, то, вступи в силу дохийское соглашение о либерализации мировой торговли и услуг (всемирное торговое соглашение, переговоры по которому начались в ноябре 2001 года на саммите в Дохе и должны были завершиться его подписанием еще в 2005-м. — **Ред.**), доход США увеличивался бы еще на 500 млрд долларов в год.

Международная торговля и инвестиции способствуют росту производительности как основы повышения среднего жизненного уровня. За последнее десятилетие производительность в несельскохозяйственных отраслях Соединенных Штатов, выраженная в человеко-часах, выросла вдвое — с 1,35 % (среднегодовой показатель в 1973–1995 гг.) до 2,7 % (среднегодовой показатель после 1995-го). Такое ускорение на первом этапе произошло во многом благодаря информационным технологиям (ИТ) — одной из наиболее глобализированных американских отраслей, которая оказалась на переднем крае создания и расширения по всему миру сетей производства, объединенных торговлей и инвестициями.

Выигрыш от глобализации в других странах тоже был значительным. Индия и Китай достигли огромного роста производительности, что позволило вытащить из бедности сотни миллионов людей. В основе этих успехов — введение в действие рыночных сил, особенно международных, связанных с торговлей и прямыми иностранными инвестициями. В обрабатывающих отраслях КНР на ино-

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

странные многонациональные компании приходится более 50 % всей экспортной продукции. На национальные и многонациональные фирмы Индии в секторе информационных технологий приходится две трети продаж.

Более свободный режим торговли и инвестиций может способствовать достижению других внешнеполитических целей. Дохийский раунд стартовал вскоре после 11 сентября 2001 года, исходя из тех соображений, что отсутствие гарантий безопасности и нестабильность в мире тесно связаны с глобальной бедностью. В повестке дня раунда стояла также задача преодолеть широко распространенное мнение о том, что в ходе предыдущих раундов по проблеме устранения торговых барьеров в отношении бедных стран была допущена несправедливость. Мол, им закрыли доступ к важным для них секторам экономики (таким, например, как сельское хозяйство). Соответственно считается, что успешное завершение Дохийского раунда и подписание соглашения могли бы улучшить имидж Соединенных Штатов и способствовали бы продвижению их интересов по всему миру.

Обычно называют три разные причины, по которым протекционизм в США стал столь популярен, хотя глобализация полезна и для американской экономики, и для обеспечения интересов национальной безопасности. Следует сказать, что ни одна из причин не выглядит убедительной.

Первая из них состоит в том, что введение более свободной торговли нанесло урон небольшой группе отраслей, в которую входят сельское хозяйство и швейная промышленность, в ответ же представители этих отраслей стали упорно лоббировать свои интересы, настаивая законодателей против либерализации. Но в последние годы причины, по которым эти отрасли выступают против глобализации, не изменились. Кроме того, немало отраслей выиграли от либерализации торговли и в результате лоббировали в пользу продолжения этого процесса. Новым же моментом считается то, что узкопрофессиональный протекционизм приобретает в стране все более восприимчивую аудиторию.

Второй из указываемых причин является то, что разработчики политического курса и бизнес-сообщество не сумели должным образом объяснить общественности преимущества более свободного режима торговли и инвестиций. Однако на самом деле опросы об-

Новый курс для глобализации

ественного мнения говорят об обратном: значительное большинство американцев признают существенные преимущества либерализации. Во всяком случае, американцы, похоже, почувствовали на себе воздействие некоторых из них лучше, чем прежде. Например, возможность приобретать относительно доступные игрушки, DVD-плееры и другие товары зависит от глобализации.

Наконец, выдвигается причина, связанная с безопасностью: необходимость поиска баланса между экономическими интересами и заботой о национальной безопасности усилила протекционистскую позицию. Возможно, такое объяснение помогает понять суть дебатов по ряду проблем, таких, в частности, как иммиграция. Но в целом забота о безопасности не ослабляет, а скорее подкрепляет аргументы в пользу дальнейшей либерализации торговли и инвестиций, поскольку она считается справедливой в отношении развивающегося мира.

КОРНИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Основная причина намного проще: политический курс становится более протекционистским, потому что соответствующим образом настроена общественность. А последняя настроена на протекционистскую волну, оттого что доходы остаются на прежнем уровне или снижаются. Интеграция мировой экономики способствовала росту производительности и благосостояния в Соединенных Штатах, как и в большинстве стран мира. Но во многих странах, и, безусловно, в США, выгода от интеграции распределяется неравномерно, и этот факт признается все чаще. Люди задаются вопросом: «Полезна ли глобализация для меня лично?» И все чаще приходят к отрицательному выводу.

Данная статья опирается на два основных факта. Во-первых, существует тесная взаимосвязь между интересами граждан на рынке труда и их отношением к политике в сфере глобализации. Во-вторых, за последние несколько лет ситуация на рынке труда ухудшилась для значительно большего числа американцев, и глобализация, вероятно, одна из причин неудовлетворительного состояния этого рынка.

Опросы общественного мнения показывают, что взгляды людей на внешнюю торговлю, прямые иностранные инвестиции и иммиграцию напрямую зависят от уровня квалификации и образования опрашиваемых. Менее квалифицированные американцы, составля-

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

ющие большую часть трудовых ресурсов, уже давно выступают против открытых границ. Вероятность поддержки протекционистской политики лицами, имеющими среднее школьное образование, почти вдвое выше, чем окончившими колледж.

Такое различие во мнениях в зависимости от уровня образования отражает настроения менее квалифицированных американцев, которые считают, что либерализация рынка скажется на их зарплатке. Это различие свидетельствует также о неудовлетворительном фактическом состоянии дел с реальным и относительным заработком в последние десятилетия. Сейчас уже точно установлено, что неравенство в доходах для разных квалификаций возросло (в зависимости от системы подсчета) с середины или конца 1970-х и что всю выгоду от повышения производительности за этот период получили главным образом работники более высокой квалификации. Например, в период с 1966 по 2001 год средний доход по зарплате с поправкой на инфляцию до уплаты налогов вырос всего на 11 % по сравнению с 58-процентным ростом доходов работников, относящихся к 90-му перцентилю и 121-процентным ростом доходов работников, относящихся к 99-му перцентилю (перцентиль — процентная доля индивидов из выборки стандартизации, результат которых ниже либо равен данному первичному показателю. — Ред.). Развитие производительных сил (в том числе технологические изменения, связанные с квалификацией и практическим опытом) сыграло важную роль в сохранении тенденции к изменению доходов. Похоже, что при этом факторы глобализации проявились не столь явно, и тем не менее они оказали свое воздействие.

Говоря о связи между отношением к политическому курсу, с одной стороны, и квалификацией работников и состоянием рынка труда — с другой, следует отметить два важных момента.

Во-первых, эта взаимосвязь не просто отражает различное понимание выгод глобализации. Данные опросов здесь предельно ясны: американцы в своем большинстве признают многочисленные преимущества открытых границ: снижение цен, более широкий ассортимент товаров, стремление фирм поддерживать свою конкурентоспособность. На все это указывают исследователи, разработчики политического курса и представители бизнес-сообщества. Одновременно существует понимание того, что, обеспечивая ряд преимуществ, открытые границы могут ставить заработки под удар.

Новый курс для глобализации

Во-вторых, отношение работника к глобализации, похоже, не зависит от отрасли, в которой он занят. Дело в том, что в связи с конкуренцией на внутреннем рынке труда тяготы глобализации распространяются не только на отрасли, зависимые от торговли и иностранных инвестиций, но и на всю экономику. Если, к примеру, автомобилестроители теряют работу, они вступают в конкурентную борьбу за новые рабочие места во всех сегментах рынка и тем самым оказывают давление на уровень оплаты в целом в экономике. Таким образом, значение, по всей видимости, имеет уровень квалификации работника, а не отрасль, в которой он занят.

Нынешний дрейф в сторону протекционизма также связан с ухудшением в последние годы ситуации на рынке труда. По традиционным критериям, таким, как рост занятости и уровень безработицы, американский рынок труда в последнее время демонстрировал хорошие показатели. На сегодняшний день безработица на уровне 4,5 % говорит о полной или почти полной занятости. Но если принимать во внимание только число рабочих мест, то упускается из виду одно ключевое изменение: в течение нескольких лет подряд рост заработной платы рабочих и служащих, кроме самых высокооплачиваемых, был незначительным, что резко увеличило неравенство.

Из семи образовательных категорий (не окончившие среднюю школу; выпускники средних школ; лица, окончившие несколько курсов колледжа; выпускники колледжей, имеющие степень магистра, но без конкретной профессиональной направленности; обладатели докторских степеней и, наконец, магистры делового администрирования, юриспруденции и медицины) только две последние, а именно доктора наук и дипломированные специалисты в последних трех областях, ощутили рост среднего реального заработка в денежном выражении в период с 2000 по 2005 год. Эти две категории составляли в 2005-м только 3,4 % всех трудовых ресурсов, и, следовательно, более 96 % работающих американцев относятся к тем образовательным группам, чьи средние доходы в денежном выражении снизились. В отличие от предыдущих десятилетий в период с 2000 года у выпускников колледжей, в том числе имеющих степень магистра, не работающих по специальности (а они составляли 29 % трудовых ресурсов в 2005-м), наблюдалось снижение среднего заработка в реальном денежном выражении.

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

Впечатляющий перекося в росте доходов в США обнаруживается и при анализе с использованием других параметров. Рост совокупных доходов, если судить по налоговым поступлениям, в последние годы был крайне неравномерным. Доля национального дохода, которая приходилась на 1 % населения с самым высоким заработком, в 2005 году достигла 21,8 % — такого показателя не наблюдалось с 1928-го. Кроме высокой оплаты труда, рост доходов в этой верхней группе обусловлен прибылью корпораций, доля которой в национальном доходе приближается к своему пику за последние 50 лет и которая распределяется в основном среди высокооплачиваемых работников. Итак, существенный факт заключается в том, что основную выгоду от мощного роста производительности в последние несколько лет получила небольшая категория высокообразованных и высокооплачиваемых работников.

Экономисты пока не могут до конца понять, что послужило причиной перекося в росте доходов и какова в этом роль глобализации; им неизвестно также, как долго будет сохраняться такое положение. Однако вполне возможно, что связь с глобализацией существует. Слабый рост доходов совпадает с интеграцией в мировую экономику Индии, Китая, Центральной и Восточной Европы. Революция информационных технологий оборачивается тем, что работники некоторых категорий сталкиваются с конкуренцией со стороны иностранных фирм и работников по причине аутсорсинга в таких сферах, как бизнес-услуги и компьютерное программирование. Даже если само производство не переводится за границу, расширение торговли и многонационального производства может стать фактором давления на доходы, поскольку у компаний всегда есть возможность заменить местных работников иностранными.

Эти два взаимосвязанных фактора — состояние рынка труда и отношение к глобализации в условиях, когда многие американцы не ощущают реального роста доходов, — объясняют всплеск протекционизма. Ряд проведенных в США опросов общественного мнения свидетельствуют о тревожной тенденции — усилении протекционистских настроений в последние несколько лет. Так, опрос, проведенный совместно *NBC News* и газетой *Wall Street Journal*, показал, что с декабря 1999-го по март 2007 года доля респондентов, считающих торговые соглашения вредными для Соединенных Штатов, возросла на 16 пунктов (до 46 %). Доля сторонников заключения подобных согла-

Новый курс для глобализации

шений снизилась на 11 пунктов (всего лишь до 28 %). По данным опроса, проведенного Институтом Гэллапа, в 2000-м 56 % респондентов рассматривали внешнюю торговлю как благо и 36 % — как угрозу. К 2005 году данные изменились на 44 и 49 % соответственно. Опрос, проведенный в марте 2007-го *NBC News* и газетой *Wall Street Journal*, показал негативное отношение к открытости границ даже среди работников высокой квалификации: только 35 % респондентов (выпускники колледжей или имеющие высшее образование) указали на то, что они получают прямую выгоду от глобальной экономики.

Учитывая отсутствие реального роста доходов для большинства американцев в последние годы, новоявленный скептицизм в отношении глобализации не лишен оснований. Дают себя знать и последствия: изменение общественного мнения стимулирует протекционизм в политике. У политиков есть повод для того, чтобы предлагать протекционистские меры и осуществлять их, поскольку того желает большинство граждан. Компании, заинтересованные во введении протекционистских мер, в своей лоббистской деятельности встречают больше понимания со стороны разработчиков политического курса, чем когда бы то ни было за последние два десятилетия.

НЕАДЕКВАТНАЯ АДАПТАЦИЯ

Поскольку нынешняя протекционистская тенденция отражает обоснованные тревоги значительного большинства американцев, политические дебаты требуют свежих идей. Есть повод для беспокойства, даже если оставить в стороне заботу о социальной справедливости. В условиях, когда большинство работников не видят для себя выгоды от взаимодействия глобализации и технологии, возникающая в результате протекционистская тенденция в конечном счете может свести на нет всеобщую выгоду от глобализации. Недостаточное понимание причин перекоса в росте доходов — не повод для бездействия.

Те, кто принимает политические решения, возможно, не в силах бороться с конкретным источником (или источниками) этого перекоса и, пожалуй, не стали бы этого делать, даже если бы смогли определить его, так как в конце концов они способствовали бы уменьшению, а возможно, и полной ликвидации всей совокупной выгоды от глобализации.

Сторонники глобализации стоят перед кардинальным выбором: либо усилить поддержку открытой глобальной системы, обеспечив

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

выгоду от ее функционирования для большинства работников, либо согласиться с тем, что дальнейшая либерализация неприемлема. Если учесть все плюсы открытых границ, то становится ясно, какой вариант предпочтительнее.

Нынешние политические дискуссии о влиянии глобализации на распределение национального богатства, как правило, концентрируются вокруг основополагающей правительственной программы по преодолению напряженности на рынке труда вследствие глобализации под названием «Помощь в отраслевой адаптации» (*ТАА*), а также вокруг увеличения объема инвестиций в образование. Полезность этих планов никто не оспаривает, но они недостаточны для решения насущной проблемы.

Трудность с программой *ТАА* состоит в том, что она исходит из ошибочной предпосылки, будто ключ к решению проблемы незащищенных в условиях рынка отраслей — это профессиональная переподготовка работников. Программа, начало которой положил Закон о торговле 1974 года (соответствующий его раздел связан с Североамериканским соглашением о свободной торговле — *НАФТА*), оказывает содействие работникам тех отраслей, которые могут доказать, что рост импорта привел к ликвидации рабочих мест или сокращению рабочего времени и зарплаты. Лица, включенные в программу «Помощь в отраслевой адаптации», имеют право на профессиональную переподготовку, на продление действия пособия по безработице в период обучения (если оно занимает полный рабочий день), а также на содействие в поисках работы и оплачиваемый переезд на новое место жительства.

Короче говоря, программа *ТАА* не рассчитана на преодоление протекционизма. Озабоченность, возникающая в связи с положением дел на рынке труда, которая движет подобным устремлением, не исчерпывается проблемой предоставления новых рабочих мест в отраслях, сталкивающихся с внешнеторговой конкуренцией. Поскольку создаваемая глобализацией напряженность затрагивает всю экономику, способствуя конкуренции на внутреннем рынке труда, понятна озабоченность по поводу сохранения доходов и занятости, и это характерно для всех отраслей экономики.

Сегодня многие призывают к реформированию и расширению программы *ТАА*. Например, президент США Джордж Буш предложил упростить процесс определения прав на включение в програм-

Новый курс для глобализации

му и предоставление помощи в поисках новой работы. В этом году программа «Помощь в отраслевой адаптации» должна быть продлена Конгрессом, и многие законодатели предложили расширить число отраслей, которые подпадают под эту программу. Такое совершенствование *ТАА*, безусловно, можно только приветствовать. Но внесение поправок само по себе не способно остановить дрейф в сторону протекционизма.

Идея, которая стоит за инвестированием в образование, заключается в том, что работники более высокой квалификации, как правило, зарабатывают больше и, следовательно, выше вероятность того, что они напрямую выиграют от экономической открытости. Недостаток такого подхода, однако, в том, что повышение уровня квалификации — процесс, который занимает не одно десятилетие, его результаты проявятся очень нескоро и никак не смогут уже сегодня повлиять на решение проблемы неприятия глобализации. Соединенным Штатам понадобилось 60 лет, чтобы увеличить долю выпускников колледжей в трудовых ресурсах с 6 % (уровень к концу Второй мировой войны) до нынешних порядка 33 %. При этом потребовалось принятие масштабных государственных программ, таких, к примеру, как Билль о рядовых военнослужащих (*GI Bill*), осуществление глубоких социально-экономических преобразований, в частности увеличение числа женщин среди работающих.

Если бы США сегодня задались целью довести количество работников с дипломами колледжей до 50 %, то образовательный уровень среднего занятого американца (если ориентироваться на темпы в этой области в прошлом) поднимется примерно к 2047-му. И даже это, пожалуй, слишком оптимистичный прогноз. В предыдущем поколении (имеется в виду поколение 1980-х. — **Ред.**) темпы повышения образовательного уровня замедлились по сравнению с поколениями 1960-х и 1970-х годов частично из-за того, что показатели числа оканчивающих колледж застыли в мертвой точке. Здесь, возможно, играет роль возрастание неравенства доходов. Начиная с 1988-го 74 % американских студентов в 146 ведущих колледжах США принадлежали к самому высокому социоэкономическому квартилю (квартиль — граница шкале измеряемого, т. е. тестируемого, свойства, отделяющая 25 % испытуемых от выборки стандартизации. — **Ред.**) и только 3 % — к самому нижнему. Более того, начиная с 2000 года даже выпускники колледжей и имеющие степень магистра без конкретной

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

профессиональной направленности столкнулись с падением средних реальных доходов в денежном выражении. Если эта тенденция продолжится, то даже окончание колледжа не устраним те опасения, которые порождают рост протекционизма.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Принимая во внимание ограниченный характер двух вышеуказанных реформ и необходимость обеспечить политическую основу для активной роли в мировой экономике, пора провозгласить Новый курс для глобализации. Увязав либерализацию режима торговли и инвестиций с существенным перераспределением доходов, этот Новый курс сделает все преимущества глобализации доступными для более широких слоев населения.

Вспомним, что 500 млрд дол. — это цифра, которой обычно оценивают сегодняшнюю прибавку к ежегодному доходу Соединенных Штатов от либерализации торговли и инвестиций в предыдущие десятилетия. Такой же цифрой определяется дополнительный ежегодный доход, который США будут иметь в результате участия в мировой свободной торговле товарами и услугами. Этот совокупный прирост, в прошлом и в перспективе, трудно переоценить, поэтому сохранить его — дело огромной важности. Но нынешний дисбаланс в росте доходов указывает на то, что число американцев, не участвующих напрямую в распределении выгод от этого совокупного прироста, на текущий день, по-видимому, очень велико.

Чтобы действительно расширить политическую поддержку открытых границ, требуются радикальные изменения фискальной политики. Это, однако, не означает, что личный подоходный налог следует сделать более прогрессивным, как часто предлагают. Система взимания налогов с личных доходов в Соединенных Штатах уже сейчас достаточно прогрессивна. Тем, кто принимает политические решения, не следовало бы забывать, что с работников взимается не только подоходный налог; они платят также взносы в федеральную систему страхования, то есть налог, начисляемый с зарплаты в Фонд социального страхования. Последний представляет собой наилучший способ перераспределения доходов.

Подоходный налог включает в себя оплату социального и медицинского страхования; каждая из этих позиций оплачивается в равных долях работником и работодателем. Общий налог с зарплаты являет-

Новый курс для глобализации

ся пропорциональным, и его ставка достигает 15,3 % с первых 94 200 дол. суммарного дохода работника. Кроме того, в счет оплаты медицинского страхования начисляется фиксированный налог в 2,9 %. Поскольку это паушальный налог (взимаемый с общей суммы), имеющий (в основном) ограниченную ставку, он является регрессивным, то есть скорее закрепляет, чем смягчает, неравенство до уплаты налогов. В 2005 году суммарный регрессивный налог с зарплаты составлял 760 млрд дол., то есть был почти идентичен суммарному прогрессивному подоходному налогу (1,1 трлн дол.). Высокий и регрессивный налог с зарплаты – очевидный кандидат для серьезного перераспределения доходов, связанного с глобализацией.

Новый курс для глобализации мог бы означать дальнейшую либерализацию торговли и инвестиций в сочетании с упразднением полного налога с зарплаты для всех работников, чей заработок ниже среднего по стране. В 2005-м средний общий заработок для всех работников составлял 32 140 дол., 67 млн занятых зарабатывали на этом уровне или меньше. Если предположить, что средний трудовой доход данной группы будет составлять около 25 тыс. дол., для каждого из этих 67 млн работников налоги снизятся примерно на 3 800 долларов. Поскольку экономическое бремя этого налога ложится в основном на работающих, они получают прямую выгоду от его сокращения при подсчете реального дохода после уплаты налогов. Учитывая, что общая сумма снижения налогов составит около 255 млрд дол., предлагаемую политику можно было бы окупить путем снятия (с суммарного дохода) ограничения в 94 200 дол., или повысив ставки налога с зарплаты (для того, чтобы сделать налог более прогрессивным, ставки можно поднять, как это происходит с подоходным налогом), или сочетая каким-то образом обе меры. Все это, конечно, лишь приблизительный план необходимой реформы, потребуются отработка многих деталей для ее осуществления. Например, снижение налога лучше осуществлять не единым образом для всех, а исходя из уровня дохода, как это было сделано с налоговой льготой на заработанный доход. Это поможет избежать скачков в действующих налоговых ставках, негативно отражающихся на материальных стимулах.

Возможно, подобное предложение покажется радикальным. Но следует помнить о 500 млрд дол., на которые ежегодно увеличивается доходная часть бюджета США на сегодняшний день благодаря

Мэттью Слотер, Кеннет Шив

либерализации торговли и инвестиций, и о дополнительной выгоде, которую мы могли бы получить в случае успешного завершения Дохийского раунда. Столь существенное перераспределение доходов может потребоваться, чтобы развеять обеспокоенность на рынке труда, которая приводит к протекционизму.

Чтобы определить правильный масштаб и структуру перераспределения, необходима серьезная общенациональная дискуссия с вовлечением в нее всех заинтересованных сторон. Люди, от которых зависит принятие политических решений, должны также позаботиться о том, как конкретно соразмерить такое перераспределение с дальнейшей либерализацией. Но за всем этим не следует упускать из виду главную идею: деятельность по дальнейшей либерализации торговли и инвестиций необходимо напрямую увязать с фундаментальной фискальной реформой, направленной на распределение общей выгоды от глобализации среди более широкого круга граждан.

СПАСЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Предотвращение роста протекционизма отвечает интересам экономики и безопасности США. С глобализацией связаны реальные преимущества, которые она предоставила и еще способна предоставить Соединенным Штатам и всему миру. Но их реализация вызывает обоснованные сомнения со стороны американских избирателей, которые необходимо развеять, избрав Новый курс для глобализации.

Нынешняя протекционистская тенденция во многом напоминает проблемы, которые стояли перед архитектором Нового курса, провозглашенного впервые в истории Соединенных Штатов. В августе 1934-го президент Франклин Делано Рузвельт заявил: «Те, чей облик будет определять веру в эту страну в будущем, должны заботиться в первую очередь об обычном гражданине... В намерение нынешнего правительства не входит нанесение урона честному бизнесу. Курс, которым мы следуем во имя социальной справедливости, не подразумевает, что, дабы приумножить всеобщее процветание, следует отобрать у одного и отдать другому... Иными словами, нас заботит нечто большее, нежели простое вычитание и сложение. Нас интересует также умножение — умножение богатства путем совместных действий, богатства, в котором каждому будет принадлежать своя доля».

Сегодня умножение, о котором говорил Рузвельт, будет зависеть от умения установить тонкое равновесие между тем, чтобы

Новый курс для глобализации

позволить многонациональным компаниям и впредь приносить сверхприбыли США, и тем, чтобы использовать четко отлаженные фискальные механизмы для распространения этих прибылей среди более широких слоев населения.

Можем ли мы предположить, что внимание к вопросу о распределении доходов подтолкнет избирателей к тому, чтобы сделать выбор в пользу открытых границ? Исходя из данных опросов общественного мнения, да. Американцы постоянно говорят, что они были бы более склонны поддерживать либерализацию торговли и инвестиций, если бы одновременно не оставались без внимания те граждане, которым этот процесс наносит ущерб. Политический опыт других государств подтверждает правильность такой постановки вопроса: в странах, которые тратят больше средств на программы обеспечения занятости, активное участие в мировом экономическом сотрудничестве находит более широкую поддержку.

Перед американским политическим истеблишментом стоит альтернатива: повести страну по опасной тропе ползучего протекционизма или построить прочный фундамент для активного взаимодействия США с мировой экономикой, распределяя выгоды открытой политики среди широких слоев населения. Новый курс способен обеспечить выживание глобализации.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events — turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington — this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO **FOREIGN AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” — *TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” — *FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” — *FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*: One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Европейский выбор

Никита Хрущёв и Шарль де Голль.
В центре – Юрий Дубинин. 1962 г.

“ – Звонил Хрущёв, – услышал я, едва переступив порог кабинета. – Он возмущен высказываниями де Голя насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Дал указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленивать Советский Союз ”

Интеграция в стиле фанк *Ольга Буторина*
106

Роль энергоресурсов во внешней политике России
Влад Иваненко
122

ЭнергодIALOG Россия – ЕС: заполнить вакуум *Владимир Милов*
135

Завтра уже наступило *Хиски Хауккала*
147

О «Европе от Атлантики до Урала» *Юрий Дубинин*
155

Интеграция в стиле фанк

Ольга Буторина

Будущее принадлежит тем, кто выбивается за всякие рамки, тем, кто рискует, пренебрегает нормами и устанавливает новые правила. Будущее принадлежит тем, кто использует любую возможность, чтобы самому создавать это будущее.

Кьелль Нордстрём, Йонас Риддерстрале. Бизнес в стиле фанк

Европейский союз меняется. Меняются его география, институты и механизмы. Меняется сама философия региональной интеграции. Однонаправленное движение уступает место далеко не очевидной совокупности беспрестанно варьирующихся сюжетов.

Европейскую интеграцию привычно сравнивать с поездом, движущимся к единой и понятной всем пассажирам цели. Но сейчас наиболее адекватная метафора европейской интеграции — это гипермаркет с бесчисленными магазинами и кафе, интернет-центрами и салонами красоты, прачечными и кинозалами.

Больше нет вагонов, где пассажиры читают одну и ту же утреннюю газету и вместе рассматривают пейзаж за окном, нет расписания поездов. Но самое главное — отсутствует станция назначения.

Вместо этого появились общие часы работы, автостоянка, чистые полы и туалеты, исправные эскалаторы. А также фонтан, зимний сад и музыка, играющая по вечерам. Места здесь хватает всем: государственным служащим, бизнесменам, семьям с детьми, пенсионерам, подросткам. Отсюда можно выйти с плазменным телевизо-

О.В. Буторина — д. э. н., профессор, советник ректора МГИМО (У) МИД России, заведующая кафедрой европейской интеграции МГИМО (У) МИД России, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Интеграция в стиле фанк

ром или со связкой уцененных бананов, с модным маникюром или с двухтомником об этрусках, с банкой кофе или с уведомлением о покупке пая в инвестиционном фонде. Кому как нравится.

Трансформация поезда в гипермаркет произошла так быстро, что ее не успели осознать ни сами государства — члены ЕС, ни их соседи. Отсюда и частые сбои в интеграционных планах Евросоюза, и не имеющая рационального объяснения напряженность в отношениях с третьими странами, включая Россию.

ГЛОБАЛЬНАЯ ГОНКА

Начнем с того, что же представляет собой региональная интеграция и зачем она нужна. В современной европейской мысли можно выделить четыре основных определения этого феномена.

Первое отталкивается от фактического опыта Европейского союза, прежде всего в сфере экономики: интеграция — это процесс взаимного **переплетения и сращивания национальных хозяйств**.

Три других определения имеют в своей основе теоретические конструкции, принадлежащие тем или иным политическим школам.

Представители европейского федерализма, вдохновляемые вековыми мечтами о единстве Европы, видят конечную цель в создании **сверхгосударства**. Решающим признаком интеграции они считают наличие наднациональных органов, которым отдельные государства передают часть национального суверенитета.

Теория коммуникации понимает интеграцию как сплоченное сообщество, основанное на **общих ценностях** и ведущее к развитию **совместной идентичности**. Признаком интеграции считается наличие между его участниками более тесных связей, нежели с партнерами извне.

В рамках неофункционализма интеграция — **коллективное средство решения практических задач**. При этом национальные власти могут делегировать органам союза исполнительные полномочия, но не суверенитет. Население, видя полезность союзных институтов, признаёт их и проявляет к ним лояльность.

Существующие определения заметно отличаются друг от друга, но им присущи два общих недостатка. Они не дают ответа на главный вопрос — о стратегической миссии интеграции. И затушевывают разницу между целями и средствами.

Так, по федералистской концепции, ЕС, создав сильные наднациональные органы, уже прошел наибольшую часть пути. Однако заветная цель — федерация либо конфедерация — в обозримой пер-

Ольга Буторина

спективе недостижима. Значит ли это, что нынешняя деятельность Евросоюза лишена смысла? Конечно же нет.

С позиций теории коммуникации крупным успехом Европейского союза является укоренение общих ценностей. Однако идентичность ЕС пока крайне слаба, ее формирование тормозят не только культурные различия, но и отсутствие в Евросоюзе единой политической системы, а также примат национального гражданства над общеевропейским гражданством.

Еще сложнее дело обстоит с плотностью региональных экономических связей. Интенсивность торговых потоков — доля торговли между странами — членами Европейского союза в их общем внешнеторговом обороте — возростала только на начальной стадии интеграции. С 1970-х годов и по сегодняшний день она составляет около 60 %. Это и понятно: дальнейшая ориентация партнеров друг на друга вывела бы их из системы международных отношений, отрезав от привлекательных рынков сбыта и источников сырья.

Не выдерживает проверки главный тезис экономистов-практиков о том, что целью интеграции является создание общего рынка и единого хозяйственного комплекса. Хотя единый внутренний рынок ЕС в целом функционирует с 1993-го, закон единой цены действует лишь частично. Любой турист знает, что в Швеции цены высоки, в Испании — умеренны, а в Болгарии — низки. Для многих видов услуг, а тем более для фондовых активов, конвергенция цен невозможна в принципе или ставится как задача для будущих поколений европейцев.

Потеряла актуальность схема известного экономиста Белы Балаши, согласно которой интеграция проходит в своем развитии четыре стадии — от зоны свободной торговли до валютного союза. Согласно этой логике, теперь у Евросоюза осталась одна цель — расширить зону евро до 27 членов, не расточая силы на общую оборонную идентичность либо на научно-техническую политику.

В 2005 году кафедра европейской интеграции МГИМО (У) выдвинула после серии научных семинаров новое определение региональной интеграции. Оно базируется на ее понимании в контексте процесса глобализации, который имеет два начала: объединяющее и разъединяющее.

С одной стороны, глобализация ведет к усилению взаимосвязей между странами и регионами, с другой — к разделению на страты и установлению жесткой иерархии. Страты формируются по уров-

Интеграция в стиле фанк

ню благосостояния, по степени мирового политического, экономического и культурного влияния, по доступу к ресурсам и информации, по использованию передовых технологий...

В этих условиях глубинной движущей силой региональной интеграции выступает стремление стран-участниц попасть в лучшую страту (или совместно сформировать лучшую страту), нежели та, к которой они объективно принадлежали бы без интеграции. Объединение Европы не случайно начинается после Второй мировой войны. Именно тогда колониальные империи, задававшие правила стратификации в предыдущую эпоху, рассыпаются, а США и СССР становятся главными мировыми силами.

Отсюда правомерно следующее определение: *региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе стратификации мира, обусловленной глобализацией*. Как уже было сказано, главная общая цель — создание максимально успешной страты, то есть укрепление позиций объединения в сферах, наиболее важных для данного этапа глобализации. Задача каждой отдельно взятой страны — обеспечить себе максимально благоприятную стратегическую перспективу. Интеграция позволяет наилучшим образом использовать преимущества глобализации и одновременно минимизировать ее отрицательное воздействие.

Таким образом, региональная интеграция представляет собой модель коллективного поведения в условиях глобальной стратификации. Создание наднациональных органов, расширение региональной торговли, введение единой валюты либо общего гражданства — все это ее инструменты или продукты. Если завтра мировое лидерство будет зависеть от того, умеет ли страна выращивать квадратные помидоры, ЕС немедленно примет подробный и жесткий план действий.

Важнейшим элементом региональной интеграции является идея об общей *будущей* судьбе народов. Именно будущей, а не прошлой. Общая история, схожесть культуры, политических и экономических систем — это необходимые, но недостаточные условия успешной интеграции. Ее незримый фундамент — общее представление о настоящей и будущей глобальной идентичности. Недаром европейская Конституция начинается со следующих слов: «Отвечая воле граждан и государств Европы построить общее будущее, эта Конституция учреждает Европейский союз...» (статья 1-1).

Интеграция — это мечта о светлом будущем для себя, своих де-

Ольга Буторина

тей и внуков. Как любая мечта, она может сбыться или нет. Но наличие мечты, тем более подкрепленной действенными планами, лучше, чем ее отсутствие. Поэтому интеграция – мечта и действующий проект одновременно.

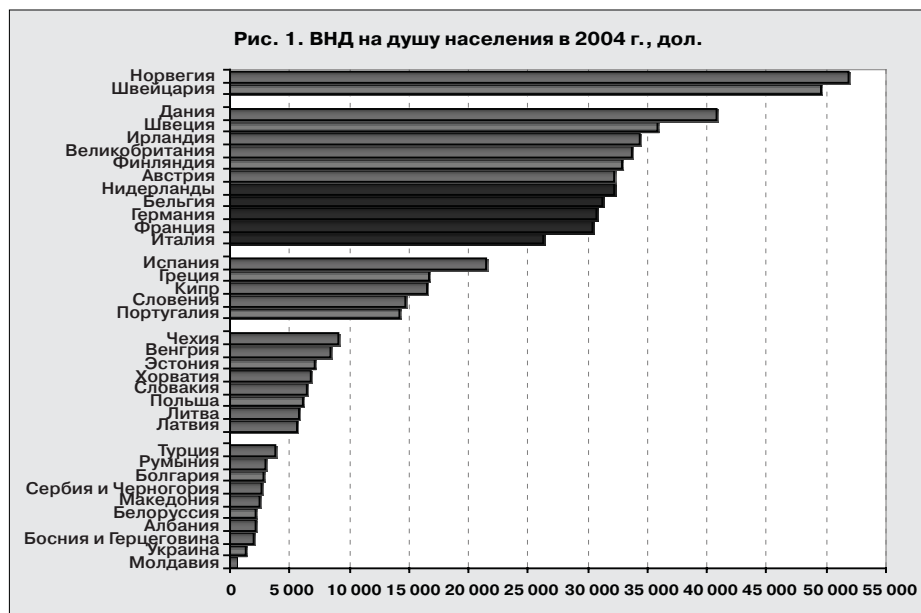
Сегодняшний Евросоюз в данном смысле на самом деле сродни гипермаркету. Для человека с достатком – это место, где можно быстро и удобно решить бытовые проблемы. Для подростка с окраины – модель лучшей, желанной жизни. Выставка достижений мирового хозяйства, куда он может запросто войти, чтобы проехаться на сияющем эскалаторе, послушать диск модной группы, купить на распродаже стильную футболку либо обсудить с продавцом новую модель мобильного телефона. И быть как все! Как те уважаемые господа, что приезжают на красивых автомобилях и элегантно расплачиваются кредиткой за ворох покупок.

В этом – огромная притягательная сила Европейского союза.

СЛОМАННОЕ ЕДИНООБРАЗИЕ

После того как в 1992-м Маастрихтский договор разрешил отдельным странам не вводить евро, специалисты заговорили об интеграции на разных скоростях. В очередной раз возникло сравнение ЕС с поездом. Но только ли в динамике дело?

Чтобы ответить на этот вопрос, автор провела блиц-анализ со-

Интеграция в стиле фанк

циально-экономических показателей 34 стран Европы, Кипра и Турции на основе данных Всемирного банка. В обзор не включались государства с населением менее 1 миллиона человек, так как их социально-экономические показатели формируются иначе, чем в более крупных государствах. Все страны ранжировались по показателю благосостояния, в качестве которого был принят валовой национальный доход (ВНД) на душу населения в 2004 году (рис. 1).

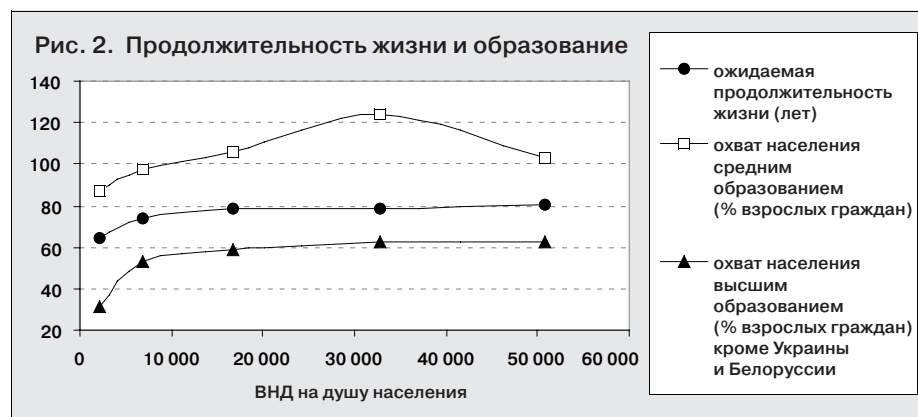
Это позволило сформировать пять групп. В первую, наименее обеспеченную, вошли десять стран: шесть из Южной Европы (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Македония, Румыния, Сербия и Черногория), три из СНГ (Белоруссия, Молдавия, Украина) и Турция. Во вторую группу попали семь новых членов Евросоюза из Центральной Европы (Венгрия, Польша, Латвия, Литва, Словакия, Чехия, Эстония) и Хорватия. Третью группу составили три отстающие страны ЕС-15 (Греция, Испания, Португалия) и два самых успешных новичка (Кипр, Словения). Четвертая группа включает в себя 11 сильнейших западноевропейских участников Европейского союза. Пятую группу представляют два богатейших аутсайдеров — Норвегия и Швейцария.

Далее для каждой группы был рассчитан средний ВНД на душу населения (среднее арифметическое этих показателей для каждой из входящих в данную группу стран). В первой группе средний ВНД составил 2 077 дол., во второй — 6 913 дол., в третьей — 16 752 дол., в четвертой — 32 767 дол., в пятой — 50 705 долларов. Конечно, такой метод достаточно условен и имеет ограничения. Некоторую трудность создают малочисленность пятой группы, а также тот факт, что третья в основном состоит из средиземноморских стран. Вместе с тем избранный метод прост и дает ясные, легко интерпретируемые результаты. Его важное преимущество — отсутствие временных рядов, которые сильно затрудняют выявление тенденций из-за неравномерной инфляции и структурных изменений. Полученные данные предоставляют в наше распоряжение моментальный отпечаток экономического состояния Европы-2004. Они позволяют судить о переменах в обществе по мере роста душевого дохода, так же как семейная фотография дает представление о возрастных изменениях человека.

Человеческие ресурсы. По ожидаемой продолжительности жизни разница между первой и пятой группами составляет 16 лет, соответственно 65 лет и 81 год (рис. 2). При этом подъем на одну ступень,

Ольга Буторина

то есть переход из первой группы во вторую, дает половину искомого прироста — 8 лет, и еще 5 лет добавляется при втором шаге. Уже в третьей группе продолжительность жизни приближается к наивысшему европейскому и мировому уровню.

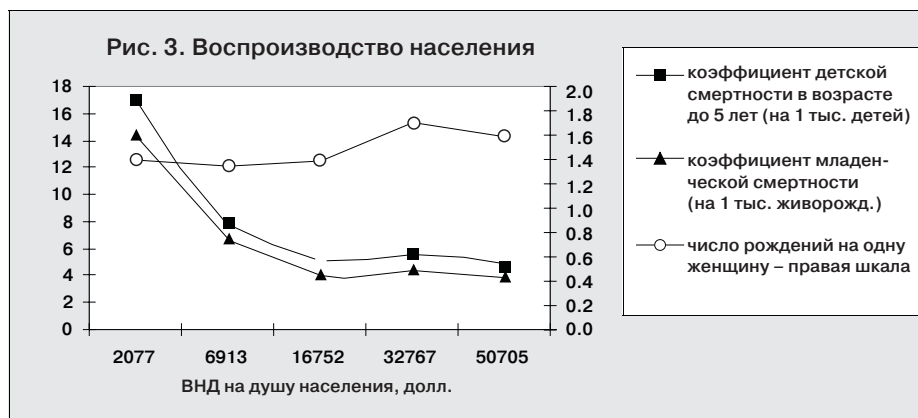

В беднейших странах (кроме Болгарии) не для всех взрослых оказалось доступным среднее образование. Но уже во второй группе эта проблема практически решена, а в четвертой каждый пятый гражданин имеет второе среднее образование. Распространение высшего образования во многом зависит от национальной модели. Больше всего людей с университетскими дипломами в Скандинавских странах — Норвегии, Швеции и Финляндии (80–87 % взрослого населения). В высокоразвитых государствах Западной Европы этот показатель в среднем составляет 62 % (в том числе в Австрии — 49 %, в Германии — 50 %). В беднейших странах Южной Европы и в Турции высшее образование имеют только 31 % взрослых, а в странах Центральной Европы — 53 %. Как и в случае с продолжительностью жизни, основной рывок наблюдается при переходе из первой группы во вторую.

Та же закономерность — важнейший первый сдвиг и значимый второй — характерна для показателей младенческой и детской смертности (рис. 3.) Уже в третьей группе (при душевом доходе от 14 тыс. дол.) общество теряет не более девяти из тысячи рожденных детей до достижения ими пяти лет. В первой группе этот показатель почти вдвое выше. Особенно сложная ситуация в Турции, где из тысячи родившихся детей до пяти лет не доживают 60.

Интеграция в стиле фанк

В Польше данный показатель равен 15, в Германии – 9, в Финляндии – 7, в Швейцарии – 10.

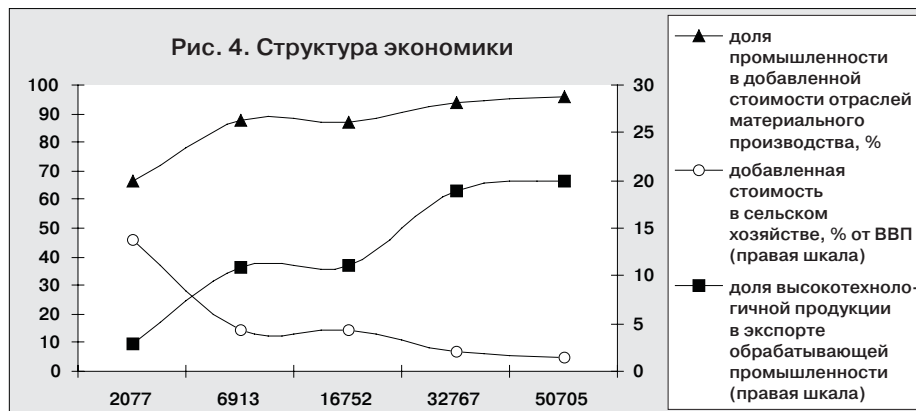
Интересны данные по числу новорожденных на одну женщину (коэффициент фертильности). Страны первой группы имеют две разные модели. Первая характерна для бывших социалистических государств – Белоруссии, Болгарии, Молдавии, Румынии и Украины. Там среднее число рождений на одну женщину колеблется от 1,2 до 1,4. В Албании и Турции (где сильны мусульманские традиции) этот показатель равен 2,2, в Македонии, Сербии и Черногории – 1,7. Зато вторая и третья группы в высшей степени однородны: на одну женщину в среднем приходится 1,2–1,4 ребенка.

Явное увеличение числа новорожденных в расчете на одну женщину происходит в четвертой группе. Тем самым опровергается распространенное мнение, будто с ростом доходов рождаемость только снижается. В Нидерландах и Финляндии рождаемость выше, чем в Греции и Испании. Возможно, более высокая рождаемость в благополучных странах обусловлена притоком иммигрантов из третьего мира, социальной моделью (особенно в Скандинавии) и программами поддержки семьи. Так или иначе, в Европе в богатых странах (кроме Германии и Италии) старение населения идет медленнее, чем в относительно бедных.

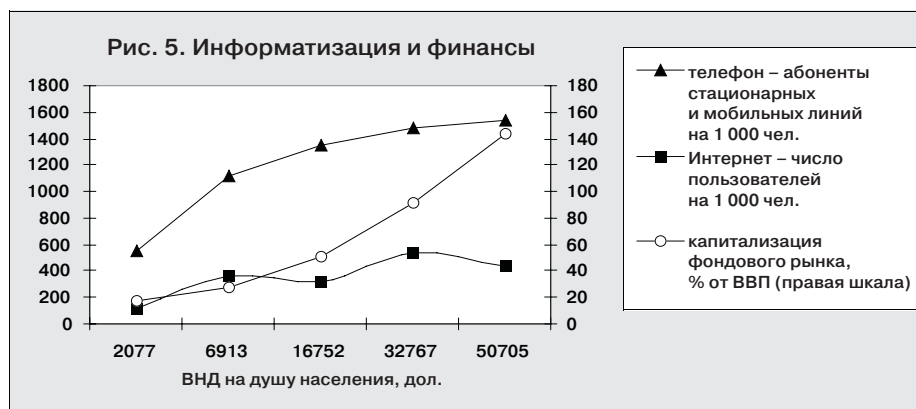
Модернизация и новые технологии. В наименее обеспеченных странах сельское хозяйство дает от 11 до 21 % ВВП, а в наиболее развитых – от 1 до 3 % (рис. 4). Но можно ли объяснить столь низкий процент аграрного сектора в ВВП Западной Европы огромными масштабами сферы услуг? Чтобы исключить этот фактор, для

Ольга Буторина

каждой страны была рассчитана доля промышленности в материальном производстве. Результаты убедительно показали, что развитие экономики сопряжено с неуклонным ростом индустриализации. Так, в Болгарии промышленность дает 74 % материального производства, в Португалии – 87 %, во Франции – 92 %.

Между странами ЕС существует значительный разрыв в качестве международной специализации. Высокотехнологичная продукция в общем экспорте обрабатывающей промышленности составляет 3 % в первой группе, 11 % во второй и третьей группах и 19 % в четвертой группе. Примечательно, что кривая экспорта технически сложных товаров зеркальна по отношению к графику доли сельского хозяйства в ВВП.

По степени развития телефонных сетей и распространения Интернета ведущие государства Евросоюза превосходят наиболее слабых

Интеграция в стиле фанк

участников в 3–4 раза (рис. 5). Численность стационарных телефонных линий и абонентов мобильной связи увеличивается по мере роста душевого дохода более равномерно, чем, например, продолжительность жизни либо охват населения высшим образованием. Хотя постепенное замедление темпов обнаруживается и здесь.

Необычная форма графиков, отражающих процесс индустриализации (рис. 4) и распространение Интернета (рис. 5), а именно равенство или даже превосходство показателей второй группы над показателями третьей группы, возможно, имеет следующее объяснение. Третью группу составили государства, являющиеся крупнейшими производителями продуктов средиземноморского земледелия. Сельское хозяйство имеет там глубокие исторические и культурные корни. Во вторую группу, напротив, вошли бывшие социалистические страны, где в период действия Совета экономической взаимопомощи проводилась активная индустриализация с ориентированной на экспорт специализацией. В Венгрии, например, на высокотехнологичную продукцию приходится 29 % экспорта промышленных изделий; наряду с Германией она занимает второе место в Европе по этому показателю.

Совершенно особую картину демонстрируют финансовые рынки. В отличие от большинства рассмотренных ранее показателей, капитализация фондового рынка растет не по горизонтально расположенной параболе, а по экспоненте (вверх). Отношение стоимости обращающихся в стране акций и облигаций к национальному ВВП увеличивается при переходе из первой группы во вторую на 11 процентных пунктов, из второй в третью — на 23, из третьей в четвертую — на 40 и из четвертой в пятую — на 53 пункта.

Кластерные стратегии. Проведенный анализ показывает, что внутри Европейского союза те или иные группы стран не только движутся к интеграции на разных скоростях, но и ставят перед собой разные первоочередные задачи этого движения.

Болгарии, Румынии и государствам-кандидатам предстоит завершить индустриализацию, поднять на более высокий уровень системы образования и здравоохранения, нарастить инфраструктуру. Им нужно провести реструктуризацию сельского хозяйства, повысить его рентабельность и усилить специализацию. Перспективы развития промышленности связаны с четким определением приоритетов, а также с привлечением зарубежных инвестиций и технологий. В ближайшие 10–15 лет данные страны не смогут за-

Ольга Буторина

метно повысить технический уровень промышленности и увеличить экспорт высокотехнологичной продукции.

Государствам Центральной Европы также важно развивать здравоохранение и высшее образование. При взвешенной экономической политике они имеют реальный шанс догнать страны — лидеры ЕС по продолжительности жизни и уровню детской смертности. Однако, согласно прогнозам Европейской комиссии, до 2050 года старение населения в Центрально-Европейском регионе будет продолжаться. В Венгрии, Польше, Словакии, Чехии и государствах Балтии индустриализация практически завершена, но им предстоят многолетние усилия в целях модернизации промышленности и становления современных производств. Их возможности делать и осваивать масштабные вложения в НИОКР останутся в обозримой перспективе ограниченными.

В Греции, Испании, Португалии, Словении и на Кипре продолжительность жизни, показатели детской смертности, а также охват населения средним и высшим образованием практически соответствуют уровню ведущих стран Евросоюза. Приоритетная задача — завершить технологическое перевооружение промышленности, кардинально повысить в ней долю новейших, наукоемких производств. Судя по опыту Ирландии, это вполне возможно. В Испании, Португалии и Словении сложились предпосылки для нового рывка в развитии национальных НИОКР и современного информационного общества.

Группе из 11 наиболее обеспеченных стран Европейского союза выпадает особая миссия. Благодаря своему экономическому и политическому весу именно они задают приоритеты, формы и темп интеграционного движения. Они же несут наибольшую ответственность за судьбу объединения. Важнейшая задача — удержать занятые высокие позиции. Главные усилия направляются на то, чтобы не допускать снижения нынешних социальных стандартов, обеспечить стабильные (пусть невысокие) темпы экономического роста и преуспеть в глобальной конкуренции. Стратегические перспективы связаны с развитием общества знаний: улучшением качества образования, разработкой высоких технологий, совершенствованием информационных систем, повышением ликвидности финансовых рынков.

Итак, стратификация происходит не только во всем мире, но и внутри ЕС как следствие глобальной конкуренции и нарастающей дифференциации стран Евросоюза. В европейском гипермаркете одни запасаются стиральным порошком в экономической упаковке,

Интеграция в стиле фанк

другие радуются пятидесяти сортам мороженого, а третьи придиричиво выбирают морепродукты. Только не надо думать, что жизнь первых тяжела, а третьих легка. Важно понять, что гипермаркет — не поезд, спешащий доставить пассажиров на станцию назначения. Гипермаркет — продукт глобализации. Он предлагает посетителям товары со всего света, отвечающие международным стандартам. В отличие от поезда, где выбор делается единожды, в гипермаркете бремя свободы постоянно. Каждый должен поминутно решать, на что потратить деньги и время.

ВЛАСТЬ ЭМОЦИЙ

Шестьдесят лет мира и окончание холодной войны повлияли на европейскую политику так же, как товарное изобилие — на поведение потребителей. Сегодня, покупая реперскую куртку либо кашемировый пиджак, человек в последнюю очередь думает о тепле, а в первую — о самоидентификации. Конкретной вещью он заявляет другим и себе о принадлежности к социальной группе, ценности разделяет. Если раньше главным вопросом политической повестки дня был вопрос о войне (реальной или вероятной), то теперь на первый план вышла проблема идентичности, а также связанные с нею эмоции.

В начале нового столетия задача строительства общей европейской идентичности приобрела первостепенное значение и одновременно резко усложнилась.

Во-первых, существенно возросла разнородность Европейского союза. Потоки иммигрантов изменили культурное и религиозное пространство многих европейских стран. Массовый прием новых членов не только увеличил число официальных языков ЕС, но и многократно усугубил экономическое неравенство. В 1951 году при подписании Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали бельгийский ВВП на душу населения (по текущему обменному курсу) был в 2,3 раза выше, чем в Италии. Сегодня аналогичный разрыв между самой богатой и самой бедной страной Евросоюза (Дания и Болгария) увеличился почти до 15 раз. Кстати, на рис. 1 видно, что по уровню благосостояния государства — основатели ЕЭС до сих пор представляют собой удивительно сплоченную группу.

Во-вторых, после распада советского блока у Европейского союза исчез идеологический противник, наличие которого помогало европейским народам, непохожим и не всегда симпатизирующим друг другу, почувствовать себя некой общностью. Надо признать,

Ольга Буторина

что СССР был для Западной Европы идеальным комплиментарным «другим». И его не могут заменить ни США, ни прочие мировые силы или регионы.

В-третьих, механизмы ЕС усложнились настолько, что подавляющее большинство населения объективно не в состоянии в них разобраться. Но широкая общественная поддержка крайне важна в целях поступательного движения интеграции и становления общеевропейской идентичности.

Резкая смена глобальной системы координат породила у западноевропейцев два противоположных чувства. С одной стороны, гордость, подчас переходящую в самодовольство, за историческую правильность рыночной системы. С другой – растерянность и страх за свое будущее. Следует понимать, что приспособляться к новой стадии глобализации Западной Европе психологически труднее, чем любой другой части света. Европейская цивилизация держится на строгом рационализме, на стремлении к наиболее эффективным алгоритмам действий и на прямолинейной морали. А глобализация повсеместно ломает стереотипы, заставляет принимать неожиданные решения, требует креативности. Большинство простых европейцев чувствуют себя в этой обстановке крайне некомфортно.

Необходимость укрепить чувство безопасности и сформировать позитивную европейскую идентичность заставила Евросоюз обратить особое внимание на ценности. В 1993-м были впервые оглашены знаменитые Копенгагенские критерии, которые адресовались кандидатам на вступление. Так возник набор характеристик, позволяющих выделить страны – члены Европейского союза из огромного числа других государств мира. Среди этих характеристик демократия, правовое государство, соблюдение прав человека и меньшинств, рыночная экономика. Добавим, что утвержденная система ценностей дала ЕС еще одно важное средство глобальной стратификации – право требовать от других выполнения данных норм (и именно в том смысле, какой вкладывает в них официальный Брюссель).

Необходимость крепить общеевропейскую идентичность существенно повлияла на повседневную практику. Общие заявления лидеров Евросоюза и документы руководящих органов становятся в последнее время все более приглаженными. Открытые дебаты, создавшие славу европейской культуре, уступают место отполированным профессиональным текстам. В Европейском союзе говорят и пишут

Интеграция в стиле фанк

на особом языке. «Полностью реализовать потенциал» — значит устранить отставание. «Добиться лучшего баланса между гибкостью и защищенностью рынков труда» — сдержать рост зарплаты. «Обеспечить прочность государственных финансов» — ликвидировать дефицит госбюджета. «Внести новый динамизм» — преодолеть застой. Задача европейских функционеров — не допустить возникновения у граждан отрицательных эмоций. Что ж, им это неплохо удастся.

Отдельным жанром стал «потребительский тюнинг» программ и ежедневных действий институтов ЕС. Так, агитационная кампания в пользу валютного союза строилась на том, что люди сэкономят на конвертировании и в Европе будут создаваться новые рабочие места. Первое — чистая правда, второе — сильная натяжка, но ни то ни другое не имеет отношения к настоящим целям проекта. Его главное предназначение — обеспечить Европе новые глобальные преимущества и ускорить модернизацию экономики за счет активизации рыночных сил. Но население этим не убедишь. Каждый раз, когда Европейский центральный банк (ЕЦБ) повышает ставку рефинансирования, он обосновывает это угрозой роста цен, хотя реальной причиной может быть снижение курса евро или изменение процентных ставок в США. Но публика должна верить, что ЕЦБ стоит на страже ее интересов.

Замечательным образцом той же практики стала финансовая стратегия Евросоюза на 2007–2013 годы. Ее главным приоритетом считается обеспечение устойчивого роста, в соответствии с которым действуют две бюджетные линии: «конкурентоспособность в целях роста и занятости» и «сплочение в целях роста и занятости».

На первую, куда входят научно-техническая политика и инновации, образование, трансъевропейские сети, социальная политика и функционирование единого внутреннего рынка, выделено 9 % всех расходов общего бюджета. На вторую, предполагающую помощь отстающим регионам, пойдут все 36 %. Так традиционная региональная политика Европейского союза (половина средств которой направляется отстающим районам весьма состоятельных западноевропейских стран) оказалась под респектабельной вывеской стратегии устойчивого роста. Гораздо больше лукавства во втором приоритете: под заголовком «сохранение и управление природными ресурсами» скрывается давно не соответствующая времени и непозволительно дорогая для ЕС (43 % всех расходов общего бюджета) сельскохозяйственная политика.

Ольга Буторина

Еще один узел сильных и во многом скрытых эмоций связан с расширением на восток. Многие жители Западной Европы отнеслись к этому с недоверием: они резонно опасались перераспределения бюджетных средств в пользу новых бедных окраин. Жителей Центральной Европы перспектива вступления в ЕС окрыляла и вдохновляла. Они были полны самых светлых надежд, в том числе на значительный подъем уровня жизни. Членство в клубе преуспевающих стран решало и вопрос престижа, являлось источником национальной гордости, средством изжить комплекс «младшего брата».

В то же время философия Копенгагенских критериев и осуждение всего, что имело место в советском блоке, вызывали острое чувство неполноценности. Страны-кандидаты в лице своих лидеров и элит принялись доказывать Западу, что они всегда были стопроцентными европейцами. Перед сторонним наблюдателем предстала по-настоящему грустная картина. В некоторых странах всплыли обиды по отношению к новым партнерам. На повестку дня вышли проблемы, уходящие корнями во Вторую мировую войну и послевоенное устройство мира.

Многие в государствах Центральной Европы оказались не в состоянии принять собственную историю. Это привело к распространению фантазий о старых добрых временах. А так как большинство рассматриваемых стран появились на карте после Первой мировой войны, то объектом воспевания стал межвоенный период, отмеченный разгулом национализма и жестокости. Подобными измышлениями обезболивались и более свежие обиды. Например, в официальном издании «Эстонский паспорт» говорилось, что в 1980 году олимпийскую регату в Таллине бойкотировали свыше 60 стран мира в знак солидарности с оккупированной Эстонской Республикой.

Вольно или невольно Брюссель совершает крупную ошибку, изымая из общественного дискурса тему социалистического прошлого стран ЦВЕ. Ее серьезное осмысление, как правило, подменяется идеологизированной карикатурой. По сути, жизнь двух либо трех поколений — отцов, дедов и прадедов нынешних молодых венгров, поляков, чехов — окружена заговором молчания или порицания. Но без уважения к своим предкам, к истории своей страны не может быть подлинного чувства собственного достоинства, дающего силы принимать жизненно важные решения.

Интеграция в стиле фанк

Почему Евросоюз избегает данной темы, понятно. Дискуссия о советском прошлом лишит его нынешние ценности и с трудом формируемую европейскую идентичность четких контуров. Брюссель также не спешит выступить с собственной официальной позицией, избегает разногласий в обществе и очередной корректировки координат в отношениях с США, Россией, государствами СНГ.

Однако опасность данной практики заключается не только в том, что Европа играет своими ценнейшими активами — демократией и рациональным мышлением. Ее продолжение может привести к тому, что страны Центральной Европы не почувствуют себя полноценными участниками объединения, не проникнутся его общими целями и не сумеют нести ответственность за его будущее. Пока данное предположение подтверждается. Неоднократно на самых разных уровнях я задавала коллегам из стран Центральной Европы вопрос о том, какой вклад они готовы внести в достижение общих целей Европейского союза. Каждый раз он вызывал непонимание, удивление или растерянность. И ни разу я не получила ответа по существу.

Снижение инициативности, неготовность делать будущее собственными руками, неумение творчески осмысливать происходящее — величайшие грехи эпохи глобализации. Утверждение лучших мировых стандартов, инновации, способность к многомерному восприятию действительности, высокая степень принятия себя и других — ее важнейшие достижения. Это касается как ЕС в целом, так и всех стран-членов. Новая модель европейской интеграции отвечает условиям глобализации лучше, чем предыдущая, но и управление ею гораздо сложнее.

Роль энергоресурсов во внешней политике России

Влад Иваненко

«Заприте двух экономистов в одной комнате, и вы получите три мнения», — смеются остроловы. Многие политики согласны с данным наблюдением. Например, бывший президент США Гарри Трумэн высказывал пожелание нанять «однорукого экономиста», поскольку его советники часто употребляли оборот «с одной стороны..., а с другой...» (по-английски: *on one hand..., on the other hand...*).

Все же в некоторых случаях профессионалам удается достичь согласия. Одним из таких примеров является теория сравнительного преимущества в торговле. Датируемая временами Давида Рикардо, она гласит, что любой стране выгоден режим свободной торговли при условии взаимного открытия рынков торговыми партнерами.

Данная теория лежит в основе современной международной торговли, которая ставит перед собой задачу постепенного расширения как списка участников торговых соглашений, так и ассортимента товаров и услуг, свободно перемещающихся через границу. Однако сложившаяся система несовершенна, хотя и согласуется с экономической теорией. Она есть продукт эволюционного развития особых отношений между отдельными странами, который, будучи ориентирован на реализацию теоретических положений экономистов, в практическом плане подстроен под политические нужды главных участников.

Исторически сложилось так, что страны — члены Европейского союза (основные торговые партнеры России) стояли у истоков созда-

Влад Иваненко — д. э. н. (*PhD*), сотрудник Департамента статистики Канады. Данная статья отражает личную точку зрения автора и никоим образом не связана с позицией Департамента статистики Канады.

Роль энергоресурсов во внешней политике России

ния международной торговой системы, а Россия нет и, следовательно, не имела возможности вовремя отразить свои национальные интересы в действующих договорах. Поэтому Москве, прежде чем принимать некие обязательства, следует тщательно продумать, насколько предложенные международные договоры соответствуют ее национальным интересам. Поскольку европейские и российские торговые интересы могут отличаться друг от друга, стоит рассмотреть позиции обеих сторон (по вопросам как общего режима торговли, так и интеграции своих рынков энергоресурсов) по отдельности.

ИНТЕРЕСЫ ЕС В ТОРГОВЛЕ С РОССИЕЙ

Евросоюз сформировался внутри системы международных обязательств, взятых на себя Западом для решения собственных внутренних задач и впоследствии распространенных на остальной мир. Это нормальное развитие событий: в любой преуспевающий клуб стремятся влиться новые члены невзирая на стандартное условие «прими все правила или не вступай». Условием присоединения к Европейскому союзу служит требование *acquis communautaire* (в переводе с французского: сложившийся порядок). А, например, Всемирная торговая организация (ВТО) обуславливает вступление России подписанием, среди прочего, недавно принятых ВТО протоколов по услугам. Причем Москва должна сделать это раньше, чем многие из входящих в эту организацию. (Конечно, исключения из правил возможны. В частности, Польша в процессе вступления в ВТО согласилась безоговорочно признать порядка 50 правил, тогда как Чехия — вдвое больше. Но тут все зависит от переговорной позиции страны.)

Возможно, ЕС по инерции относится к России как к потенциальному кандидату в члены и автоматически исходит из того, что уставы сообщества должны служить в качестве переговорной основы. Международная торговля для Евросоюза делится по секторальному, а не географическому принципу, что особенно заметно по его старейшим членам, которые присутствуют во всех частях света. С их точки зрения, неважно, какая страна является поставщиком; важно, чтобы поставки осуществлялись стабильно и — желательно — по минимально возможной цене.

Доминирование на рынках Европейского союза энергоресурсов, импортированных из России, вызывает беспокойство его стран-членов. Первый вопрос, который задают европейцы, касается

Влад Иваненко

стабильности поставок; второй — «справедливости» цены (на жаргоне экономистов под этим подразумевается маргинальное соответствие цены издержкам по производству того или иного продукта, то есть отсутствие монопольной ренты). Рост поставок из России вызывает опасение, что российские производители получают возможность необоснованно повышать цены на свои товары, предназначенные для ЕС. «Не переплачиваем ли мы России?» — задаются вопросом европейские политики. «Конечно да», — отвечают экономисты, ссылаясь на рост индекса монополизации рынков энергоресурсов. «Можно ли что-то сделать?» — продолжают спрашивать политики. Экономисты отвечают, что, во-первых, нужно задействовать антимонопольное законодательство сообщества, дабы ограничить возможности монопольного ценообразования со стороны иностранных поставщиков, и, во-вторых, диверсифицировать поставки, чтобы снизить долю самого крупного продавца (то есть России). Вопрос гарантии поставок, который приобрел практическую значимость для Евросоюза после газовых и нефтяных конфликтов Москвы с транзитными странами, придает дополнительный стимул поискам альтернативы российским источникам поставок и развитию системы резервов топлива, разработанной после нефтяного кризиса 1974 года.

Камнем преткновения во взаимоотношениях России и Европейского союза стал отказ Москвы ратифицировать Энергетическую хартию. Этот документ был подготовлен Международным энергетическим агентством (МЭА) в начале 1990-х с целью гарантировать продолжение поставок советского сырья на европейский рынок, интегрировав энергетические рынки бывших социалистических стран с рынками ЕС. В результате переговоров удалось решить проблемы, связанные с транспортировкой нефти и газа по трубопроводам, проходящим за пределами бывшего СССР. Но из-за начавшейся на пространстве СНГ правовой неразберихи долгосрочных гарантий транзита через бывшие союзные республики добиться не удалось. Каковы возможности хартии в этом отношении?

С точки зрения Евросоюза, предполагаемые правовые инструменты вполне пригодны, чтобы урегулировать накопившиеся проблемы, связанные с добычей и транспортировкой энергоресурсов из СНГ на европейские рынки. Однако следует отметить, что хартия разрабатывалась в первую очередь для решения энергетических проблем «старой» Европы, а не бывших республик СССР. Будучи

Роль энергоресурсов во внешней политике России

вначале частной инициативой Европейского союза, она была передана под патронат Международного энергетического агентства (МЭА), где сильны позиции стран – членов ЕС. Ведь МЭА создавалось в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для защиты импортеров от сбоев в поставках энергоресурсов в период нефтяного кризиса 1974 года. В свою очередь, ОЭСР является реинкарнацией организационных структур, созданных США для управления средствами, выделенными после окончания Второй мировой войны европейским и тихоокеанским странам в рамках плана Маршалла. Поскольку страны – члены Евросоюза выступили в качестве непосредственных инициаторов и главных разработчиков Энергетической хартии, логично заключить, что последняя полностью удовлетворяет их интересы. Этого нельзя утверждать в отношении других государств, подпадающих под ее действие, таких, к примеру, как Россия.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЭКСПОРТ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

Согласно социологическим опросам, рядовой россиянин сейчас заинтересован прежде всего в повышении своего личного дохода. Поскольку участие в международном разделении труда представляет собой один из главных факторов, влияющих на национальное богатство, получается, что Россия сделала осознанный выбор в пользу мировой торговли.

Хотя теория сравнительного преимущества и утверждает, что любая страна выгадывает от торговли, но она ничего не говорит о величине получаемой выгоды. Последняя зависит от абсолютной величины спроса и предложения, а также от условий функционирования рынков, которые в совокупности определяют доход продавцов и цену товаров для покупателей.

Если судить по абсолютным цифрам дохода от внешней торговли и сальдо торгового баланса, российские показатели выглядят очень хорошо. Цены на основные товары экспорта России (энергоресурсы и металлы) стабильно росли на протяжении последних лет и опережали рост цен на основные продукты импорта (машиностроение и потребительские товары), что вело к увеличению валютных поступлений. К негативным явлениям следует отнести однобокость ассортимента экспортных товаров и односторонность движения товарных потоков. В частности, энергоресурсы составляют бо-

Влад Иваненко

лее половины стоимости экспорта и направлены в основном на рынок Европейского союза. Известно, что зависимость от одного покупателя ведет к занижению цены, а скудость ассортимента вызывает неопределенность в получении дохода при прочих равных условиях. Соответственно наблюдающийся ныне рост российского национального состояния может оказаться эфемерным. Последнее обстоятельство вызывает озабоченность правительства и подталкивает его к поиску альтернативных экспортных продуктов и новых покупателей, то есть к диверсификации.

С точки зрения экономики текущие поставки российских энергоресурсов в ЕС совершенно разумны. В отличие от России Европа лишена существенных запасов извлекаемых энергоресурсов, но обладает огромным потенциалом в области обрабатывающих производств, чем не может похвастаться Россия. Поэтому естественно ожидать, что в российском экспорте продолжат доминировать энергоресурсы, а продукция обрабатывающих секторов будет поступать в нашу страну главным образом из Европы.

Последний вывод все же не означает, что России следует зафиксировать сложившуюся структуру торговли и перейти к стадии оптимизации издержек ее работы, в частности, через ратификацию Энергетической хартии и последующую интеграцию российского энергетического рынка с рынками стран — членов Евросоюза. Для него поставки российских энергоресурсов, особенно газа, становятся все более критичными, тогда как Москва постепенно начинает рассматривать поставки из Европейского союза как заменимые на аналогичные товары из других стран. Поэтому, с точки зрения России, имеет смысл разнообразить географию продажи энергоресурсов.

Данный аргумент нервирует Брюссель и снижает его переговорную силу, что позволяет российской стороне требовать дополнительных уступок. Например, Москве имеет смысл увязать гарантию поставок своих энергоресурсов в Европу со встречной европейской гарантией стать подрядчиком в проектах, необходимых для экономического развития страны. В частности, речь идет о продаже новых технологий и технической помощи по становлению современной инфраструктуры. Получается своеобразная сделка: обмен российских энергоресурсов на европейское ноу-хау, что влечет за собой кардинальный пересмотр условий взаимодействия. Конечно, ЕС не примет подобное предложение без дополнительных условий, о которых мы поговорим позже, но и отвергать его в принципе не будет.

Роль энергоресурсов во внешней политике России

Кроме недавних структурных изменений на европейском рынке энергоресурсов, которые усиливают переговорную позицию России (к примеру, рост цен и увеличение российской доли в импорте региона), существуют по меньшей мере еще две причины, почему ей следует осторожно отнестись к интеграции своего рынка энергоресурсов с рынком Евросоюза на условиях последнего.

ВОЗМОЖНАЯ РОЛЬ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В ВОЗРОЖДЕНИИ СНГ

Несмотря на доминирование энергоресурсов в структуре российского экспорта, ассортимент продаж отличается по регионам. В глазах большинства государств Россия выглядит исключительно как поставщик энергоресурсов, который временно пользуется случайно сложившейся благоприятной конъюнктурой мирового рынка. Соответственно отношения с ней следует ограничить конкурентной торговлей, поскольку, стоит только подождать изменений на рынке — и Москва утратит свое преимущество. Однако некоторые страны — участницы СНГ, такие, как Белоруссия, Казахстан и Украина, видят в России главного торгового партнера, более тесная экономическая интеграция с которым помогает им решить свои внутренние проблемы. Несмотря на политические трения, эти страны объединяет с Москвой применение одинаковых технологий, что поощряет техническую кооперацию, а также схожие в известной степени условия ведения бизнеса, что способствует кооперации предпринимательской. К тому же сложившаяся в советскую эпоху общность потребительских предпочтений поддерживает взаимный спрос на товары.

Конечно, потенциальные возможности партнерства не всегда реализуются, поскольку государства этого региона как сотрудничают, так и конкурируют, в частности, на рынке энергоресурсов. Недавние газовые конфликты России с транзитными странами (Украина и Белоруссия) служат примером того, как частные интересы берут верх над общественными и приводят к совокупным экономическим потерям.

Например, украинское руководство неправильно оценило свою переговорную позицию, решив вступить в конкуренцию с Москвой и договориться с Ашхабадом о прямых поставках газа. Последнее по идее должно было снизить цену, выплачиваемую страной, на величину прибыли, получаемой предположительно российскими посредниками. В реальности же Россия, опасаясь потерять транзитный

Влад Иваненко

контроль над экспортом туркменского газа, предложила Ашхабаду более выгодную сделку, нарушив тем самым планы украинских конкурентов. За неимением альтернативных поставщиков Украина была вынуждена вернуться к поставкам туркменского газа через тех же посредников, которые вложили повышенную закупочную цену в стоимость своего продукта. Получилось, что, начав конкурировать с Москвой, Киев улучшил переговорную позицию Ашхабада, единственного, кто оказался в выигрыше.

Очевидно, что в интересах государств региона не конкурировать, сбивая друг у друга экспортный доход и поощряя инвестиции в защиту от соседей (такие, как обходные трубопроводы), а обговорить условия раздела дополнительной прибыли, получаемой от скоординированных действий на внешних рынках. Гарантом кооперации может стать взаимный обмен акциями энергодобывающих и транспортных компаний. В этом случае, например, повышение прибыли «Газпрома» благоприятно скажется на финансовых результатах как казахстанской компании «КазМунайГаз», так и украинской «Нафтогаз Украины». В качестве владельцев акций «Газпрома» они получают долю от его дохода и поэтому не будут создавать проблемы российскому партнеру.

При благоприятном развитии событий страны – участницы СНГ могут договориться и подписать региональный договор по интеграции своих рынков энергоресурсов, аналогичный европейской Энергетической хартии, но построенный с учетом интересов его непосредственных участников. Помимо того что такой договор усилит переговорные позиции государств – экспортеров СНГ в отношении европейских стран-импортеров, он может быть положен в основу формирования местного торгового блока типа Европейского союза. Не следует забывать, что Европа начала долгий путь объединения с частного соглашения о создании единого рынка угля и стали на территории шести сопредельных стран в 1951 году.

ЭНЕРГОРЕСУРСЫ КАК ОСНОВА

НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Поскольку Россия стремится занять достойное место на мировом рынке разделения труда, ей следует обратить особое внимание на те области, в которых у нее уже имеется сравнительное преимущество. Речь идет, в частности, об энергетике. Российская элита слишком поторопилась отвергнуть, как не имеющую смысла, идею «энергетической сверхдержавы», недооценив ее потенциал. Страна способ-

Роль энергоресурсов во внешней политике России

на поставить перед собой амбициозные задачи по развитию новых энергетических технологий и добиться статуса глобального лидера по их внедрению.

Энергетика представляет собой особую сферу интереса для современной науки. Разведанные мировые запасы углеводородов, легко извлекаемые при существующих технологиях, постепенно сокращаются. Геологические работы смещаются в сторону океанского шельфа и регионов с суровым климатом, новые месторождения все более труднодоступны. С ростом цен на традиционные энергоресурсы повышается интерес к альтернативным источникам. Растет экономическая целесообразность инвестиций в энергосберегающие технологии, что подогревает интерес к разработке новых изоляционных материалов. Таким образом, процессы, происходящие на мировом энергетическом рынке, ставят перед прикладной наукой множество сложных технических задач.

Энергетика непосредственно связана и с фундаментальными науками. Случайно или нет, но проект по нанотехнологиям, уже заявленный в государственном бюджете, имеет к ней прямое отношение. Теоретически ничто не мешает поставить задачу научиться контролировать процессы сгорания топлива в двигателе на молекулярном уровне. Как результат фундаментальных исследований в этой области появятся принципиально новые двигатели, станет возможной регенерация использованных энергоресурсов. Почему бы России не сфокусировать свой научный потенциал — с привлечением иностранных экспертов — на решении данной задачи? Особенно учитывая, что двигателестроение является одной из немногих областей машиностроения, где накоплен значительный потенциал.

Деятельность Правительства РФ в области энергетической политики представляет собой некое эволюционное и, вероятно, не до конца осознанное движение именно в сторону позиционирования страны как мирового энергетического лидера. Например, идея организации газовой ОПЕК, пусть даже провозглашаемая в политических целях, все же дает шанс повлиять на международные стандарты газовых технологий в соответствии с российскими нормами. Вероятное открытие нефтяной биржи в Санкт-Петербурге (очевидно, с целью повышения мирового спроса на российскую валюту) способствовало бы созданию национального центра отраслевой экспертизы международного класса. Постепенно сужающееся поле для маневра иностранных энергокомпаний, работающих в России и

Влад Иваненко

Казахстане, и растущая активность нефтяных и газовых компаний СНГ за рубежом свидетельствуют о мировых амбициях региона. Однако все еще не решен вопрос: эффективно ли вмешательство государства в работу энергетического рынка?

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

По исторически сложившимся обстоятельствам либерализация и приватизация 1990-х годов практически свели на нет регулиющую роль Российского государства в нефтяной отрасли, но в газовой промышленности она оставалась значительной. После прихода к власти нового руководства в 2000-м политика Кремля постепенно менялась в сторону его более активного участия в принятии стратегических решений по управлению и развитию отраслей и менее активного — в областях, связанных с перераспределением финансовых ресурсов (таких, как ценообразование и налогообложение).

Правительство поддерживает экспансионистские планы национальных энергетических гигантов, осуществляется государственное планирование энергетических грузопотоков и даже восстанавливается прямой государственный контроль над недавно приватизированными предприятиями — все это свидетельствует о переориентации экономической политики в сторону государственного капитализма. Подобное развитие событий осуждается ортодоксально-либеральными экономистами, которые видят в этом отход от наиболее эффективных форм хозяйствования, а стало быть, и сокращение возможностей развития.

Однако, по мнению историков экономики, правительства западных государств отнюдь не всегда следовали либеральным рецептам, принятым в англосаксонских странах. Например, в Германии финансовый капитал, поддерживаемый государством, сыграл ключевую роль в становлении крупной немецкой индустрии, в частности химической промышленности. Государство удерживало прочные позиции в Японии и других странах Тихоокеанского региона.

Нужно отметить, что и Россия исторически чаще всего преуспевала тогда, когда государство активно вмешивалось в экономику. Этот факт был отмечен Александром Гершенкроном, гарвардским экономистом и, к слову, уроженцем России, который до конца жизни сохранил духовную связь со своей родиной. Пытаясь дать объяс-

Роль энергоресурсов во внешней политике России

нение этому наблюдению, Гершенкрон пришел к выводу, что относительно более отсталые страны способны использовать опыт развития передовых держав, спонсируя внедрение новых технологий через государственное планирование. Таким образом, можно совершить технологический прыжок и обойти те страны, развитие которых начинает замедляться из-за устаревших, хотя и работающих технологий. (Данный аргумент справедлив только для развивающихся стран. После выхода на передовые технологические рубежи частный сектор, пусть и достаточно хаотичный в принятии решений, но более инновационный, показывает лучшие результаты, нежели государственные предприятия.)

Отсюда вывод, что шанс доказать правоту своей энергетической политики у Кремля имеется. Однако настораживает то, что, несмотря на кажущийся активизм государства, стороннему наблюдателю чрезвычайно трудно уловить некую планомерную политику России в энергетической сфере. Создается впечатление, что Кремль не имеет четкой энергетической стратегии развития и предпочитает полагаться на тактику (то есть сиюминутные действия) при решении текущих проблем. Такое предположение находит подтверждение в противоречивых действиях Москвы как с транзитом газа через Украину, так и в отношении консультаций с Евросоюзом по вопросу Энергетической хартии или вечно откладываемой реструктуризации «Газпрома».

ПРИЧИНЫ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Результатом самостоятельной договоренности стран — участниц СНГ о проведении единой энергетической политики, а также упрочения Москвой своей позиции мирового энергетического лидера, как с опасением полагают в Европейском союзе, станут рост импортных цен и снижение уровня надежности поставок. Последнее вполне вероятно, поскольку, заслуженно или нет, Россия имеет репутацию неправового государства, которое способно пренебречь международными договоренностями либо использовать методы давления на торговых партнеров, не совместимые с духом кооперации.

Если Москва серьезно настроена на партнерские отношения с ЕС, ей придется в краткосрочном плане предоставить гарантии надежности поставок, а также ограничить свои возможности по монополистическому ценообразованию.

Влад Иваненко

Если Евросоюз и согласится быть в значительной степени зависимым от российских энергоресурсов, то лишь в ответ на встречные уступки. Россия может пойти на предоставление режима предпочтений европейским компаниям в тех отраслях промышленности, где их позиции сильны: например, в автомобилестроении и сфере коммуникаций, к которым проявляют особый интерес германские и скандинавские фирмы. Следует подчеркнуть, что влияние Европейского союза в этих взаимно согласованных правительствами областях должно стать действительно решающим, а не сводиться к миноритарному интересу, как можно предположить, исходя из нынешних российских реалий, и что усиленно лоббируется местными монополистами типа АвтоВАЗа.

В то же время допуск на рынки ЕС российских энергетических монополий должен сопровождаться постепенным выходом государства из управления последними. Данное положение особенно относится к «Газпрому», который приобрел репутацию «энергетического оружия Кремля». В этом случае инициатива будет принадлежать руководству Евросоюза, которое не преминет воспользоваться достаточно значимыми средствами, в том числе антимонопольным законодательством, чтобы вписать эту компанию в легальное поле общества. В долгосрочной перспективе реструктуризация, которую Европейский союз потребует от «Газпрома» по мере его проникновения на европейский рынок, соответствует и российским внутриэкономическим интересам. Например, это касается допуска независимых производителей газа к системе газопроводов и предоставления газпромовских мощностей по утилизации попутного газа.

Для достижения полноценного партнерства с ЕС России со временем придется пересмотреть принципы государственного управления. В настоящее время российский бюрократический аппарат и частные лица живут как бы в параллельных мирах. Частные предприятия и граждане относятся к чиновникам с подозрением и предпочитают избегать взаимодействия с ними. Государственные служащие испытывают встречную неприязнь и не желают идти навстречу клиентам без соответствующего вознаграждения.

Такая система отношений между государством и частным сектором противоречит базовым установкам ведения бизнеса в Евросоюзе, особенно в самой развитой его части, и затрудняет межрегиональную горизонтальную кооперацию. Кроме того, регулярно поступающие сигналы о фактах нарушения прав частных лиц в Рос-

Роль энергоресурсов во внешней политике России

сии делают неприемлемым ее присутствие в частной среде Европы. Например, средний британский обыватель, узнав о том, что некий россиянин попал в тюрьму по сомнительным с правовой точки зрения причинам, инстинктивно не приемлет идею установления более тесных отношений, выходящих за пределы простого обмена по принципу «груз сдал, груз принял». Не говоря уже о неясности с раскрытием политически мотивированных убийств: вспомним дела Анны Политковской и Александра Литвиненко.

Все же Москва движется к становлению демократии и гражданского общества. Для этого имеются объективные предпосылки. С ростом благосостояния российские граждане будут все больше обращать внимание на необходимость самоуправления не только в своих частных делах, но и в делах общественных. Например, известно, что покупка машины увеличивает «соприкасаемость» граждан и государства, будь то заинтересованность в надежном состоянии дорожного покрытия, контакты с Госавтоинспекцией либо прохождение процедур регистрации и страхования. Покупка жилья заставляет обращать внимание на общественное благоустройство территорий или контроль над преступностью в районе проживания. Развитие частных предприятий повышает их требования к общественной инфраструктуре, транспортным магистралям, энергоснабжению.

Пока граждане в общей массе стараются игнорировать недостатки в работе бюрократического аппарата, но с ростом доходов следует ожидать, что давление с их стороны на власти усилится и последние будут вынуждены отчитываться о своей деятельности. Все это со временем положительно скажется на имидже России и повысит «приемлемость» партнерства с ней для европейского обывателя.

* * *

В данной работе мы рассмотрели взаимоотношения ЕС и России в энергетической сфере и отметили асимметричность взглядов сторон. В то время как Евросоюз предпочитает ограничить кооперацию с Россией урегулированием долгосрочных поставок и гарантиями транзита, в том числе через российские трубопроводы, роль энергоресурсов в российской политике намного шире. Кроме доходов от экспорта сырья Россия заинтересована в приобретении европейских технологий. Проблема замороженных отношений с Европейским союзом усугубляется из-за несовместимости взглядов на возможность

Влад Иваненко

использования энергетики как основы воссоздания регионального блока СНГ, а также вследствие различного понимания роли государства в управлении энергетическим сектором. С точки зрения ЕС, страны – участницы СНГ должны находиться в состоянии взаимной конкуренции, тогда как Россия больше заинтересована в их кооперации. Евросоюз полагает, что роль государства следует свести к минимуму, тогда как, по мнению России, государственный контроль благоприятствует развитию ее экономики в краткосрочном плане.

Все же, несмотря на выявленные разногласия, договоренность обеих сторон не только возможна, но и непременно будет достигнута, поскольку долгосрочные интересы не противоречат друг другу.

В Санкт-Петербурге открылось представительство журнала «Россия в глобальной политике»

Теперь свежие номера журнала доступны для петербуржцев из первых рук, под эгидой издания будут проводиться конференции и семинары, публичные лекции, дискуссии.

Оформить подписку на журнал также можно в Петербурге. С сентября 2007 года журнал поступит в продажу в петербургские книжные магазины – «Дом Книги», «Перемещенные ценности», университетские магазины и другие.

Петербургское представительство приглашает к сотрудничеству организации, учебные заведения, экспертов и журналистов, которые занимаются международными отношениями и внешней политикой.

По всем вопросам обращаться:

– Тел. (812) 441 20 12

E-mail: spb@globalaffairs.ru

Руководитель петербургского представительства – **Павел Житнюк**

ЭнергодIALOG Россия – ЕС: заполнить вакуум

Владимир Милов

Вопрос о ратификации Россией Договора к Энергетической хартии (ДЭХ), точнее, об отказе его ратифицировать давно перешел из содержательной профессиональной плоскости в чисто политическую. Москва не упускает случая указать на то, насколько подобный шаг невыгоден с точки зрения российских национальных интересов. Западные же политики (в том числе, как ни странно, и американские, хотя сами США этот документ, потенциально предназначенный для применения в глобальном масштабе, ратифицировать не собираются) не оставляют попыток убедить Россию в обратном. Политизированность полемики, безусловно, препятствует выработке взвешенной профессиональной оценки содержания этого договора и трезвому анализу его приемлемости.

Европейский союз явно переоценивает возможности ДЭХа, видя в нем чуть ли не панацею от всех рисков, связанных с зависимостью от энергетических поставок из России. Данный документ, будучи исключительно правовым инструментом, вовсе не предлагает универсального политико-экономического решения и не дает гарантий надежности поставок. Спор о ратификации отражает более широкую проблему – преодоление правового вакуума в сфере непростых энергетических отношений между Россией и ЕС.

РОСТ ЗАВИСИМОСТИ И ОПАСЕНИЙ

Добыча нефти и газа в Северном море падает, Европа становится все более зависимой от импорта энергоресурсов, прежде всего российских: ведь именно они представляют собой наиболее выгодную и легко реализуемую возможность удовлетворения нужд Старого Све-

В.С. Милов – президент Института энергетической политики.

Владимир Милов

та. Попытки Евросоюза проводить курс на либерализацию и демополилизацию энергетических рынков идут вразрез с экономической политикой Кремля, направленной на усиление роли национальных энергетических монополий, в первую очередь «Газпрома», и в целом с тенденцией к росту влияния последних на европейском рынке.

Экспансия российских компаний естественна: отношения между Россией и Европейским союзом в энергетической сфере давно переросли формат трансграничной оптовой торговли. Однако все более широкое присутствие отечественных корпораций вызывает опасения европейцев с точки зрения возможных угроз для их конкурентоспособности. Опасения, надо сказать, небезосновательные, особенно если взглянуть на ситуацию, которая складывается на российском энергетическом рынке. Это провоцирует вал ограничений для инвестиций российских энергокомпаний в ЕС.

Напряженность в отношениях Москвы со странами, расположенными на пути транспортировки энергоресурсов в Европу, создает очаг нестабильности и подрывает надежность поставок. В этом свете будущее энергетических связей России с Евросоюзом — основным на сегодня и на обозримую перспективу рынком сбыта российских энергоресурсов — выглядит туманным.

ПРАВИЛА ЧУЖИЕ И СВОИ

Возможен ли выход из стратегической неопределенности, достижима ли взаимоприемлемая модель урегулирования проблем в области энергетики, которая основывалась бы на прочном цивилизованном фундаменте? Многие связывают построение такого фундамента с заключением комплексного соглашения об энергетических проблемах, не связанного с ДЭХом, к которому сами европейцы выдвигают немало претензий. К тому же ограниченный формат этого договора не позволяет с уверенностью говорить, что его ратификация приблизит решение накопившихся проблем.

Но гораздо важнее ответить на центральный вопрос, скрытый сегодня за специфическими претензиями к отдельным положениям ДЭХа и общей не вполне успешной его кредитной историей. Речь идет о том, готова ли Россия в принципе присоединиться к юридически обязывающим международным соглашениям, которые будут диктовать правила поведения, отчасти на нашей собственной территории? Иными словами, является ли негативная российская позиция следствием конкретных недостатков документа, или же она

ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум

продиктована общим нежеланием брать на себя международные обязательства и выполнять их?

Ответ на этот вопрос принципиально важен не только для всего комплекса политико-экономических взаимоотношений России и Европейского союза. Отношение к Энергетической хартии отражает психологический императив значительной части российской элиты, принципиально не желающей нести ответственность за выполнение не ею установленных международных правил. И сама хартия, и более широкий спектр политико-экономических вопросов, касающихся взаимоотношений России и внешнего мира, рассматриваются ныне с такой позиции: мы никому ничего не должны и не хотим обременять себя какими-либо обязательствами без крайней на то нужды.

Возможно, подобный подход к международным проблемам — неизбежное следствие самоуверенности российских властей, возросшей в последние годы по мере укрепления экономического положения страны и достижения, как часто говорят отечественные руководители, «финансовой независимости». В энергетике такого рода самоуверенность вроде бы имеет под собой основание, поскольку Россия действительно обладает крупнейшим нефтегазовым потенциалом и в долгосрочной перспективе ее роль в обеспечении Старого Света энергоресурсами будет только возрастать. Формула «европейцы никуда от нас не денутся» весьма распространена среди российского политического класса.

Автор этих строк не призывает перейти к немедленным практическим шагам, но берется утверждать следующее. С точки зрения объективных интересов нашей стране не только выгодно, но и жизненно необходимо заключить с европейскими странами комплексное, юридически обязывающее международное соглашение по энергетическим проблемам, прежде всего в сфере транзита и инвестиций. При этом России неизбежно придется отказаться от ряда сегодняшних тактических преимуществ на энергетическом рынке.

ХАРТИЯ СЕБЯ ИСЧЕРПАЛА

Договор к Энергетической хартии едва ли стоит использовать в качестве базы для такого соглашения. Будущее этого документа вызывает большие сомнения. Прежде всего непонятно отношение к нему в самом Европейском союзе. Россия подписала ДЭХ в 1994 году. Тогда он был призван урегулировать сложные вопросы поставок в условиях большой неопределенности на посткоммунисти-

Владимир Милов

ческом пространстве. После расширения ЕС география потенциального применения этого договора сузилась, поскольку на основную массу государств, ратифицировавших ДЭХ (страны бывшего соцлагеря), распространились внутренние правила Евросоюза. Полноценно глобальным договор так и не стал: его не ратифицировали ни страны Ближнего Востока, ни государства Северной Америки, а в Азии это сделали лишь центральноазиатские страны, Монголия и Япония.

Сам Брюссель неоднократно демонстрировал пренебрежительное отношение к ДЭХу: в «Зеленых книгах» об энергетической политике в 2000-м и 2007-м хартия упомянута лишь вскользь, да и то в контексте необходимости побудить государства, не входящие в Европейский союз (прежде всего Россию), ратифицировать документ. Выполнять зафиксированные в договоре положения ЕС не спешит — в частности, именно представители Евросоюза настояли на том, чтобы включить в проект Транзитного протокола к ДЭХу печально известную статью 20 (так называемое положение о региональной экономической интеграции). Эта статья фактически освобождала страны — члены Европейского союза от обязательного применения норм Транзитного протокола на своей территории. Таким образом, Транзитный протокол оказался документом, регулирующим, по сути, исключительно отношения за пределами государств-членов или потенциальных членов ЕС.

Очевидная дискриминационность такого подхода в свое время удержала от поддержки ратификации ДЭХа его сторонников в России (включая и автора этих строк). Во многом по этой причине сорвалось подписание Транзитного протокола в декабре 2003 года.

Эта неудача серьезно девальвировала договор как таковой. Дело в том, что практическую ценность в ДЭХе представляют не нормы, посвященные торговле энергоресурсами и фактически дублирующие правила ВТО, а не предусмотренные соглашениями этой организации положения о транзите и защите инвестиций. Однако на практике последние почти не применялись. Транзитный протокол так и не был принят, а нормы о защите инвестиций обрели юридическую силу лишь в государствах, ратифицировавших хартию, то есть там, где нет значимых энергетических активов либо инвестиционный климат и так достаточно благоприятен и не предполагает дискриминационных ограничений для инвесторов (Европа, Япония). В результате за 13 лет своего существования ДЭХ так и не стал полноценным меж-

ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум

дународно-правовым документом: случаи его применения при заключении контрактов или разрешении споров немногочисленны.

Груз проблем, накопившихся вокруг Договора к Энергетической хартии, безусловно, не позволяет с оптимизмом смотреть в будущее, связанное с этим документом, и на обоснованность его ратификации Россией.

ТРАНЗИТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Однако это не означает, что Москва должна забыть о насущной необходимости создания международно-правового пространства в энергетических отношениях. Напротив, следовало бы не только озаботиться появлением наиболее подходящего для нас обязывающего юридического соглашения с Европой по вопросам энергетики, но и инициировать его заключение.

Для этого существует несколько причин.

Во-первых, Россия зависит от транзита энергоресурсов на основные рынки сбыта по территории третьих стран, и эта зависимость сохранится в будущем, поэтому ей необходим эффективный международно-правовой инструмент защиты от транзитных рисков.

Во-вторых, российские компании активно выходят на европейский рынок уже не в качестве поставщиков сырья, а как инвесторы, покупатели активов, и им важно заручиться адекватной защитой своих прав ввиду нарастающего стремления ограничить их инвестиционную деятельность в Европе.

В-третьих, даже безотносительно к протекционистским настроениям мы заинтересованы в появлении наднациональных правовых норм в области международных энергетических отношений. Это снизило бы нашу зависимость от внутренних правил, принимаемых Евросоюзом по различным энергетическим проблемам в одностороннем порядке и в условиях правового вакуума, способных стать определяющими для европейского рынка, что не всегда отвечает интересам России.

К сожалению, сегодня российские политики делают ставку не на прозрачный международно-правовой режим регулирования отношений в сфере энергетики, а на закрытые двусторонние договоренности с отдельными странами и компаниями и даже отдельными политическими деятелями. Это — зыбкая основа: позиции меняются, политики приходят и уходят. Подобный подход делает нас уязвимыми перед лицом перечисленных выше вызовов и фактически консерви-

Владимир Милов

рует нынешнюю роль России на европейском энергетическом рынке. Речь идет о роли оптового поставщика, который практически не имеет доступа на розничный рынок, зависит от политической конъюнктуры и изменения условий транзита. Безусловно, это не тот фундамент, на котором могло бы зиждиться устойчивое российское присутствие на европейском энергетическом рынке.

Противники ДЭХа часто проводят параллели между Россией и Норвегией, которая тоже является крупным производителем и поставщиком нефти и газа. Тот факт, что Норвегия, демократическая европейская страна, не ратифицировала Договор к Энергетической хартии, лишней раз, мол, подтверждает, что он в принципе невыгоден производителям энергоресурсов.

Однако Россию отличает от Норвегии принципиальный момент: эта северная страна не зависит от транзита. Она добывает весь объем своей нефти и газа на морском шельфе и экспортирует по подводным трубопроводам или в виде сжиженного природного газа (СПГ). Она не пользуется услугами транзитных государств и даже не завозит эти энергоносители на материковую территорию (основу внутреннего рынка энергоресурсов в Норвегии составляет электроэнергия, выработанная на гидроэлектростанциях). Поскольку Норвегия не зависит от транзитных рисков, ДЭХ ей, собственно, ни к чему.

В случае с Россией все обстоит иначе. Мы всегда зависели и будем зависеть от транзита нефти и газа на основные рынки сбыта через территории третьих стран. Модные сегодня идеи строительства «обходных» трубопроводов представляют собой не более чем иллюзию избавления от зависимости: на деле же одни транзитные страны просто сменяют другие.

Например, газопровод *Nord Stream* («Северный поток») по дну Балтийского моря, рассматриваемый многими как нечто вроде двустороннего российско-германского проекта, в действительности предназначен главным образом для поставки газа на рынки третьих стран. В случае его выхода на полную проектную мощность Германия станет потребителем лишь менее половины сырья, поступающего по газопроводу. Остальной газ пойдет в Бельгию, Великобританию, Люксембург, Нидерланды, Францию для замещения топлива, добыча которого падает в Северном море — основном на сегодняшний день источнике снабжения этого региона. Даже из законтрактованных к настоящему моменту поставок по первой очереди тру-

Энергодиалог Россия — ЕС: заполнить вакуум

бопровода до 40 % предназначены не Германии, а другим клиентам (Великобритания, Дания, Франция). Таким образом, Россия лишь сменит зависимость от одних транзитных стран — прежде всего Белоруссии и Польши — на зависимость от Германии.

Ради «Северного потока» Москва отказалась от строительства сопоставимой по объемам прокачиваемого газа второй нитки газопровода Ямал — Европа. Строительство последней в районах с развитой инфраструктурой и в одном коридоре с уже функционирующей первой ниткой стоило бы значительно дешевле — около 2,5 млрд долларов. А «Северный поток» лишь по официальной версии обойдется более чем в 10 млрд дол. (реальная стоимость пока неясна, но в принципе может достичь и 15 млрд дол.). При этом разногласия по величине транзитного тарифа через вторую очередь газопровода Ямал — Европа по территории Польши, которые отчасти способствовали отказу от этого варианта в пользу «Северного потока», составляли всего 18 центов за перекачку 1 000 кубометров газа на 100 км (транспортировка газа по *Nord Stream*, надо сказать, также не будет даровой). Таким образом, «транзитный маневр» оказывается дорогостоящим, но не избавляет Россию от рисков. Гораздо дешевле было бы заставить Польшу, в том числе и с помощью международно-правовых документов и арбитража, пойти на более приемлемые условия транзита.

Сейчас Россия собралась возводить еще один «обходной» морской газопровод — *South Stream* («Южный поток») по дну Черного моря. Причем его строительство намечается теперь уже и в обход Турции, которую ранее в «Газпроме» рассматривали как потенциальную альтернативу Украине. В свое время через турецкую территорию предполагалось поставлять газ в страны Юго-Восточной и Южной Европы, в том числе с учетом возможности строительства второй очереди газопровода «Голубой поток», о которой президент Путин говорил еще в 2006-м. Однако, судя по всему, в отношениях с Анкарой возникли проблемы. Вначале Турция, воспользовавшись статусом монопотребителя газа, транспортируемого по «Голубому потоку», заставила Россию пересмотреть условия импорта в невыгодную сторону, а потом стали очевидны трудности в обеспечении будущего транзита через Турцию в страны Европы.

Проект «Южный поток» предполагает транзит газа в страны Юго-Восточной и Южной Европы через территорию Болгарии. Строительство трубопровода, по заявлениям «Газпрома» и итальянской

Владимир Милов

ENI, обойдется более чем в 10 млрд евро. Вторая очередь «Голубого потока» по территории Турции стоила бы, несомненно, дешевле.

При этом, построив «Южный поток», Россия окажется в зависимости от другой страны-транзитера — Болгарии. Нет гарантий, что в будущем та не потребует пересмотра условий прокачки газа. Та же проблема возникает и в связи с прокладкой нефтепровода Бургас — Александруполис по территории Болгарии и Греции в обход пролива Босфор. Гарантии соблюдения в будущем болгарской и греческой сторонами оговоренных ранее условий транзита нефти и налогообложения компании — оператора нефтепровода (которая, как предполагается, будет в основном под российским контролем) эфемерны. Это, кстати, вообще ставит под вопрос эффективность концепции установления контроля над транзитной инфраструктурой для защиты от рисков: правительства транзитных стран всегда будут иметь регуляторный суверенитет независимо от того, в чьей собственности находится труба.

Таким образом, проблема обеспечения надежного транзита по предсказуемым ставкам была, есть и останется одной из ключевых в деле доставки российских энергоресурсов на европейский рынок. Транзитные страны могут меняться, но так или иначе между российскими поставщиками и основными рынками сбыта — по меньшей мере, природного газа, трубопроводный экспорт которого в Европу Россия собирается наращивать, — всегда будет стоять кто-то третий.

Существующая система отношений заставляет нас опираться исключительно на двусторонние соглашения, неустойчивые и не защищенные от возможности одностороннего пересмотра. Эти риски остаются весьма значительными и в отношении наших сегодняшних транзитных партнеров — Белоруссии, Польши, Турции, Украины. Никаких реальных инструментов (кроме политического давления) защиты интересов в этой сфере у России не остается. Отсутствие соответствующих международных соглашений лишает нас возможности использовать правовые механизмы и международный арбитраж. Это обуславливает принципиальную уязвимость нашего имиджа как надежного поставщика энергоресурсов, что стало очевидным в последние годы после громких скандалов с Украиной и Белоруссией.

ЗАЧЕМ НУЖНО НОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ?

Единственным инструментом, способным сформировать устойчивое поле для стабильных взаимоотношений в сфере транзита, может

ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум

стать комплексное международно-правовое соглашение, регулирующее спорные вопросы в юридическом ключе. Иначе проблемы с транзитными странами неизбежно будут преследовать нас и впредь.

Безусловно, если мы хотим, чтобы наши энергоресурсы транспортировались по территории третьих стран на справедливых условиях, нам следует обеспечить доступ к российским газопроводам, например, центральноазиатских производителей для транзита газа в Европу. Пока эта тема в России — политическое табу. В течение последних 15 лет Москва однозначно делала ставку на удержание контроля над экспортом центральноазиатских ресурсов и извлечение связанной с этим монопольной ренты.

Однако в долгосрочном плане рентоориентированная монополистическая психология ведет в тупик. Центральноазиатские страны в состоянии диверсифицировать направления своего энергетического экспорта таким образом, чтобы резко уменьшить зависимость от их транзита через российскую территорию, и уже активно занимаются этим.

Казахстан успешно завершил строительство нефтепровода в Китай и намерен расширять его (кстати, теперь уже отказывая в доступе к нему российским компаниям), согласился поставлять нефть в обход России по трубе Баку — Тбилиси — Джейхан.

Туркменистан имеет шансы в скором времени добиться прорыва в строительстве одного из альтернативных газопроводных маршрутов (скорее всего, в тот же Китай). Устранение российской монополии на экспорт центральноазиатских энергоресурсов — вопрос недалекого будущего. Так стоит ли продолжать подчинять свою политику единственной, но бесперспективной цели — защите этой монополии? Не лучше ли решить транзитные проблемы на принципе взаимности?

Согласиться с участием иностранных компаний в разработке российских нефтегазовых ресурсов нам в той или иной форме придется, если мы хотим получить масштабную возможность приобретения энергетических активов в Европе. Предоставление иностранцам наших недр выгодно прежде всего нам самим (это тема для отдельной статьи). Однако важнее то, что в Европейском союзе уже активно обсуждаются предложения Еврокомиссии о введении ограничений для инвестиций ряда государственных компаний. Эти меры по принципу «взаимности» коснутся государств, которые чинят препятствия на пути к своим рынкам компаниям из стран — членов ЕС. Пробле-

Владимир Милов

мы, с которыми столкнулся российский бизнес при попытках приобрести энергетические активы в Европе (нефтеперерабатывающие заводы *Mazeikiu Nafta* в Литве и *Europoort* в Нидерландах, газовая компания в Великобритании), тому свидетельство.

Если мы хотим добиться равноправного доступа российских компаний к инвестициям в энергетические активы на территории стран Евросоюза, необходимо всеобъемлющее соглашение с Европой о принципах защиты и поощрения инвестиций. Кстати, соответствующий раздел Договора к Энергетической хартии вполне подходит для защиты российских интересов в Европе. Конечно, при заключении соглашения нам придется приоткрыть вход на собственный энергетический рынок. Но в долгосрочной перспективе демонополизация и открытие энергетического сектора неизбежны, и они будут исключительно полезными (но это, как уже говорилось, отдельная тема). А без подобной взаимной открытости шансы на то, что наши инвестиционные амбиции в Европе будут удовлетворяться, окажутся, увы, весьма невысокими.

Россия не вступает в Европейский союз, но это не значит, что правила европейского энергетического рынка должны вырабатываться без нашего участия. Хотя критика либерализации этого рынка, часто звучащая из Москвы, далеко не всегда справедлива, разрабатываемые в ЕС новые меры по регулированию энергетических рынков порой действительно не соответствуют интересам нашего бизнеса. Например, очевидно, что правила свободного доступа к трубопроводной инфраструктуре идут вразрез с необходимостью создания условий для реализации долгосрочных контрактов на поставки газа. Или, скажем, Еврокомиссия не первый год пытается повлиять на изменение системы ценообразования по тем же долгосрочным газовым контрактам, «отвязав» цены от мировых цен на нефть. Оправданность подобных намерений не вызывает сомнений, но нет уверенности в том, что вместо более справедливой системы нам не придется иметь дело с каким-то неудобоваримым изобретением брюссельских чиновников.

Чтобы защититься от такого рода рисков, требуется создание собственной оборонительной линии в виде базовых правовых принципов, регулирующих международные отношения в сфере энергетики. Они должны быть зафиксированы в соответствующем международно-правовом соглашении между Брюсселем и Москвой, к которому могли бы присоединиться и другие страны. В

ЭнергодIALOG Россия — ЕС: заполнить вакуум

конечном итоге все извлекли бы из этого выгоду — это касается и наших европейских партнеров, озабоченных обеспечением надежных поставок энергоресурсов.

Таким образом, если долгосрочные российские интересы в сфере энергетики состоят в том, чтобы бесконечно защищать собственную ресурсную и транзитную монополию и долгосрочные контракты на экспорт газа, а также прокладывать дорогостоящие «обходные» трубопроводы, то вступать в какие-либо обязательные международно-правовые соглашения России не стоит. Однако такая стратегия в скором времени приведет к утрате ряда наших позиций (в частности, монополии на экспорт энергоресурсов из Центральной Азии), не позволит завоевать новые (масштабное присутствие на розничных энергетических рынках Европы) и закроет возможность участия в формировании правил работы европейского энергетического рынка. Объемы поставок наших энергоресурсов в Европу станут возрастать, а реальное влияние России на этом рынке будет, как ни странно, уменьшаться.

Заключение с Евросоюзом всеобъемлющего и юридически обязательного соглашения, регулирующего отношения в сфере энергетики, может принести нам много выгод. Да, придется поступиться монополистическими, силовыми и рентными привычками. Но в результате выигрыш окажется несопоставимо больше краткосрочных тактических потерь.

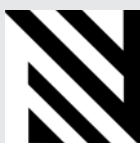
Формат такого соглашения подлежит открытому обсуждению на основе четкого определения долгосрочных интересов России в области международных энергетических отношений. К сожалению, в последние годы на примере того же Договора к Энергетической Хартии можно было наблюдать, до какой степени дискуссия об участии либо неучастии в международно-правовых энергетических соглашениях не подкреплялась стремлением дать четкое определение национальных интересов России.

Несмотря на постоянные рассуждения, в том числе высокопоставленных чиновников, о «невыгодности» для России ратификации ДЭХа, трудно припомнить попытки оценить в комплексе действительные плюсы и минусы этого договора. Зачастую рассуждения о тех или иных документах либо их отдельных положениях не сопровождаются профессиональным анализом, а представляют собой тиражирование политизированных клише или некритичное воспроизведение позиций отдельных корпораций (в первую очередь

Владимир Милов

«Газпрома»). Так, именно эксперты «Газпрома» получили решающий голос при формировании позиции российских властей на переговорах по ДЭХу и связанным с ним документам.

От подобного подхода необходимо отказаться. Тем более что Европа останется на обозримую перспективу нашим главным энергетическим партнером, несмотря на заявления об «уходе» российских энергоресурсов на азиатские рынки (см. статью автора «Поймать журавля в темной комнате» в журнале «Россия в глобальной политике», № 6 за 2006 год). Наш национальный интерес заключается не в том, чтобы выкачать из Европы и других стран побольше денег, а в том, чтобы установить на европейском (и – в более широком плане – евроазиатском) энергетическом рынке долгосрочные стабильные и справедливые правила игры.

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

Имей мужество мыслить!

Вам помогут

Наши книги в сериях

• **Библиотека Московской школы политических исследований**

• **Культура. Политика. Философия**

• **Своевременная мысль**

Наш журнал

Общая тетрадь

Вестник Московской школы политических исследований

Наши координаты:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22

тел./факс: (495)202-85-01, 299-99-04

Получить информацию о книгах вы можете на сайте www.msps.ru

Завтра уже наступило

В защиту пошатнувшегося альянса ЕС – Россия

Хиски Хауккала

Когда двое живут в одном доме и постоянно спорят, нарушают свои обещания, осыпают друг друга оскорблениями и упреками, это называется «неудачный брак» и «обреченный союз». Ту же ситуацию в отношениях между Европейским союзом и Россией принято называть «стратегическим партнерством».

Однако шутки в сторону: есть над чем задуматься всерьез. Раздоры, как новые, так и хронические, наносят огромный вред отношениям, отвлекая стороны от главной цели – стратегического, взаимовыгодного партнерства в подлинном смысле этого слова.

Бытует мнение, будто очевидное обострение ситуации вызвано тактическими расхождениями, а те, в свою очередь, возникли из-за отсутствия у обеих сторон стратегического видения и стремления поддерживать соответствующий уровень партнерских отношений. Хотелось бы надеяться, что искомое видение возникнет в будущем. Ибо если Брюссель и Москва не откажутся от нынешней никому не выгодной, неуправляемой модели отношений, то рискуют серьезно подорвать собственный престиж и влияние в мире.

Вряд ли будет сильным преувеличением сказать, что сегодня, как и во времена Первой и Второй мировых войн, Европа, под которой я подразумеваю ЕС, Россию и те страны, которые расположены между ними, рискует спровоцировать собственный крах.

Безусловно, сложились очень непростые отношения – причины этого хорошо известны и не раз обсуждались на страницах журнала «Россия в глобальной политике». Бесмысленно обвинять какую-либо из сторон – гораздо важнее найти способ пре-

Хиски Хауккала – научный сотрудник Финского института международных отношений.

Хиски Хауккала

одолеет раскол. Ставки высоки, и наладить отношения просто необходимо.

ЕВРОСОЮЗ И РОССИЯ: ЗАЧЕМ ОНИ ДРУГ ДРУГУ?

Уже почти десять лет я принимаю участие в конференциях, посвященных отношениям между Европейским союзом и Россией. Могу с уверенностью сказать, что в преддверии третьего тысячелетия там еще царили взаимный интерес и уважение. Стороны стремились перенять опыт друг друга и вместе создавать что-то новое. Нельзя сказать, что все шло безукоризненно: участники семинаров горячо спорили, отстаивая свое мнение. Но при этом, несомненно, присутствовало желание работать и открыто обсуждать любые вопросы. Обе стороны надеялись и верили в то, что ситуация изменится к лучшему, а партнерство станет еще крепче.

Что мы видим в 2007 году? Настроения в корне изменились. Похоже, что Россия смотрит на ЕС с растущим пренебрежением. Его внутренние проблемы, возникшие, например, в связи с нератификацией Конституционного договора и попытками выйти из институционального тупика, становятся поводом для насмешек. Под сомнение ставится целостность и жизнеспособность Евросоюза на мировой арене. (Спешу заметить, что Москва немало постаралась, чтобы эту целостность подорвать.) Даже успешное расширение ставится под сомнение. Чего стоят, например, реплики типа «Теперь Польша — это ваша проблема»? Москва держится самоуверенно и откровенно злорадствует по поводу упущений Европейского союза.

Другая сторона настроена отнюдь не лучше. ЕС все больше разочаровывается в России. Продвижение «стратегического партнерства» остановилось, грядущие выборы вызывают опасения относительно будущего России. Надежды на создание общих пространств не оправдались, усиливаются трения между Кремлем и некоторыми странами — членами Евросоюза, например Польшей и Эстонией. В целом отношения заходят в тупик, а перспектива стратегического партнерства лишь отдалается.

Все это довольно странно, учитывая, что Россию и Европейский союз давно связывают тесные и прочные узы. Общеизвестно, что половина российского товарооборота приходится на ЕС, а последний получает от России четверть своих энергоресурсов. Взаимозависимость очевидна и в целом ряде других вопросов, в особенности

Завтра уже наступило

это касается сотрудничества в экологически нестабильном районе Баренцева моря. У нас есть общие соседи (используя терминологию пространств, «приграничные регионы») и общие угрозы, такие, как терроризм и распространение оружия массового уничтожения.

Очевидно, однако, что для настоящего сближения этого недостаточно. На самом же деле конфликтующие партнеры нуждаются друг в друге гораздо сильнее, чем думают. Европейцы (в широком понимании) — далеко не лидеры XXI века. Кто-то может добавить, что и XX столетие было для нас не самым удачным. Во всей Европе лишь Финляндии, странам Балтии и ряду других равных им по значению государств удалось укрепить свои позиции в период с 1899 по 1999 год, и это при том, что в XIX веке они даже не обрели суверенитет.

Государства «высшей лиги» — Великобритания, Франция, Германия и Россия — не могут похвастаться серьезными достижениями. Большинство из них понесли огромные потери в смысле престижа и международного влияния. Правда, в этом был и положительный момент: странам Восточной Европы уже не придется столкнуться со старомодными, агрессивными, политическими методами. Отныне судьба Старого Света не зависит от великих держав и сфер их влияния. Благодаря окончанию холодной войны Центральная и Восточная Европа вовлечены в процесс, который сегодня следует довести до логического завершения, подключив к нему остальные государства региона, в том числе и Россию.

Судить о том, насколько это важно, можно уже по тому, сколь непростым было прошлое столетие, а ведь нынешнее сулит еще большие трудности. Мы присутствуем при рождении новых миро-

Журнал Szpilki (Варшава). 1961 г.

Хиски Хауккала

вых гигантов, центр тяжести перемещается в Азию, оставляя Европу не у дел. Впечатляющая иллюстрация этого — недавнее исследование глобального баланса сил: в ближайшие пятьдесят лет очевидным станет безнадежное отставание Евросоюза от Китая и Америки. Россия как самостоятельный игрок в этом исследовании даже не упоминается, и лишь Большая Европа, которая включала бы в себя Европейский союз, Россию и, возможно, Турцию, могла бы иметь шансы к середине XXI столетия (*Birol Yesilada, Brian Eford and Peter Noordijk. Competition among Giants: A Look at How Future Enlargement of the European Union Could Affect Global Power Transition. International Studies Review. 2006. 8 (4). P. 607–622.*

Подобные прогнозы могут стать полной неожиданностью, особенно для Москвы, которая упивается своей новой ролью богатой «энергетической сверхдержавы». Но все очевиднее и тот факт, что Европа далека от вершины своего благополучия. Буквально по всем параметрам, будь то демография, экономика или вооружения, в Европе (включая Россию) наблюдается спад. Если стороны не откажутся от высокомерного, пассивно-агрессивного поведения, то не сумеют сохранить свои позиции в быстро меняющейся глобальной ситуации.

И еще кое о чем не следует забывать. Нередко возникает впечатление, что для некоторых из стран — членов ЕС единая политика Евросоюза является не более чем товаром, который продается и покупается в зависимости от конъюнктуры. Но за это Европейский союз расплачивается собственным престижем и доверием мирового сообщества. В данной связи показателен комментарий, появившийся недавно в газете *European Voice*: для Азии Европа уже не столько политическая сила, сколько рынок сбыта и производитель товаров класса «люкс».

Урок полезен и России: ее роль в глазах мирового сообщества фактически сводится к поставкам углеводов. Это позволяет пополнять казну, но едва ли поможет Москве добиться желаемого статуса самостоятельного игрока — особенно в долгосрочной перспективе. Россия столкнулась с колоссальными внешними и внутренними проблемами, и если она не откажется от нынешнего курса, то может попросту не справиться с ними. Основная ее проблема — комплекс неотложных системных задач, способных поставить в тупик самую дальновидную и умелую команду модернизаторов (к слову сказать, таковой не заметно). Это диверсификация экономики, целиком зависящей от определенного набора ресурсов, разрешение острейшего демографического кризиса, модернизация ключевой

Завтра уже наступило

инфраструктуры и Вооруженных сил при одновременном искоренении коррупции и некомпетентности, которые, к сожалению, стали характерной особенностью современной России.

Естественно, возникает вопрос: если будущее принадлежит динамично развивающейся Азии, что же помешает России примкнуть к ней, оставив позади охваченную стагнацией Европу? Ответ напрашивается сам собой: Россия — европейская страна. В экономическом, демографическом, историко-культурном и политическом плане ее центр тяжести расположен к западу от Урала. Но даже если Москва сделает ставку на Азию, она вряд ли окажется в выигрыше. В экономике Россия не конкурент для Китая или Индии, а в политике ей едва ли предложат больше, чем роль младшего партнера. В Европе же ей уготована роль одного из ведущих игроков — конечно, если будут приняты все условия игры. В свете сказанного ясно, что лишь в составе Большой Европы Россия сможет сохранить влияние в мире на ближайшие десятилетия.

Самое главное (и отчасти парадоксальное) то, что стороны не отрицают необходимости такого шага. ЕС открыто признаёт ключевую роль России в Европе и свою заинтересованность в стратегическом партнерстве с Москвой. В свою очередь Россия стремится быть частью Большой Европы и формировать более широкие европейские и даже глобальные процессы. Но это единодушие никак не проявляется в поведении сторон.

УВИДЕТЬ ЛЕС ЗА ДЕРЕВЬЯМИ

Очевидно, что столь тесное сближение подразумевает широкое политическое и экономическое сотрудничество и даже интеграцию. Но не утопия ли это сегодня, когда споры о польском мясе препятствуют началу переговоров, призванных выработать новый документ взамен нынешнего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), срок действия которого уже истекает.

Вопрос действительно непростой. И все же я убежден, что мелочным и бессмысленным пререканиям придается такое значение именно из-за отсутствия широкой стратегической перспективы и понимания поистине насущных задач. Отношения свелись к подобию фехтовального поединка: укол, маскировка, ответ с финтом — и так до бесконечности.

Это не способствует сближению, которое становится насущным в свете перечисленных задач, не ведет к отношениям, достойным

Хиски Хауккала

называться стратегическим партнерством. Двигаясь нынешним курсом, стороны потратят время впустую, упустят возможности и спровоцируют нелепые распри *à la* польское мясо, сей же час перерастающие в политический конфликт и подрывающие статус, влияние и благосостояние как Евросоюза, так и России.

Курс на более тесное экономико-политическое сотрудничество и даже интеграцию, напротив, поможет совместить последние достижения и ноу-хау Европейского союза с гигантским потенциалом России, который из-за обилия проблем ей трудно будет реализовать в одиночку. Это, в свою очередь, позволит создать новую, сильную и влиятельную Европу, которая будет использовать свою мощь не для передела мира, а для того, чтобы внести согласие и рационализм в бурную политическую среду XXI века. Возможно, тогда Америка прислушается к голосу единой Европы и, наконец, поможет ей создать сферу свободы и процветания от Ванкувера до Владивостока.

Несомненно, данный процесс потребует тесного политического сотрудничества и экономического сближения. Он может быть основан лишь на общей системе принципов. Современный мир живет по строгим правилам: любой вид деятельности в рамках сообщества регламентирован целой системой норм, стандартов и ценностей. Справедливости ради замечу, что с начала 1990-х годов Россия находится в невыгодном положении: она вынуждена следовать правилам, установленным другими. Но именно поэтому ей необходимо как можно скорее примкнуть к основным международным организациям. Точно так же очевидна потребность в экономической интеграции, причем вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) имеет ключевое значение. Став участником ВТО, она сможет наравне с другими странами-членами устанавливать правила глобальной экономической игры. Исчезнет озабоченность по поводу того, что сближение нормативных систем — односторонний процесс и Москва вынуждена следовать законам, которые не может изменить.

По достижении этой цели перед ЕС и Россией откроется возможность свободного обсуждения форм более глубокой экономической интеграции. Они должны будут выработать перспективную программу, включающую элементы тесного политического сотрудничества, а возможно, даже и интеграции. Очевидно, что она реальна лишь при наличии единства идеалов. Определение их в качестве «европейских ценностей» в последнее время приобрело в России негативный оттенок, поэтому назову их «либеральными ценностями».

Завтра уже наступило

Иными словами, речь идет о наборе общих принципов, в соответствии с которыми шло развитие всех передовых государств. Единство идеалов, по сути, создаст условия для принятия взамен СПС нового документа — смелого, всеобъемлющего, нацеленного на будущее. Описанная модель идет вразрез с мрачным цинизмом партнеров и растущим пессимизмом политологов. Но, как было сказано выше, Евросоюз и Россия не могут позволить себе продолжать в том же духе. Они стоят перед выбором: либо успешное сотрудничество, либо неминуемый спад в будущем.

Инициатива сближения должна исходить от Москвы.

Во-первых, Россию отличает большая степень цельности и последовательности, что она неоднократно доказывала, перекраивая под себя брюссельскую линию единой политики. Подобный потенциал давно пора использовать в более конструктивных целях.

Во-вторых, Москва больше нуждается в принятии стратегического решения. Поэтому именно России предстоит взять на себя инициативу и предложить свой план экономической, а со временем, возможно, и политической интеграции. Конечно, поначалу ей придется отчасти пожертвовать самостоятельностью, однако в долгосрочной перспективе эти лишения будут компенсированы благодаря достижению процветания и престижа, а вместе с ними — и более влиятельной и независимой позиции в политическом мире.

Со своей стороны Европейский союз должен быть открыт для новой инициативы и соответственно готов к радикальному повышению роли России в создании Большой Европы. Со временем предстоит сформировать эффективные новые институты, в том числе позволяющие Москве в установленном порядке участвовать в разработке ключевых направлений политики ЕС, так или иначе связанных с Россией. Но пока стороны не осознали, насколько высоки ставки, нет смысла прогнозировать конкретные шаги. Для начала требуется осмыслить судьбоносный характер задач, найти в себе силы сделать подлинно стратегический выбор в пользу тесного сближения и последующей интеграции. Остальное — детали. Дьявол, как известно, скрывается именно в них, однако это уже тема для отдельной статьи.

Наконец, стороны должны привлечь к проекту общих соседей, чтобы придать процессу сотрудничества и интеграции широкий, а в перспективе панъевропейский характер. Интеграция будет неполной, пока существует «серая зона» стран, зажатых между Евросою-

Хиски Хауккала

зом и Россией, не включенных в общий процесс. Есть и психологический аспект: не следует вызывать подозрения в том, что, мол, Москва и Брюссель затевают сомнительные двусторонние сделки. Речь идет о процессе, открытом для всех заинтересованных сторон, готовых играть по общим правилам, очерченным выше.

В свете очередного охлаждения отношений между Европейским союзом и Россией мои предложения покажутся наивными. Возможно, это так, но факт остается фактом: ЕС и Россия нуждаются друг в друге, и, чтобы не отстать в тяжелейшей экономической гонке XXI столетия, они должны научиться работать сообща. Что действительно наивно, так это полагать, что стороны могут продолжать свою нынешнюю линию.

Считается, что в преддверии президентских выборов в России вряд ли возможна радикальная смена политического курса. Но нельзя поддаваться такому настроению. Одна из особенностей нынешнего кризиса — иллюзия, будто в запасе еще много времени. Это в значительной степени касается России, которая так и не определилась, сколь же велико ее желание стать частью Европы и насколько это важно для ее внутренней политики. В данном смысле высокие цены на энергоносители сослужили Москве плохую службу, вынудив ее отложить принятие жизненно важных решений.

Ставки высоки, принимать решение придется скоро, а приняв, исполнять незамедлительно. Иначе Евросоюз и Россия разделят судьбу Тевье-молочника, не поспевавшего за быстро менявшейся жизнью. Но если старый Тевье утешался воспоминаниями, то Европе такой вариант не устроит: она стремится к лидерству, достичь которого можно только совместно. Завтра уже наступило. Глобализация не щадит отстающих, а история строго спросит с тех, кто бездействовал в критический момент.

О «Европе от Атлантики до Урала»

Юрий Дубинин

Существуют выражения, которые, повторяясь из раза в раз, превращаются в международные штампы. При этом мало кто задумывается над их содержанием. Одно из них – выражение о «Европе от Атлантики до Урала», которое часто встречается в статьях и выступлениях на темы перспектив Старого Света.

Когда-то эту формулировку ввел в оборот президент Франции Шарль де Голль, однако в дальнейшем он сам же отказался от употребления данного словосочетания в силу его политической некорректности. Автору этих строк довелось стать невольным участником событий, связанных с тем, как лозунг «Европа от Атлантики до Урала» сначала появился в лексиконе французского лидера, а потом исчез из него. Эта давняя история поучительна сегодня, когда Россия и Европейский союз ищут пути эффективного взаимодействия в современном мире.

* * *

Сентябрь 1962 года. Рабочий день близился к концу, когда меня попросили срочно зайти к первому заместителю министра иностранных дел Советского Союза Василию Васильевичу Кузнецову. Я знал, что сам министр – Андрей Андреевич Громыко – был вне Москвы, Кузнецов его замещал и вызов к нему означал, что речь шла о чем-то важном.

Я был помощником заведующего Первым Европейским отделом, где занимался главным образом французскими делами. Направляясь к кабинету Кузнецова, подумал, что именно о них и пойдет речь.

Ю.В. Дубинин – заслуженный работник дипломатической службы РФ, профессор МГИМО (У) МИД России.

Юрий Дубинин

Так и оказалось.

— Звонил Хрущёв, — услышал я, едва переступив порог кабинета. — Он возмущен высказываниями де Голля насчет создания какой-то «Европы от Атлантики до Урала». Дал указание срочно выяснить у французов, что имеет в виду их президент, выступая с такими идеями, и не помышляет ли он расчленивать Советский Союз. В общем, задание экстренное. Садитесь, будем готовить текст запроса.

Следует отметить, что лозунг создания «Европы от Атлантики до Урала» был пущен Шарлем де Голлем в ход задолго до описываемых событий. Более того, президент Франции настолько часто повторял его, что он превратился едва ли не в крылатое выражение, своего рода кредо французской политики в Европе и даже шире, поскольку де Голль делал акцент на нем и во время пребывания в США. Эти слова, разумеется, многократно мелькали перед глазами и советских дипломатов, и наших государственных деятелей. Мелькали, не побуждая к серьезному размышлению над тем, что они могли означать и как они могли быть истолкованы.

Может быть, и в сентябре 1962-го на них не обратили бы больше внимания, чем раньше, если б на сей раз де Голль не произнес их в ходе своего государственного визита в Федеративную Республику Германия (4–9 сентября). Тем самым он как бы вписал организацию Европы от Атлантики до Урала в контекст начавшегося сближения Франции с Западной Германией. К тому же высказывания на этот счет французский лидер сопровождал колкостями идеологического характера. До нормализации взаимоотношений нашего государства и ФРГ было еще далеко: Западная Германия находилась под огнем резкой критики советской стороны за проявление там реваншистских настроений. На форсированное развитие отношений между Парижем и Бонном в Москве смотрели с нарастающим беспокойством. Да и наши отношения с Францией оставляли желать много лучшего.

Так что высказывание де Голля, попав на глаза Никите Сергеевичу Хрущёву, вызвало у него всплеск гнева, и гнева обоснованного. Ведь даже абстрагируясь от места их произнесения, слова французского президента задевали святая-святых — территориальную целостность нашей страны. Независимо от того, что могло иметься в виду, такой вольный подход к суверенному государству сам по себе требовал соответствующей реакции.

О «Европе от Атлантики до Урала»

Правда, попутно возникал вопрос: такой ли крайний смысл вкладывал Шарль де Голль в свою формулу? Тем более что у Советского Союза был накоплен большой опыт сотрудничества и личного общения с этим государственным деятелем, в том числе и во время визита Хрущёва во Францию в 1960 году. Видимо, поэтому даже такой подверженный сильным эмоциям человек, как Хрущёв, дал МИДу задание подготовить не ноту протеста, а запрос, чтобы постараться внести в дело ясность, прежде чем пускать в ход «тяжелую артиллерию». Впрочем, и запрос должен был быть, что называется, с перцем.

Найти баланс между жесткой отповедью и такой постановкой вопроса, которая оставляла бы де Голлю возможность выйти из положения, не теряя лица, оказалось делом непростым. Мы работали допоздна, но с «перцем» у нас как-то не клеилось. На следующий день Василий Васильевич привлек к участию еще кого-то из ведущих германистов и работа продолжилась втроем. Составленная таким образом памятная записка (она адресовалась МИДу Франции) была вначале направлена в Политбюро Центрального комитета партии, где в то время принимались все важнейшие решения, и была утверждена.

19 сентября Советское правительство дало оценку визита Шарля де Голля в ФРГ в целом. Оценка жесткую. Заявление ТАСС на этот счет было опубликовано в газете «Правда» под заголовком «“Ось Бонн – Париж” – орудие реваншизма».

20 сентября Василий Кузнецов по поручению Советского правительства вручил послу Франции в Москве Морису Дежану памятную записку, специально посвященную высказываниям де Голля об организации Европы от Атлантического океана до Урала.

Первая часть документа была резко критической: «Советское правительство обратило внимание на заявления Президента Французской Республики де Голля во время его визита в ФРГ, в которых указывалось, что одной из целей франко-западногерманского военно-политического объединения является установление каких-то новых порядков в Европе “от Атлантики до Урала” с прекращением, как говорилось, “отжившей идеологии на Востоке”. Нельзя не обратить внимание также и на то, что эти высказывания были сделаны в Западной Германии в обстановке реваншистских и милитаристских манифестаций».

Далее указывалось: «Подобные рассуждения не могут не вызывать аналогии, не напоминать о печальном прошлом, когда в гитле-

Юрий Дубинин

ровской Германии тоже говорилось о планах организации Европы от Атлантического океана до Урала, об установлении пресловутого “нового порядка” в Европе. Известно, во что вылились попытки германского милитаризма осуществить эти бредовые планы».

Во второй части памятной записки был сформулирован вопрос к Парижу: «Ну а если допустить, что в выступлениях Президента Франции речь идет об организации сотрудничества всех европейских государств в интересах “мира и прогресса от Атлантического океана до Урала”, тогда возникает вопрос, почему же в этих выступлениях говорится о Советском Союзе не как о государстве в целом, а лишь о части территории Советского Союза, а именно: о территории до Урала, хотя территория Советского Союза простирается далеко за пределы Урала. Таким образом, остается неясным, что же в действительности скрывается за такого рода рассуждениями».

Документ заканчивался словами: «Поскольку указанные заявления Президента Французской Республики касаются непосредственно Советского Союза и его территории, Министерство иностранных дел СССР, действуя по поручению Советского правительства, хотело бы получить разъяснения Министерства иностранных дел Франции, какой смысл вкладывается в эти заявления. Оно было бы признательно Министерству иностранных дел Франции за соответствующие разъяснения».

Время шло. Париж молчал.

В связи с этим Политбюро решило напомнить французскому правительству через посла СССР во Франции Сергея Александровича Виноградова, что мы ожидаем ответа на нашу памятную записку.

24 октября Виноградов посетил министра иностранных дел Франции Мориса Кув де Мюрвиля и, сославшись на поручение Советского правительства, выполнил в беседе с ним данное ему указание. Но и это не побудило французов нарушить молчание и дать ответ.

29 января 1963 года Виноградов посетил Шарля де Голля и передал ему соображения Советского правительства в связи с подписанием 22 января политического договора между Францией и ФРГ, получившего название «Елисейский договор». О создании Европы от Атлантики до Урала не упоминалось ни в соображениях правительства СССР, ни в беседе, состоявшейся между Виноградовым и де Голлем. В то же время применительно к данному очерку представляет интерес фраза, произнесенная французским президентом в завершение основной части беседы: «Придет время, когда мы будем

О «Европе от Атлантики до Урала»

строить Европу вместе с Советским Союзом». Мысль емкая, с большим геополитическим и временным охватом — свидетельство масштабного подхода де Голля и к отношениям с нашей страной, и к европейским делам.

Прошло еще несколько месяцев. В середине 1963-го я был назначен на работу в Париж в качестве первого секретаря посольства. У меня быстро наладились хорошие контакты с Министерством иностранных дел Франции, и французы всё чаще стали передавать через меня важную информацию и оперативные сообщения, которые посол Виноградов отправлял в Москву.

И вот 30 декабря 1963 года начальник Службы пактов — руководитель одного из ключевых департаментов французского МИДа — де ля Гранвиль (до того как занять этот пост, он работал советником-посланником посольства Франции в Москве) поднимает в беседе со мной вопрос относительно смысла выражения «Европа от Атлантики до Урала». Делает он это не по моей просьбе, а по своей инициативе, то есть по указанию свыше. Сказанное де ля Гранвилем я цитирую по составленной мною тогда записи беседы с ним:

«По моему мнению, говорит он, политическая абсурдность такого выражения очевидна. По получении в свое время вашего запроса, продолжал собеседник, в МИДе Франции долго обсуждали, как быть с ответом. В конце концов по инициативе МИДа был подготовлен проект документа, который затем отправили в Елисейский дворец». (Елисейский дворец — это резиденция президентов Франции. Слова де ля Гранвиля означали, что проект был послан на рассмотрение де Голля.) «Проект, заявил далее де ля Гранвиль, утвержден не был. Затем министр Кув де Мюрвиль сказал нам, что никакого ответа вообще даваться не будет. Вместе с тем, заключил де ля Гранвиль, сотрудники Кэ д'Орсэ (то бишь МИДа. — Ю.Д.) в настоящее время стараются избегать выражения “Европа от Атлантики до Урала”».

Запись этой беседы хранится в архиве нашего министерства. Я признателен доктору исторических наук Марине Арзаканян за то, что, натолкнувшись во время работы на эти документы, она сообщила об этом мне, дав тем самым импульс к написанию данного материала.

Я много лет был знаком с Морисом Кув де Мюрвилем. Он всегда был верным исполнителем воли президента де Голля и, конечно, только с его ведома мог дать указание персоналу министерства

Юрий Дубинин

прекратить использование выражения, связанного непосредственно с именем главы государства.

Итак, хоть и не так быстро, как нам хотелось, но ответ на поставленный вопрос французы дали. И ответ предельно откровенный, снимавший всякие толкования, способные нанести ущерб отношениям между обеими странами. Следует отдать должное и избранной ими форме ответа. Думаю, самым искусным дипломатическим перьям было бы непросто изложить формальным языком памятной записки то, что выразительно сказал мне де ля Гранвиль.

Главным же итогом нашего демарша было то, что де Голль больше никогда не говорил о создании Европы от Атлантики до Урала. Вместе с тем он многократно, в том числе во время своего продолжительного официального визита в СССР в 1966-м, подчеркивал необходимость тесного сотрудничества всех европейских государств, включая, разумеется, Советский Союз (де Голль к тому времени научился правильно называть нашу тогдашнюю страну) как одну из фундаментальных основ международного мира и безопасности.

Не так давно я обсудил вопрос о высказываниях Шарля де Голля насчет «Европы от Атлантики до Урала» с ведущим французским политологом академиком Тьерри де Монбриалем. Он рассказал, что, ничего не зная о нашем демарше, сам специально занимался изучением сути этой формулы и пришел к выводу, что она явилась просто-напросто результатом недостаточно продуманного применения де Голлем в политике знаний по географии, полученных еще в школе.

Как бы то ни было, предпринятый нами демарш способствовал чистоте отношений с Францией. Ответ на обращение, переданный де ля Гранвилем, вписывался в полосу улучшения отношений между Советским Союзом и Францией, которая, начавшись в середине 1963 года, привела Москву и Париж к сегодняшнему политическому партнерству.

Что же касается сотрудничества всех европейских государств, то его углубление становится в наше время императивным требованием, а Россия и Франция имеют все основания играть авангардную роль в развитии этого процесса, сообща строить Европу будущего.

Война миров?

Херлуф Бидstrup. 1979 г.

“Игра закончена: Ближний Восток больше не управляется внешними державами. Эта историческая переменa сопоставима по масштабу с такими событиями, как падение Рима, открытие Америки и т. п. Новая эпоха наступила не только для мусульманских государств, но и для всего Запада”

Последнее наступление ислама? *Бернард Льюис*

162

Фехтование цивилизаций *Виталий Наумкин*

173

Последнее наступление ислама?

Бернард Льюис

Современная история Ближнего Востока началась в конце XVIII столетия, когда небольшое экспедиционное войско Франции под началом молодого полководца по имени Наполеон Бонапарт завоевало Египет. Тогда многие были шокированы тем, что одну из ключевых стран мусульманского мира можно спокойно оккупировать и править ею, не встречая, по сути, никакого сопротивления.

Второе потрясение последовало несколько лет спустя, когда французы были изгнаны из Египта не его коренными жителями или их турецкими покровителями, а небольшой эскадрой Королевских военно-морских сил под командованием адмирала Горацио Нельсона. С тех самых пор центральные страны исламского мира стали прямо либо косвенно подчиняться внешним державам, а иноземные войска и правительства являлись доминирующей силой в исламском мире.

Мусульманским правительствам не оставалось ничего иного, кроме как выбирать между соперничающими западными государствами. Единственная доступная им политическая игра заключалась в том, чтобы попытаться с выгодой для себя использовать противоречия между внешними державами, попытаться столкнуть их лбами.

Бернард Льюис — почетный профессор кафедры исследований Ближнего Востока Принстонского университета, автор многих книг об истории ислама и мусульманском факторе в мировой политике. Первая из них была опубликована в 1940 году, последняя по времени — в 2003-м. Эта статья представляет собой сокращенную версию лекции, прочитанной автором на церемонии вручения ему премии Ирвинга Кристола. Премия учреждена Американским институтом предпринимательства (*American Enterprise Institute*), с любезного разрешения которого публикуется данный материал.

Последнее наступление ислама?

Ближневосточные лидеры и правительства с переменным успехом вели эту игру в течение XIX и XX веков, во время двух мировых войн и холодной войны и даже в начале XXI столетия.

Теперь игра закончена: Ближний Восток больше не управляется внешними державами. Эта историческая перемена сопоставима по масштабу с такими событиями, как падение Рима, открытие Америки и т. п. Новая эпоха наступила не только для мусульманских государств, которым трудно приспособиться к ситуации, требующей от них ответственности за свои действия и их последствия, но и для всего Запада.

НЕУТИХАЮЩАЯ БОРЬБА

Окончание эпохи внешнего господства привело к возрождению некоторых старых традиций Ближнего Востока и выходу на поверхность глубоких подземных течений, остававшихся незаметными или, по крайней мере, неясными при западном владычестве. Это прежде всего внутренняя борьба — этническая, религиозная и региональная. Конечно, междоусобица не затихала и в период империализма, но она не оказывала значительного влияния на развитие. Теперь же она явно разрастается, как это видно на примере противостояния суннитов и шиитов, которые до того не враждовали в течение нескольких столетий.

В мусульманском мире набирает силу новый радикализм. Его самые яркие проявления — суннитский ваххабизм и иранская революция у шиитов.

Ваххабиты опираются на престиж, влияние и мощь саудовской королевской династии, контролирующей исламские святыни и огромные нефтяные богатства. А вот иранская революция — это революция в полном смысле слова, наподобие Великой французской или Октябрьской революции в России. Она оказала колоссальное влияние на соседние страны, точнее, на весь мусульманский мир.

Налицо и признаки возвращения современных мусульман к идее борьбы за мировое господство между христианством и исламом. Каждая из этих конфессий рассматривает себя как единственного наследника слова Божия и считает своим долгом нести его остальному человечеству, сметая с пути все возможные препятствия. Такое видение своего призвания обусловило длительное противостояние, которое тянется вот уже более четырнадцати столетий, а теперь вступает в новую фазу. Если для подавляющего

Бернард Льюис

большинства христиан уже не характерно стремление к торжеству христианства, то в мусульманском мире, как бы вернувшись в начало XV века, желание добиться триумфа ислама по-прежнему является значимым фактором, что выразилось в появлении новых воинственных течений.

Обе стороны довольно долго отказывались признавать сам факт религиозной борьбы. До относительно недавнего времени, например, христиане называли мусульман маврами, сарацинами, татарами и турками. Даже о новообращенном как-то раз было сказано, что он стал турком. В свою очередь мусульмане именовали христиан римлянами, франками, славянами и т. п.

Лишь постепенно и неохотно мусульмане и христиане стали использовать применительно друг к другу религиозные понятия, да и то по большей части унижительные и неточные. На Западе вошло в обиход слово «магометане» — термин, основанный на абсолютно неверном предположении, будто мусульмане поклоняются Мухаммеду точно так же, как христиане — Христу. Мусульмане же называли христиан «назарянами».

Война была объявлена с момента зарождения ислама. Существуют письма, якобы адресованные пророком Мухаммедом христианскому императору Византии, персидскому царю и разным другим правителям, в которых говорилось: «Я принес вам последнюю весть Бога. Ваше время прошло. Ваши верования устарели. Примите мою миссию и мою веру, покоритесь либо откажитесь от своего престола — вам конец». Подлинность этих писем вызывает сомнение, но их содержание понятно и достоверно в том смысле, что отражает точку зрения, которая давно преобладает в исламском мире.

На внутренней стороне купола мечети Омара, возведенной в конце VII столетия в Иерусалиме на святом для иудеев и христиан месте, имеется знаменательная надпись: «Он Бог, Он один, у Него нет спутников, Он не рождает Себе подобных и Сам никем не рожден» (см. Коран IX, 31-3; СХІІ, 1-3). Это совершенно явный и прямой вызов некоторым главным принципам христианской веры.

Атака мусульман на христианский мир и последовавшие столкновения были следствием скорее сходства, нежели различий двух религий. Первое наступление ислама ширилось по мере того, как новая вера распространялась за пределы Аравийского полуострова на Ближний Восток и дальше. Именно тогда мусульмане отвоевали у христиан Сирию, Палестину, Египет, Северную Африку и поко-

Последнее наступление ислама?

рили значительную часть стран на юго-западе Европы, включая Испанию, Португалию и Южную Италию. Они даже пересекли Пиренейский полуостров и вторглись во Францию, оккупировав на какое-то время некоторые ее провинции.

После длительной и ожесточенной борьбы христианам удалось вернуть лишь часть утраченных территорий. В каком-то смысле нынешние границы Европы существуют благодаря успехам тогдашних христианских воителей. Но Северная Африка и Ближний Восток были потеряны для христианского мира. Возвратить Святую землю не смогли несколько военных кампаний, известных как Крестовые походы.

Вторая атака была проведена уже не арабами и маврами, а турками и татарами. В середине XIII века поработившие Россию монголо-татары приняли ислам. Турки, уже завоевавшие Анатолию, продолжили наступление на Европу и в 1453 году захватили древнюю цитадель христианства — Константинополь. Они завоевали большую часть Балканского полуострова и какое-то время правили половиной Венгрии. Турки дважды доходили до Вены. Свирепые корсары из Северной Африки совершали набеги на Западную Европу. Они добрались до Исландии — крайних пределов Европы — и нескольких городов Западной Европы, включая ирландский Балтимор. В одном из документов того времени перечисляются 107 пленников (в том числе мужчина по имени Чейни), увезенных в 1631-м из Балтимора в Алжир.

Христианам удалось отвоевать Россию и Балканский полуостров и даже вторгнуться на территорию исламского мира, чтобы преследовать бывших оккупантов в тех землях, откуда они пришли. На этом этапе контрнаступление европейцев было охарактеризовано новым термином — «империализм». Интервенция народов Азии и Африки в Европе не была империализмом, но когда последняя атаковала Азию и Африку, это сочли империалистическими устремлениями.

Тогда-то и начался новый, заканчивающийся на наших глазах этап: европейцы установили контроль над ключевыми ближневосточными странами.

ТРЕТЬЯ АТАКА

Усама бен Ладен сделал ряд очень интересных заявлений по поводу войны в Афганистане, которая завершилась поражением Советской армии и способствовала развалу СССР.

Бернард Льюис

Согласно западной точке зрения, крушение Советского Союза означало победу Запада, и в частности Америки, в холодной войне. По мнению же бен Ладена, советская империя исчезла под напором мусульманского джихада. С учетом последующих событий в Афганистане приходится признать, что эта интерпретация не так уж далека от истины.

Если взглянуть на историю глазами Усамы бен Ладена, то ислам достиг крайней степени унижения в длительной борьбе, разразившейся после Первой мировой войны, когда распалась Османская империя, последняя из великих мусульманских держав, и большая часть ее территории была поделена между победившими союзниками. Тогда же был подавлен и упразднен халифат и изгнан последний халиф. Пройдя эти худшие времена в своей истории, мусульманский мир начал новое восхождение.

Согласно представлениям «террориста номер один», многовековая борьба между истинно верующими и неверными прошла несколько стадий. Поначалу неверными руководили различные европейские империи: Византийская, Священная Римская, Британская, Французская и Российская. На заключительной стадии этот мир разделился между двумя соперничавшими сверхдержавами – Соединенными Штатами и Советским Союзом. Мусульмане достойно ответили на вызов со стороны наиболее опасной и беспощадной из этих двух безбожных сил, уничтожив СССР. А разобраться с изнеженными, избалованными и мягкотелыми американцами, считает Усама бен Ладен, было делом техники.

Этот взгляд на Соединенные Штаты нашел подтверждение в 1990-е годы. Тогда американские базы и сооружения за рубежом подверглись ряду нападений, на которые, однако, не последовало никакого адекватного ответа за исключением гневных тирад и дорогостоящих ракет, выпущенных по удаленным и безлюдным территориям. Уроки Вьетнама и Бейрута были подкреплены событиями в Могадишо. «Ударьте по ним, и они побегут». Вот примерно та цепочка, которая привела к трагедии 11 сентября 2001 года. Атаки на Нью-Йорк и Вашингтон явно замышлялись как завершение первого этапа и начало второго, когда война должна была быть перенесена в самое логово врага.

С точки зрения фанатично и решительно настроенных мусульманских меньшинств, уже началась третья волна атак на Европу. Она имеет множество форм, но прежде всего это миграция и террор.

Последнее наступление ислама?

ОРУЖИЕ НАСТУПЛЕНИЯ – МИГРАЦИЯ

Раньше мусульмане рассматривали добровольный переезд в немусульманскую страну как нечто невероятное. В шариатских учебниках и руководствах этой теме посвящены целые разделы. Позволиительно ли мусульманину жить или даже посещать немусульманскую страну? И если да, что он должен там делать?

Во-первых, военнопленные. У них, конечно же, нет выбора, но они обязаны сохранить веру и как можно скорее вернуться на родину.

Во-вторых, неверные, живущие в стране неверных, но принимающие свет истины и истинную веру (то есть новообращенные мусульмане). Им следует быстрее переехать в мусульманскую страну.

В третьем случае рассматривается посещение «неверных» государств. Долгое время единственной законной целью такого визита считался выкуп пленных, позже уже допускалось выполнение там дипломатической и торговой миссий. С началом контрнаступления европейцев эта неутрачивающая дискуссия пополнилась новыми вопросами. Как должен вести себя мусульманин, если его страна завоевана неверными? Может ли он остаться или должен уехать?

Когда в конце XV столетия христиане отбили у мусульман Испанию, те задались вопросом: позволительно ли там оставаться? В целом ответ был категорически отрицательным. А можно ли им остаться, если христианское правительство будет проявлять терпимость? Нельзя, потому что в таких условиях искушение отступить от веры окажется еще сильнее. Они должны покинуть страну и надеяться на то, что в свое время Всевышний поможет им отвоевать родные места и возродить там истинную веру.

Некоторые из законоведов, поначалу составлявшие меньшинство, а впоследствии более значительную группу, говорили, что остаться можно, но только при соблюдении определенных условий, главное из которых – иметь возможность свободно исповедовать свое вероучение. Но что понимать под свободным следованием религии, если речь идет не только о другой вере, но также и о совершенно ином подходе к самому понятию «религия»?

В начале XVII века мусульмане Испании, Португалии и Сицилии, составлявшие там большинство населения, были поставлены перед выбором: крещение, изгнание или смерть. В бывших османских владениях на юго-востоке Европы лидеры христианского контрнаступления проявили несколько большую терпимость. Му-

Бернард Льюис

сульманские меньшинства остались в некоторых Балканских странах, и волнения там продолжаются и по сей день — достаточно упомянуть такие регионы, как Косово и Босния.

В Османской же империи и других мусульманских землях немусульманские общины имели собственное, независимое самоуправление. У них была своя система налогообложения, и они жили по своим законам. В Османской империи существовало несколько христианских общин, и у каждой из них было свое политическое руководство, признанное государством. Эти общины имели свои школы и жили по своим законам в таких областях, как брак, развод, наследование и пр. Те же права имели и евреи.

В случае смерти трех соседей, живших на одной улице, раздел их имущества производился по трем разным законам, если один из них был еврей, другой — христианин, а третий — мусульманин. Раввинский суд мог наказать еврея и посадить его в тюрьму за нарушение субботы или поста. Христианина могли арестовать и посадить за решетку за то, что он взял себе вторую жену.

Переселяясь в сегодняшнюю Европу, мусульмане ожидают в ответ такой же терпимости. Они получают одновременно и больше, и меньше ожидаемого. Европейские страны дают им не только работу, социальное обеспечение и образование, но и свободу самовыражения. Все это является весьма мощным стимулом к иммиграции, учитывая усиливающееся обнищание в большинстве мусульманских стран.

В Европе и до некоторой степени в Америке у переселившихся на Запад террористов возможности готовить диверсии значительно шире, чем в большинстве исламских государств. Налицо парадокс: исламский радикализм или терроризм куда больше угрожает Европе и Америке, чем Ближнему Востоку и Северной Африке, где местные власти гораздо эффективнее сдерживают экстремистов, чем мы в своих странах.

Но в то же время переселенцы из мусульманских стран получают значительно меньше того, что давалось иноверцам в традиционных исламских государствах. Учитывая характер современного государства, было бы нереалистично ожидать подобных привилегий, но у мусульман свое мнение на этот счет: «Мы позволяли вам практиковать моногамию; почему вы отказываете нам в праве на полигамию?»

Ислам охватывает широкий спектр житейских вопросов, таких, как брак, развод и наследование. В западнохристианском мире они

Последнее наступление ислама?

считаются прерогативой светского общества. Утвердившемуся в христианском мире принципу, согласно которому церковь отделена от государства, духовное — от материального, а миряне — от клириков, не было места в прошлом ислама, и даже в наше время его трудно объяснить мусульманам.

Эта ситуация и, особенно, полигамия порождают важную дискуссию практического характера. Вправе ли иммигрант, получивший вид на жительство во Франции либо Германии, привезти с собой семью? И что именно представляет собой его семья?

Мусульмане всё чаще требуют и получают разрешение привозить с собой нескольких жен. То же самое все в большей степени относится и к выплате социальных пособий, и к другим благам западного общества. Но применение шариата, тесно связанного с положением женщины, несовместимо с принципами западной жизни. В этом вопросе проявляется одно из основных различий между христианским и исламским обществами.

Надо отметить, что американский и европейский подходы к ассимиляции и миграционной политике значительно отличаются друг от друга. Чтобы стать американцем, надо изменить политическую лояльность, превращение же во француза или немца — это вопрос смены этнической идентичности (что, конечно, гораздо труднее). При этом в Германии, где живут мусульмане преимущественно турецкого происхождения, последние часто склонны сравнивать себя с евреями в том смысле, что они теперь тоже оказались жертвами немецкого расизма и преследований. «За тысячу лет немцы не смогли примириться с существованием у себя 400 тысяч евреев. Можно ли надеяться на то, что они примут два миллиона приезжих из Турции?» — вопрошают турецкие мигранты. Мастерски играя на свойственном немцам чувстве вины, они не дают возможности принять действенные меры по защите целостности немецкой нации, которая, на мой взгляд, находится под угрозой, равно как и целостность других европейских наций.

КОНСТРУКТИВНО ЛИ

«КОНСТРУКТИВНОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ»?

В Европе, как и в США, принято терпимое отношение к разным культурам (т.е. политкорректность). В мире мусульман подобных комплексов не существует. Там прекрасно отдают себе отчет в том, кто они и чего желают добиться, — качество, которое мы, похоже, в

Бернард Льюис

значительной степени утратили. Для одних это источник силы, для других — источник слабости.

Иногда используется термин «конструктивное вовлечение» (*constructive engagement*). Давайте говорить с мусульманами, давайте сядем за один стол и посмотрим, что можно сделать. Конструктивное вовлечение имеет давние традиции. Овладев в 1187 году Иерусалимом и другими территориями в Святой земле, султан Саладин не выдворил европейских купцов-христиан из портовых городов. Объясняя мотивы этого шага, он писал багдадскому халифу: купцы приносят пользу, поскольку «среди них нет ни одного, кто бы не привозил и не продавал нам вооружение в ущерб себе и к выгоде для нас». Эта политика сохранялась в период Крестовых походов и после них, а также во время наступления турок-османов на Европу, где последние всегда находили европейских купцов, готовых продавать им оружие, и банкиров, которые были не прочь финансировать эти закупки.

Сегодня мы столкнулись с удивительным и пугающим современным вариантом этого сотрудничества и стали свидетелями необычного зрелища, когда папа римский извинился перед мусульманами за Крестовые походы. Я не сторонник того, чтобы оправдывать поведение крестоносцев, которое во многих отношениях было чудовищным и варварским. Но надо же иметь хотя бы какое-то чувство меры!

Нам предлагают поверить в то, что Крестовые походы были незаконным актом агрессии против мирного мусульманского мира. Так ли это? Первый папский призыв снарядить Крестовый поход прозвучал в 846 году, когда арабский экспедиционный корпус отправился под парусами из Сицилии к Тибру и разграбил собор Святого Петра в Риме. Французское духовенство обратилось к христианским монархам с призывом вместе противостоять «врагам Христа», и папа Лев IV посулил награду на небесах тем, кто погибнет, сражаясь с мусульманами. Воины Христа появились на Ближнем Востоке только два с лишним века спустя (в 1096 году) после многочисленных сражений. Крестовые походы представляли собой запоздалую, ограниченную и безуспешную имитацию джихада — попытку посредством одной священной войны вернуть утраченное в результате другой священной войны. Она потерпела неудачу.

Исламским радикалам всегда удавалось найти союзников в Европе. Описывая их, я вынужден использовать общепринятые

Последнее наступление ислама?

термины «левые» и «правые», которые становятся все менее точными и которые трудно применить к нынешнему Западу и абсолютно невозможно — к различным направлениям в современном исламе.

Исламские радикалы находят отклик и понимание у левых антиамериканских сил Европы, с точки зрения которых они заменили собой Советы в качестве борцов за права униженных и оскорбленных. Они также встречают поддержку у правых антисемитски настроенных политиков, заменяя в их глазах гитлеровскую коалицию. По-видимому, взоры некоторых европейских деятелей настолько затуманены ненавистью, что они забывают о своих корнях и национальной принадлежности.

Приведу еще один пример псевдоуважительного отношения к разным культурам. Выступая 8 октября 2002 года с речью в Национальном собрании Франции, тогдашний премьер-министр Жан-Пьер Раффарен, убежденный католик, прокомментировал положение в Ираке. Он заметил, что султан Саладин, родившийся в Тикрите, был одним из кумиров Саддама. При этом господин Раффарен пояснил, что именно Саладин сумел «победить крестоносцев и освободить Иерусалим». Когда глава французского правительства описывает захват Иерусалима и изгнание из него преимущественно французских крестоносцев как акт освобождения, то это уже совсем крайний случай подмены терминов.

Более того, когда один из парламентариев выкрикнул со своего места: «*Libérer?!*» («Освободить?!»), Раффарен, несколько не смутившись, продолжил свое выступление. Это была единственная реплика с места; насколько мне известно, никаких комментариев после его выступления не последовало.

СВОБОДА ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Неужели третья атака исламского мира принесет плоды? Это не столь уж невероятный сценарий, поскольку мусульмане обладают рядом явных преимуществ. У них есть рвение и сила убеждения, которые в большинстве западных стран либо слабы, либо вовсе отсутствуют. Мусульмане уверены в своей правоте, тогда как мы тратим большую часть времени на самоуничижение и самокритику. Они преданы своему делу и дисциплинированы.

Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что на их стороне демография, сочетание естественного прироста и результатов ми-

Бернард Льюис

грации, что в обозримом будущем может привести к тому, что в некоторых европейских городах или даже странах мусульмане будут составлять большинство.

Но у нас есть свои преимущества, самые важные из которых — знание и свобода. Мусульмане, в далеком прошлом славившиеся своими научными достижениями, остро и болезненно сознают свою относительную отсталость и хватаются за любую возможность исправить положение.

Менее очевидна, но не менее сильна притягательность свободы. В прошлом мусульмане относили это понятие не к политической, а к юридической категории. У них существовал институт рабства, поэтому не быть рабом значило быть свободным. Теоретически, а в немалой степени и практически ислам до начала современной эпохи традиционно отвергал и осуждал деспотичных правителей либо тиранов. Однако, в отличие от нас, мусульмане не использовали слова «свобода» и «рабство» как метафору, определяющую соответственно хороших и плохих властителей. Для них свободное общество — это справедливое общество, а хорошее правительство — правительство справедливое, которое строго соблюдает святой закон, включая ограничение верховной власти.

Идея свободы в западном понимании прокладывает себе дорогу в мусульманском мире. Она становится все понятнее, все ценнее и все желаннее. Наверно, в долгосрочной перспективе это наша единственная надежда на выживание в разворачивающейся борьбе.

Фехтование цивилизаций

Заметки на полях лекции Бернарда Льюиса

Виталий Наумкин

В течение многих лет востоковеды всего мира с восхищением проносили имя историка-арабиста и исламоведа Бернарда Льюиса, и среди западных специалистов по истории арабо-мусульманской цивилизации долгое время не было человека более авторитетного. Его книги издавались миллионными тиражами, ими зачитывались, оценки Льюиса формировали представление о предмете у огромной массы читателей. Эрудиция, владение историческим материалом, полет мысли автора находили почитателей не только на Западе, но и в исламском мире. Увы, труды Льюиса последних лет всё в большей степени отмечены печатью идеологизации, политической ангажированности, агрессивной тенденциозности, а выводы всё дальше уходят от академической объективности.

В лекции «Последнее наступление ислама?», опубликованной в этом номере журнала, Льюис окидывает взглядом историю взаимоотношений христианско-иудейской западной цивилизации и арабо-мусульманского мира через призму введенной им в прошлом в оборот идеи «столкновения цивилизаций». Впоследствии она получила детальное развитие в нелепой концепции Самьюэла Хантингтона. В рамках данной статьи нет необходимости доказывать, что все культуры и цивилизации подверглись столь сильному

В.В. Наумкин — профессор, д. и. н., руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, президент Центра стратегических и политических исследований, заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Восток — *ORIENTS*», член Группы высокого уровня проекта ООН «Альянс цивилизаций», в 2003 г. — приглашенный профессор Калифорнийского университета в Беркли.

Виталий Наумкин

смешению и взаимовлиянию, что говорить об их непримиримой обособленности — очевидная фикция.

Эдвард Саид, известный американский (палестинского происхождения) профессор английской литературы (он скончался в 2003 году) обвинял Бернарда Льюиса в том, что тот, «используя ложные аналогии, искажает истину и косвенно — методы исследования, создавая при этом видимость всезнающего ученого авторитета».

Эта беспощадная оценка содержалась в послесловии к новому изданию (1995) книги Саида «Ориентализм», впервые выпущенной в свет в 1978-м. В ней автор резко критиковал Льюиса, увлеченного, как он считал, «своим проектом разоблачить, развенчать, дискредитировать арабов и ислам» и задачей показать, «что ислам — это антисемитская идеология, а не просто религия». Книга Саида, в свою очередь, подверглась критике в работе Льюиса «Ислам и Запад».

О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

Я не хотел бы, чтобы эти заметки рассматривались как «наш ответ» Льюису в духе антиориентализма à la Эдвард Саид или, тем более, модного нынче антиамериканизма. Это лишь размышления, на которые наводит выступление знаменитого профессора Принстонского университета.

Выдвигаемый в лекции тезис о том, что Крестовые походы Запада были квазиджихадистским ответом на джихадистскую экспансию арабо-мусульманского Востока, вызывает образ фехтовального поединка. В различные исторические периоды стороны меняются местами, нанося друг другу уколы и всегда держа шпагу наготове. В VII столетии молодое арабо-мусульманское государство, созданное пророком Мухаммедом, действительно осуществило серию успешных завоеваний, подчинив себе и часть Европы — Испанию. Впоследствии Испания, отвоевавшая в результате Реконкисты захваченные арабами территории, вновь стала христианской. Арабо-мусульманский мир начал ужиматься, а обычные для любой империи междоусобицы привели к делению на обособившиеся сегменты. Азиатская часть оказалась в XI веке под контролем тюрков-сельджуков, которые отобрали у багдадского халифа из династии Аббасидов светскую власть и сохранили за ним лишь роль верховного религиозного правителя мусульман.

Христиане и иудеи по-прежнему мирно сосуществовали с мусульманами в аббасидском Халифате. Более того, евреи, подвергавшиеся преследованиям в христианской Испании, находили убежи-

Фехтование цивилизаций

ше у мусульман-арабов. Рядом с Халифатом продолжала существовать Византия, и к моменту начала в том же XI столетии Крестовых походов (которые, кстати, тогда так не назывались) византиец чувствовал себя гораздо комфортнее в Дамаске, Багдаде или Каире, нежели в Париже либо Риме. Как пишет известный западный исследователь Стивен Рансимэн, «за исключением редких периодов кризиса и репрессалий, власти в Византийской империи и в Халифате соблюдали договоренность не принуждать друг друга к обращению в другую религию и позволять свободу вероисповедания... Западный христианин не разделял византийскую терпимость и чувство безопасности. Он гордился тем, что был христианином и, как он полагал, наследником Рима; в то же время он остро чувствовал, что во многих аспектах мусульманская цивилизация была выше, чем его».

Как бы то ни было, импульсом для Крестовых походов было не только объясняемое религиозно-геополитическими мотивами стремление западнохристианского мира вернуть себе господство над Иерусалимом. Имелись соображения экономического и политического свойства — пограбить богатый Восток, консолидировать власть в своих странах, прежде всего во Франции, сыгравшей главную роль в кампаниях. Однако всерьез спорить о том, было ли вторжение крестоносцев агрессией или ответом на арабо-исламскую угрозу, не только академически некорректно и бесперспективно, но и смешно. Слава богу, профессор признаёт, что поведение крестоносцев на Востоке было «чудовищным и варварским», но делает он это лишь затем, чтобы высказать мысль о «непропорциональности» извинения папы за Крестовые походы. Сказал бы прямо, что Алжиру, к примеру, надо извиниться за своих пиратов, досаждавших европейцам в период Средневековья.

Но надо признать, что в Крестовых походах было и благо. В течение двух веков господства епископов и рыцарей-крестоносцев над частью Арабского Востока его цивилизация оказывала огромное влияние на многие стороны материальной и духовной культуры европейцев. Благодаря контактам с мусульманами, европейские рыцари стали не только чаще мыться, но даже использовать при этом горячую воду, устраивая неизвестные им прежде горячие бани, относительно часто менять белье и верхнее платье, чего раньше не делали вовсе, носить бороду похожего на восточный, фасона, и тюрбан. Познакомившись в Сирии с ветряными мельницами, они заимствовали это техническое новшество, равно как и водяное колесо. Они

Виталий Наумкин

узнали о существовании почтовых голубей, научились выращивать немалое число новых сельскохозяйственных культур, впервые получили представление о сахарном тростнике.

Европейские рыцари полюбили мягкие и красивые восточные одеяния, сменившие их грубые одежды, ковры, которыми украсили свои жилища, переняли производство многих изящных тканей, которые до сих пор называются по-арабски. На Запад попали восточные геральдические знаки, арабские музыкальные инструменты и другие атрибуты ближневосточной культуры. Эти заимствования дополнили то мощное цивилизационное влияние, которое еще до Крестовых походов оказали на средневековую Европу исследования арабских философов, теологов, математиков, медиков, астрономов и др. Через эти труды до европейской науки дошли величайшие достижения как греков, давно и хорошо освоенные арабами, так и самих арабов. Духовное обогащение шло, впрочем, через Испанию и Византию, а крестоносцы не проявляли никакого интереса к данной сфере. Тем не менее средневековый опыт столкновения Европы с мусульманским Востоком подтверждает, что взаимовлияние цивилизаций происходит всегда и, как правило, продолжается во время столкновений и завоеваний. Так было в Средние века, так было во времена «классического» западного колониализма, то же самое происходит и сегодня.

О СВОБОДЕ И МОРАЛИ

Правда, средневековые европейцы не восприняли у арабов-мусульман достаточно высокой для того времени степени свободы, какой отличалась интеллектуальная жизнь Халифата. В публичных диспутах и на страницах своих книг арабские философы-перипатетики (последователи Аристотеля. — Ред.) и теологи-мутакаллимы (приверженцы мусульманского ортодоксального богословия. — Ред.) спорили, к примеру, о том, является ли наш мир извечным или сотворенным (в Европе инквизиция быстро сожгла бы спорщиков на костре). А известные арабские поэты позволяли себе такие высказывания о религии, из-за которых в нынешнем мусульманском мире им бы наверняка не поздоровилось. Почему в этом соперничестве за то, *кто более развит и более свободен*, стороны поменялись местами — предмет особого разговора. Однако совершенно очевидно, что некорректно, как это делает Льюис, приписывать Западу монополию на знание и свободу: ход истории переменчив. А рассуждения профессора о рабстве у мусульман и

Фехтование цивилизаций

вовсе непонятны (не будем вспоминать позорные страницы истории западной работоторговли).

Сегодня Запад является и источником технологических достижений, заимствуемых Востоком, и отторгаемых мусульманским миром норм, которые расцениваются как проявление моральной распущенности, разложения и деградации. Но именно так же смотрели на Ближний Восток и европейские борцы за Иерусалим эпохи Крестовых походов, и европейские путешественники XIX века. В жизни ближневосточного общества они находили вседозволенность, аморальность, сексуальную распущенность.

Так, по выражению Эдварда Саида, «каждому европейцу, путешествующему по Востоку либо постоянно там проживающему, приходилось защищаться от его тревожащего влияния... В большинстве случаев казалось, что Восток оскорбляет нормы сексуального приличия». Знаменитый английский исследователь Египта XIX столетия Эдвард Уильям Лэйн говорил об избыточной «свободе половых сношений» в этой стране.

Иначе говоря, и здесь стороны поменялись местами. А ведь различие в морально-этических установках играет немалую роль в существующих сегодня острых противоречиях между Западом и мусульманским миром.

Когда глубже познакомишься с подходом Льюиса к истории исламского Востока, уже не удивляешься, что в Европе ему столь не нравится «так называемое уважительное отношение к разным культурам». Особо острое неприятие вызвало у профессора высказывание премьер-министра Франции, в котором тот упомянул о блестящей победе египетского султана Салах ад-Дина, основателя династии Айюбидов, над крестоносцами и *освобождении* Иерусалима. Но к началу Крестовых походов арабы действительно жили в Иерусалиме уже несколько веков. Конечно, когда-то они пришли туда, как пришли на те или иные территории подавляющее большинство народов (например, европейские переселенцы в Америку). Иерусалимские святыни, бесспорно, принадлежат всем трем монотеистическим религиям, но политизировать историю в духе концепции «единой и неделимой столицы Израиля», по меньшей мере, неакадемично.

Безусловно, арабский мир стал отставать от Запада задолго до начала колониальных завоеваний. Но европейский колониализм Нового времени и продолжающаяся до сих пор экспансия Запада, откровенное стремление к доминированию, навязывание своих

Виталий Наумкин

ценностей и прямое вооруженное вмешательство — главные факторы фрустрации мусульманских народов Ближнего Востока и радикализации ислама. Религия становится важнейшим инструментом сохранения культурной идентичности мусульманского Востока.

О ВОЙНАХ ЗА УМЫ И ТЕРРИТОРИИ

Любое цивилизационное вмешательство — война, завоевания, установление колониального доминирования либо более изощренные современные формы — всегда имеет две стороны.

С одной стороны, оно способствует обмену культурными нормами и ценностями (за исключением тех случаев, когда вмешательство приводило к уничтожению народов и поглощению культур). С другой — бумерангом возвращается к новым поколениям, вызывая очередные витки противостояния народов.

Увы, в дискурсе Льюиса отчетливо слышится нотка превосходства и пренебрежительности: страны исламского мира долго подчинялись внешним силам (символическим началом этой эпохи была экспедиция Наполеона в Египет), теперь Ближний Восток больше ими не управляется, а «приспособиться к ситуации, требующей от них отвечать за свои действия и их последствия» мусульманским государствам трудно. Так и вспоминается старая колониальная максима: ну, не созрели они еще для независимости — и всё тут!

Станным выглядит толкование Льюисом миграций «мусульманских меньшинств» в Европу как одной из форм «третьей волны атак на Европу» наряду с террором. Действительно, миграция населения из мусульманского мира имеет широкие масштабы. В настоящее время в странах Европейского союза мусульмане составляют 5 % населения, их доля неуклонно растет и к 2020 году предположительно составит уже 10 %. И остановить этот процесс вряд ли возможно. Конечно, его не следует объяснять исключительно экономическими причинами. Мусульманская хиджра на Запад — это еще и формирование новой псевдоуммы с особой идентичностью. Французский исследователь Оливье Руа видит в этом проявление детерриториализации ислама. Новые мухаджире (добровольно или вынужденно переселившиеся) зачастую приходят к парадоксальному выводу, что они могут свободнее исповедовать ислам в немусульманской стране, чем на своей родине, где господствующие нравы и порядки не представляются им чисто исламскими.

Такого мнения придерживается и профессор Тарик Рамадан —

Фехтование цивилизаций

один из наиболее популярных и либерально настроенных молодых лидеров исламской Европы, внук основателя организации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банна. Конечно, борьба за умы европейских мусульман будет продолжаться. Недовольство последних социально-экономическим положением экстремисты охотно используют для пополнения рядов своих сторонников. Однако нельзя не замечать и процесса интеграции мусульман в европейские общества, который является частью протяженного во времени исторического процесса цивилизационной гибридизации и взаимообмена.

Неудивительно, что европейцы серьезно озабочены проблемой адаптации иммигрантов и основывают свою политику в отношении других культур на терпимости, политкорректности и «конструктивном вовлечении». Межкультурный разлом губителен для Европы так же, как для США – расовая сегрегация, на борьбу с которой американское общество потратило столько сил.

Острейшие дебаты не прекращаются и внутри самого мусульманского мира. Они велись на протяжении всей истории ислама и иногда, как и в других религиях, принимали форму кровопролитных столкновений. Внутриконфессиональные войны и на Западе, и на Востоке зачастую бывали более ожесточенными, чем межрелигиозные (достаточно вспомнить Варфоломеевскую ночь).

Полезно напомнить, что ислам – плюралистическая религия. В ней изначально нет «ортодоксии», и государственной религией становилось то направление, которое избирали правящие группы. В сочетании с отсутствием клира это и обостряло борьбу, и создавало механизм преодоления противоречий. Заметим, что история нашего времени знает примеры войн между мусульманскими государствами. Принадлежность к одной религии не смогла предотвратить кровопролитие. Так, многолетняя ирано-иракская война унесла более миллиона человеческих жизней. То же, что происходит в Ираке сегодня, связано не только и не столько со старой рознью шиитов и суннитов, сколько с грубым силовым вмешательством Запада, рассматриваемым в исламском мире как новый «Крестовый поход».

К несчастью для Соединенных Штатов, повод для этой опасной коннотации дал своими «фундаменталистскими» высказываниями сам американский президент Джордж Буш. Всякая реанимация мотива Крестовых войн, в том числе и в интерпретации Льюиса, выглядит в глазах мусульманских сообществ как попытка оправдать колониализм в широком понимании этого слова (боюсь, колониализм как

Виталий Наумкин

политика вечен), и международные террористы активно используют тему Крестовых походов для мобилизации своих сторонников. Главный идеолог «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири в 2005-м заявлял: «Сионистское образование (так он называет Израиль. — В.Н.) — плацдарм для крестового завоевания исламского мира. Сионистское образование — авангард американской кампании по установлению господства на мусульманском Леванте (общее название стран восточной части Средиземноморья. — Ред.). Это часть крупномасштабной кампании Запада против исламского мира под руководством США в союзе с мировым сионизмом». Говорил аз-Завахири и о французских крестоносцах, убеждая в сентябре 2006 года алжирскую Салафитскую группу призыва и сражения, которая позднее получила название «Аль-Каида в исламском Магрибе», стать «костью у них в горле».

Реза Аслан из Калифорнийского университета заявил на одной из конференций: неизвестно, как через сто лет будут вспоминать Усаму бен Ладена — как кровавого преступника или исламского реформатора вроде не уступавших ему в жестокости радикальных христианских реформаторов Томаса Мюнцера или Мартина Лютера. Аслан использует термин *реформация*, чтобы подчеркнуть: насилие и терроризм исламских экстремистов — не выражение «столкновения цивилизаций», а часть «внутренней войны в исламе». Подобные конфликты будто бы переживали все религии, сталкивавшиеся с вызовами Нового времени. И в вечных для всех религий спорах о том, кто определяет веру — индивид либо интуиция, — христианская Реформация прибегала к ничуть не менее кровавым и бесчеловечным аргументам, чем нынешние исламисты. Такой подход находит мало сторонников, но побуждает к размышлениям.

Позволю себе предположить, что именно дебаты внутри исламской уммы (конечно, не в такой форме, как ныне в Ираке) будут определять будущее место религии в государствах и обществах, которые принято называть мусульманскими. В таких дебатах, касающихся наиболее фундаментальных вопросов существования, проявляют себя сторонники крайних точек зрения, в том числе и ультраконсервативных. При этом речь может идти о, казалось бы, довольно невинных и даже отстраненных от глобального контекста вопросах.

Приведу один пример. В Пакистане и Индии давно продолжается спор между двумя школами в местном суннитском исламе — деобандийской (фундаменталистской и агрессивно ригористичной) и барелвийской (умеренной). Один из предметов спора последнего вре-

Фехтование цивилизаций

мени — фетва (заключение высшего религиозного авторитета о соответствии того или иного явления либо высказывания Корану и шариату. — Ред.) деобандийских улемов (ученых-богословов) от 2004 года, запрещающая верующим смотреть программы телевидения, поскольку оно является «средством фривольного развлечения». Анафеме предавался даже находящийся под контролем барельвийцев канал *Q TV*, вещающий на урду из Дубая, по которому идут благочестивые суфийские передачи.

Но и внутри самой деобандийской школы развернулись споры. Во-первых, об отношении к институту фетвы: одни считают его допустимым, другие — противоречащим исконным установкам ислама. Во-вторых, нет единства и в оценке телевидения и возможностей его использования в «исламских целях».

Понятно, что этот спор имеет прямое отношение к проблеме обновления и соответственно проблеме отношений исламского мира с Западом. Руководствуясь мрачным профетизмом Бернарда Льюиса, можно представить себе, как через несколько десятков лет злобные бородачи с Востока, оседлавшие старушку-Европу, начнут бить телевизоры (как это делали в Пакистане после упомянутой фетвы некоторые наиболее ярые последователи деобандийской школы). Однако сам уважаемый профессор справедливо указывает на луч надежды — модернизацию этих групп, которые, наверное, и сегодня считали бы более привлекательной модель западной цивилизации, не неси она беспорядочное разрушение экзистенциально важных основ их жизни и внешнее доминирование.

Допускаю, что кто-то усмехнется, сказав: «Ну, вот, они даже телевизоры бьют». Однако все зависит от точки отсчета. Для многих фиксации внимания американских христианских фундаменталистов на проблемах креационизма (учение, согласно которому все организмы были одновременно и независимо созданы Богом и не претерпели с тех пор изменений. — Ред.) или абортов также выглядит признаком косности и ретроградства, если не мракобесия. А некоторые американские фундаменталисты считают необходимым поддерживать претензии Израиля на Иерусалим лишь потому, что верят, будто мессия придет, когда в городе воцарятся иудеи, которые затем будут уничтожены.

ОБ ИДЕОЛОГИИ

Многие мусульмане воспринимают американскую концепцию Большого Ближнего Востока как неокOLONиалистский проект, призван-

Виталий Наумкин

ный установить угодный Западу порядок. При несомненных достоинствах этого проекта, поддержавшего усилия тех сил внутри региона, которые выступают за необходимую модернизацию и демократизацию, у него есть и издержки. Прав эксперт из Брукингского института Брюс Ридел, когда он говорит: «Понимание стратегии “Аль-Каиды” – первый ключ к победе над ней. Запад нуждается в “Большой Стратегии для Большого Ближнего Востока”, которая поможет выиграть войну идей против аль-каидовского видения “Халифата для Большого Ближнего Востока”. К счастью, большинство мусульман разделяют с нами эту цель. С новыми лидерами на Западе более изощренная стратегия имеет хорошие шансы победить в войне против “Аль-Каиды”». Невозможно выиграть войну за свободу против человеконенавистничества и мракобесия, спекулирующего на унижении мусульман, с помощью римейков Крестовых походов.

Однако как раз это, к сожалению, делает Льюис, изображающий историю отношений между Западом и исламским миром в виде фехтовального поединка, в котором победа одного из участников непременно означала бы торжество знания и свободы, а другого – невежества и рабства. Но именно идеологизация и знания, и свободы, похоже, явилась основной причиной, по которой Льюис удостоился неоконсервативной премии Ирвинга Кристола.

Суть неоконсервативного проекта на международной арене с самого начала состояла в перекройке мирового порядка по линии идеологического водораздела. Повсеместное распространение американской модели демократии любыми средствами, вплоть до военных, было одной из главных задач, провозглашенных «неоконнами». Не далее как в 2003-м Уильям Кристал в одном из своих очерков сделал поразительное сравнение: «...крупные нации, имеющие **идеологическую идентичность** (выделено мной. – В.Н.), как СССР вчера и США сегодня, неизбежно отстаивают идеологические интересы в дополнение к более материальным заботам. Сталкиваясь с неординарными событиями, Соединенные Штаты всегда будут чувствовать свою обязанность всеми средствами защищать демократическую нацию от нападения недемократических сил, внешних и внутренних». Израиль в данной схеме рассматривается как главный объект атаки со стороны этих враждебных сил и соответственно защиты со стороны США.

Прагматичный республиканец и одновременно непримиримый критик неоконсерваторов Патрик Бьюкенен по этому поводу язвитель-

Фехтование цивилизаций

но, но справедливо замечает: «Неужто Кристол всерьез верит в то, что мы дали Израилю более 100 миллиардов долларов и вставляли на его сторону в любой драке просто потому, что он является демократией?»

Конструирование образа исламского врага шло в русле именно идеологического размежевания. При этом, как уже отмечалось, ставился знак равенства между исламским и ближневосточным миром, где действительно находятся его важнейшие «нервные узлы». Для неоконсервативной революции в Америке проблема стран Ближнего Востока стала одним из главных идеационных и мобилизующих инструментов. Появилась тенденция относиться к региону Ближнего Востока и Центральной Азии как к ареалу этнического и религиозного «беспорядка» (позднее она получила развитие в концепции Большого Ближнего Востока).

26 января 1998 года несколько видных представителей неоконсервативного направления, входивших в группу под названием «Проект нового американского столетия» (она составила костяк администрации после победы республиканцев на выборах-2000), обратились к президенту Биллу Клинтону с письмом, в котором подвергли резкой критике американскую политику сдерживания Ирака. Они потребовали принять стратегию, целью которой являлось бы смещение режима Саддама Хусейна.

На самом деле идея проведения военной операции против Багдада возникла еще в середине 1990-х, когда «неоконы» выдвинули тезис о радикальном вмешательстве в ближневосточно-исламский регион. Для оправдания этой стратегии изобретались всё новые аргументы. Это и то, что исламские режимы не добились социального прогресса, который позволил бы населению их стран воспользоваться благами глобализации, и коррупция разжиревших от нефтедолларов авторитарных элит, и отсутствие демократии (эта критика, по замечанию Жиля Кепеля, весьма напоминала ту, с которой выступали левые). В 1996 году группа «неоконов», недовольная «процессом Осло» (договоренности, достигнутые в норвежской столице, предусматривали возвращение палестинцам оккупированных Израилем территорий взамен признания ими еврейского государства), направила от имени иерусалимского мозгового центра одному из лидеров «Ликуда» Биньямину Нетаньяху (он в то время баллотировался на пост премьер-министра Израиля) доклад «Чистый разрыв: новая стратегия обеспечения задачи». Среди прочих под документом стояли подписи Ричарда Пёрла и Дугласа

Виталий Наумкин

Фейта, будущих видных деятелей администрации Джорджа Буша. Авторы доклада предлагали формулу «мир за мир», а не «территории в обмен на мир», как предусматривалось переговорщиками в Осло. Также выдвигалась идея стратегического альянса с Турцией и Иорданией, предоставления права преследовать палестинцев на территориях, контролируемых Палестинской национальной администрацией, меньшей зависимости от США. Другие важные рекомендации: Израилю нужно ослаблять, сдерживать и даже «отбрасывать назад» Сирию; в Багдаде необходимо восстановить хашимитскую монархию; Израилю следует руководствоваться стратегией не возмездия, а упреждения, которую давно разрабатывали неоконсерваторы Алберт Волстеттер и Пол Вулфовиц.

В феврале 2004-го один из ведущих американских политических комментаторов Чарлз Краутхаммер триумфально провозгласил на ежегодном обеде в Американском институте предпринимательства, что американцы создали «самую большую империю в мировой истории». США, по его заявлению, не только однополярная держава, но и «хранитель международной системы». До сих пор подобное выражение использовалось только в титулатуре королей Саудовской Аравии, называющих себя «хранителями двух святынь» (Мекка и Медина). Эта параллель символична, поскольку нынешняя американская империя в качестве одной из своих идейных опор также использует фундаментализм, но только иного, чем у ваххабитов, толка.

После 11 сентября 2001 года у части «неоконов» Саудовская Аравия заняла первое место в перечне источников «исламской угрозы». Выступая 10 июля 2002-го в Бюро оборонной политики, Лорент Муравик (бывший помощник Линдона Ларуша) заявил, что Вашингтон должен предъявить саудовцам ультиматум: «Или вы преследуете и изолируете всех тех, кто замешан в террористических сетях, включая саудовские спецслужбы, и заканчиваете всякую пропаганду против Израиля, или мы осуществляем вторжение, захватываем нефтяные месторождения и оккупируем Мекку».

К совету Муравика администрация Белого дома, к счастью для США и для всех нас, не прислушалась. Поход на Мекку не состоялся. Зато новым звеном в бесконечной исторической цепи военных вторжений стала оккупация Ирака. Хотелось бы верить, что последним.

Продолжение темы

“ В странах «управляемых», или «имитационных», демократий реакция, неизбежная после революционных преобразований, не перерастает в ротацию власти, как при полноценной демократии. Наоборот, налицо закрепление власти, причем последняя приобретает все более «советские» черты ”

Удивительная Молдова Дмитрий Фурман

186

Есть ли выход из тупика в Карабахе? Владимир Казимиров

197

Удивительная Молдова

Дмитрий Фурман

Внимание ученых-естественников особенно привлекают растения либо животные, которые сочетают признаки, нигде больше не встречающиеся вместе. Случись, например, палеонтологам открыть полудинозавра-полуптицу, на биологическую эволюцию пришлось бы взглянуть по-новому...

В политологии же все по-другому. Внимание экспертов прежде всего привлекают страны, играющие большую роль на мировой арене, а не те, что обладают редкими или даже уникальными свойствами. В противном случае работ о Молдове было бы, наверно, больше, чем о любой другой посткоммунистической либо постсоветской стране. Ибо Республика Молдова как раз и есть «полудинозавр-полуптица».

ДВА В ОДНОМ

Все государства, возникшие в результате крушения Советского Союза, объединяет то, что они провозгласили своей целью построение демократии. Тем не менее их развитие пошло по двум различным направлениям.

Одни добились возникновения действительно демократических обществ, функционирование и развитие которых подчинено общей для всех систем этого типа логике. Скажем, Эстония, Чехия и Италия — представители одного и того же «вида», хотя их политические системы и национальные особенности существенно разнятся.

Другие страны, которые не обладали достаточными культурными традициями для построения реального народовластия, но не имели и идеологических альтернатив демократическому устройству,

Д.Е. Фурман — д. и. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Удивительная Молдова

пошли по пути создания «управляемых», или «имитационных», демократий. По сути, они восстанавливали советский авторитаризм, но только в смягченной и «закамуфлированной» форме.

Это второй «вид», которому свойственна иная логика. К нему принадлежат большинство постсоветских и множество стран за пределами посткоммунистического мира, в частности такие разные государства, как Азербайджан, Белоруссия и Тунис. «Слабо управляемые демократии» — например, Армения Роберта Кочаряна, или Грузия времен Эдуарда Шеварднадзе, или Украина эпохи Леонида Кучмы — тоже относятся скорее к этой категории.

Молдова же не принадлежит ни к одному из этих двух видов, зато она сочетает в себе черты каждого, причем в их наиболее яркой, законченной форме.

НИЧЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО?

Поскольку любая революция означает бурную активность и завышенные ожидания, после нее неизбежно наступают усталость, разочарование и ностальгия по дореволюционному времени, то есть реакция. Через такие периоды так или иначе прошли все посткоммунистические страны.

В государствах с реальной демократией реакция в основном принимала форму электорального поражения радикалов — вождей революции и прихода к власти «умеренных» партий либеральной номенклатуры, отринувшей коммунистическую идеологию (наиболее яркие примеры — приход к власти Александра Квасневского в Польше и Альгирдаса Бразаускаса в Литве). Такая первая ротация власти как раз и приводит к утверждению демократической системы, в которой при постоянных «правилах игры» победителями оказываются разные игроки.

В странах «управляемых», или «имитационных» демократий реакция принимает иную форму и имеет другие последствия. Она перерастает не в ротацию, а, наоборот, в закрепление власти, причем последняя приобретает все более «советские» черты. По этому пути пошла наша страна, эволюционировав из ельцинской России в путинскую Россию, а также Казахстан, Узбекистан, лукашенковская Белоруссия. Но никогда и нигде, кроме Молдовы, реакция не выливалась в возвращение к власти идейных коммунистов. Молдова — единственная посткоммунистическая страна, в которой реакция на антикоммунистические и национальные революции 1989–1991 го-

Дмитрий Фурман

дов приняла крайнюю и логически завершённую форму: к власти вернулась Коммунистическая партия.

Молдавская национальная революция, возглавляемая радикалами из Народного фронта, имела особо тяжёлые последствия. Страна оказалась не только в ситуации экономического краха, но и на грани межэтнической войны, от нее фактически отделилась наиболее промышленно развитая «русскоязычная» часть — Приднестровье.

Соответственно первые признаки реакции обозначились довольно рано: еще в конце советской эпохи. Тогда конфликт между относительно умеренным президентом Мирчи Снегуром — партработником, ставшим национал-демократом, и премьером Мирчи Друком — «полудиссидентом» и «разночинцем» закончился победой первого, и парламент отправил в отставку «революционное» правительство Друка (май 1991 г.).

Следующий этап реакции — поражение на выборах-1996 Снегура, слишком тесно связанного с революционной эпохой, и избрание президентом республики бывшего первого секретаря ЦК КП Молдавии Петру Лучински. И, наконец, на выборах-2000 триумфально побеждает возрожденная Партия коммунистов Молдовы, получившая 71 из 101 парламентского места, а президентом становится ее лидер Владимир Воронин. На следующих выборах (2004) коммунисты получают меньше голосов и мест, но сохраняют большинство, и Воронин остается у руля страны.

Иногда приходится слышать: молдавские коммунисты — какие-то «ненастоящие, неправильные». Дескать, ничего коммунистического кроме названия, у них нет. Это совершенно не так.

Молдавские коммунисты в 2000 году — «нормальные» постсоветские коммунисты, практически ничем не отличающиеся от российских. Подобно нашим «ленинцам», они не представляют номенклатуру, которая в Молдове, как и в России, в подавляющем большинстве стала «демократической» и «рыночной». Это — партия бедных или, скорее, пожилых и необразованных людей, проигравших в ходе рыночных реформ и не способных приспособиться к новой жизни. Партия социального протеста, ностальгии по «солнечной Молдавии» советских времен, где все народы жили в дружбе, прожиточный минимум был гарантирован, а по телевизору не показывали ни эротики, ни фильмов про гангстеров. Партия, проклиная и горбачёвскую перестройку, и «демократов» с их «западными кукловодами».

Удивительная Молдова

Она позиционирует себя как организация честных и верных, не предавших СССР и коммунистическую идеологию. Воронин возлагает цветы к памятнику Ленина, говорит о том, что «классовую борьбу никто не отменял», определяет нынешний этап как «временное поражение социализма». Придя к власти, он предрекал: будет трудно, но мы продержимся, «как держится Куба среди империалистических хищников».

Сейчас Воронин стремится к интеграции в Европейский союз, ставшей в Молдове чем-то вроде «общенациональной идеи», а в рыночных реформах ориентируется на Эстонию (продолжая приносить цветы к памятнику Ленина). Но это не потому, что он и его однопартийцы изначально были «неправильными» коммунистами. Он ведет себя так по той причине, что идеология и политика «нормальных» молдавских коммунистов трансформировалась под влиянием ситуации, абсолютно «ненормальной» для постсоветских коммунистов.

НЕМЫСЛИМОЕ СОЧЕТАНИЕ

С институциональной точки зрения Молдова тоже уникальное государство, причем если не на всем постсоветском и посткоммунистическом пространстве, то на той его части, которая входит в Содружество Независимых Государств.

По оценкам международной правозащитной организации *Freedom House*, с которыми я вполне согласен, эта республика — самое демократическое государство СНГ, если не учитывать страны, получившие относительно высокие оценки после «цветных» революций (Украина и Грузия). Она — единственная в Содружестве страна, в которой прошли уже две конституционные ротации власти, не сопровождавшиеся революционными потрясениями, и которая совершила переход от президентской к парламентской республике. Молдова последовательно осуществляет «европеизацию» своих институтов.

Институциональное развитие Молдовы не вписывалось в характерную для всего СНГ модель: страна постепенно преодолевала общие для постсоветского пространства авторитарные тенденции. Молдавские президенты стремились максимально усилить и закрепить свою власть, с завистью поглядывая на коллег в других постсоветских странах. Но у них ничего не получалось. Попытка Снегура расширить свои полномочия и ограничить власть парламента закончилась провалом. Во главе государства стал Лучинский.

Дмитрий Фурман

Еще будучи спикером парламента и основным соперником Снегура, Лучинский сурово осуждал «авторитаризм» своего оппонента. Но смена интересов диктует изменение идеологии: новый президент превратился в решительного сторонника сильной президентской власти и сделал значительно более серьезную, чем снегуровская, попытку направить развитие страны в «нормальное», то есть общее для Содружества, русло. Хотя парламентские партии, естественно, всячески препятствовали его усилиям, он пользовался достаточной поддержкой населения, которое, как и все народы в других государствах — участниках СНГ, выступало за сильную президентскую власть, видя в ней залог вождя «порядка».

«Консультативный» референдум по вопросу введения президентского правления, проведенный 23 мая 1999 года, принес Лучинскому большинство голосов. Победы, однако, не случилось: помешало решение Конституционного суда, по которому референдумы прямого действия могут проводиться только с согласия парламента. А в 2000-м парламента, приняв соответствующую поправку к Конституции, заменил общенародные президентские выборы парламентскими.

Тогда многие в Молдове боялись (а многие надеялись), что Лучинский прибегнет к силовому варианту по образцу России-1993. (Раньше такие же страхи и надежды питали относительно Снегура.) Но Лучинский признал свое поражение.

Хотя коммунисты в то время представляли собой уже значительную политическую силу, никто не мог и предположить, что переход к парламентской республике откроет им путь к власти. Казалось, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Однако парламента не смог избрать президента (ни один кандидат не набрал необходимых двух третей голосов) и был распущен Лучинским. Конституционный суд постановил, что президент имеет на это право и должен выполнять обязанности до избрания следующего руководителя страны. Новые же выборы (2001) завершились полным триумфом коммунистов, которые обеспечили победу своего лидера Воронина голосами только коммунистической фракции.

Молдова находилась на грани хаоса. Коммунисты подчеркивали свою лояльность Конституции и демократическим принципам, но поползновения на авторитарное правление отмечались уже в 2002 году. К концу первого воронинского срока ситуация кардинально изменилась. На основе общего стремления к интеграции с Европой коммунистам удалось наладить отношения с оппози-

Удивительная Молдова

цией, и прежде всего со своими крайними идейными антагонистами — христианскими демократами, сторонниками объединения с Румынией. Следующий парламент, в котором коммунисты сохранили большинство (хотя уже не в две трети голосов), снова избрал Воронина — на этот раз голосами и коммунистов, и национально-демократической оппозиции.

Итак, с одной стороны — торжество советско-коммунистической реакции, с другой — максимальное для стран СНГ приближение институциональной структуры к общедемократической модели. Чем можно объяснить такое «немыслимое», совершенно уникальное сочетание?

ЛОВУШКА НЕЗАВИСИМОСТИ

Первый фактор, обусловивший появление столь странного «вида», — внутренний, связанный с изначальными особенностями молдавского общества. Точнее, с имеющим не столь много аналогов в мире и беспрецедентным на постсоветском пространстве молдавским национальным самосознанием.

Исторически постсоветская Молдова — это Бессарабия, часть средневекового молдавского княжества, находившегося в зависимости от турок. В 1812 году она перешла под власть Российской империи в соответствии с Бухарестским мирным договором между Россией и Османской империей. В результате регион оказался оторван от интенсивных процессов национального и государственного строительства в основной части Молдовы и в соседнем с ней княжестве Валахии, которые привели к становлению единой румынской нации, объединению княжеств в 1859-м и возникновению независимого румынского государства в 1878 году. Во время российской Гражданской войны в Бессарабии возникает импровизированный парламент — Совет страны (Сфатул Цэрий, просуществовал с ноября 1917 г. по декабрь 1918 г.), который сначала провозглашает автономию в составе России, затем — независимость, а потом — объединение с Румынией.

Основную массу российских молдаван составляли неграмотные крестьяне с «донациональной» самоидентификацией. За недолгий период пребывания под властью Румынии большинство из них не приобрели полноценного румынского самосознания. В 1940-м они вошли в состав Советского Союза («вернулись в империю»), где создается Молдавская ССР и происходит конструирование особой

Дмитрий Фурман

молдавской социалистической нации, которая должна была максимально отличаться от румынской.

Молдаване, получившие образование уже в Советском Союзе, в основном действительно приобрели некоторое «советско-молдавское» самосознание. Они оказались полностью оторваны от Румынии, вместо латинского алфавита была введена кириллица. Но чем больше новая молдавская интеллигенция обращалась к культуре прошлого, тем более румынским становилось ее самосознание. Интеллигентский антикоммунистический протест, который во всех других республиках СССР порождал национализм титульного народа, обусловил самоотрицание молдавской нации, как сконструированной в советское время.

В ходе перестройки и строительства постсоветской Молдовы глубочайшие противоречия молдавского самосознания вышли наружу. Интеллигенция, в основном прорумынская, видевшая в Молдове искусственную советскую конструкцию и мечтающая о «возвращении в лоно Родины-матери», поначалу повела за собой общество. Но местная номенклатурная элита, стремившаяся, подобно всем элитам бывших республик Советского Союза, к независимости от Москвы, совершенно не хотела терять завоеванную власть и превращаться из руководителей суверенного государства в элиту румынской провинции.

В конечном итоге народные массы, опасаящиеся Румынии и измученные бурными революционными событиями, отворачиваются от интеллигентов-унионистов и начинают поддерживать номенклатуру (а затем, разочаровавшись в погрязшем в коррупции и склоках центре, голосуют за возрожденную компартию). Правы были молдавские унионисты, говорившие о том, что независимость — это ловушка: как ни трудно ее обрести, отказаться от нее еще сложнее.

Раскол в молдавском постсоветском обществе проходит не только по обычным — социальным и политическим — линиям размежевания. Есть «молдовенисты», выступающие за независимую Молдову. Во время борьбы с московским «центром» и «русскоязычными» они действовали на пару со сторонниками присоединения к Румынии. Но после распада СССР их главными врагами стали бывшие союзники — те, кто служит «соседнему государству» (типичный молдавский эвфемизм) и готовит ликвидацию Молдовы.

Им оппонируют унионисты, видящие себя румынами, а других — «темной манкуртизированной массой», которой управляют люди,

Удивительная Молдова

ставящие собственную выгоду выше интересов Родины, нации и культуры. И, конечно же, существует группа людей (большинство русскоязычных и часть молдаван) для которой идеалом является мифологизированный Советский Союз.

Такого раскола нет ни в одной другой постсоветской стране. Нигде в СНГ больше не найти и столь слабого (вследствие слабости национального самосознания) «номенклатурного центра». Только здесь есть большое, влиятельное, интеллигентное и идейно мотивированное меньшинство, убежденное в том, что их страна – историческое «недоразумение», которому надлежит исчезнуть с лица земли. Именно этот своеобразный молдавский раскол и был, на мой взгляд, важнейшим внутренним фактором, обусловившим уникальность молдавского политического развития.

Здесь невозможно сплочение элиты ни во имя государственного и национального строительства, ни даже ради недопущения коммунистов к власти, как это было в России. Гораздо больше, чем коммунистов, «молдовенистская» номенклатура опасается унионизма, а унионисты – консолидации молдавского государства на «молдовенистской» основе. Эта ситуация срывает попытки президентов сплотить общество по образцу других стран Содружества и способствует укреплению как демократических институтов, так и власти коммунистов.

Демократия в Молдове упрочивается не в силу психологической и культурной готовности к ней общества. В этом отношении молдавское общество мало отличается от российского или белорусского, что подтверждается самим фактом победы коммунистов. Усиление демократии в Молдове происходит как следствие невозможности авторитарной консолидации. Силы, которые вообще-то были бы рады уничтожить друг друга, понимают, что это невозможно, и постепенно вырабатывают «правила игры», обеспечивающие защиту от полного взаимоуничтожения.

ФАКТОР СРЕДЫ ОБИТАНИЯ

Выработка и утверждение этих «правил игры» вряд ли была бы возможна без воздействия извне, а именно со стороны Запада. Пример Запада, его идейное и непосредственно политическое влияние на посткоммунистические страны – основной фактор усиления демократии. Он также играет ключевую роль в сдерживании авторитарных тенденций, заставляя правителей прятать свой авторитаризм за демократическими одеждами.

Дмитрий Фурман

Из-за слабости Молдовы Запад оказывал и оказывает на нее особенно сильное влияние. (В 1990-е республика полностью зависела от внешних займов, взятых в первую очередь у Международного валютного фонда.)

Стремление Запада к распространению демократии постоянно сталкивается с необходимостью поддерживать политическую и экономическую стабильность, сдерживать антизападные и антидемократические силы (раньше — коммунизм, теперь — исламизм). Это порождает пресловутые «двойные стандарты». В различных критических ситуациях Запад часто предпочитает авторитарную стабильность опасностям, которыми обычно чревата демократизация.

Но Молдова — бедная страна, не обладающая жизненно важными для западных экономик ресурсами. Это не Азербайджан или Казахстан, где неизбежный, во всяком случае на начальном этапе демократизации, хаос может сорвать поставки нефти и газа. Молдова — не страна Центральной Азии, где демократизация имеет шансы привести к власти исламистов, что может поднять волну фундаментализма, способную накрыть весь мусульманский мир. И это не Россия с ее ресурсами, географическим положением и атомным оружием, перспектива попадания которого в руки коммунистов заставляла Запад в 1993 и 1996 годах поддерживать Бориса Ельцина, строившего «управляемую демократию». Молдова никому не угрожает и никому особенно не нужна. Скорее всего, именно поэтому линия Запада в отношении Молдовы была более «принципиальной», чем где бы то ни было.

К молдавской «коммунистической опасности» Запад относился совершенно иначе, чем к российской. Он не поддержал проект конституционных реформ Петру Лучински, который гарантировал бы Молдову от прихода к власти коммунистов. А вот Владимиру Воронину Запад четко и недвусмысленно дал понять, что ему безразлична коммунистическая принадлежность молдавского президента, а важно лишь, чтобы тот соблюдал правовые нормы. И когда в 2002-м на фоне противостояния коммунистов и унионистов в Кишинёве шли нескончаемые митинги с требованием отставки президента и проведения новых выборов, Запад сыграл роль арбитра, вынудив Воронина отказаться от ряда сомнительно правовых мер, а оппозицию — от лозунгов неконституционной смены власти.

Чем дальше, тем больше Воронин понимал, что соблюдать «правила игры» выгоднее, чем нарушать, и что идея и политика евро-

Удивительная Молдова

пейской интеграции стабилизирует общество, смягчая молдовенистско-унионистское противостояние, и позволяет ему укрепить свою власть, не прибегая к авторитарным методам.

Как Россия могла бороться с этой западной ориентацией? Москва сделала ставку на приманку возвращения Приднестровья в состав Молдовы. Но она настолько не хотела выводить войска из непризнанной республики и так сильно стремилась гарантировать власть приднестровской верхушке в проектируемом «общем государстве», что приманка не сработала. Провал в 2003 году «плана Козака», вызвавшего новый всплеск унионистского протеста и недовольство Запада, еще более усилил европейский вектор политики Кишинева.

В 2005-м коммунистам пришлось пережить трудный период. Предельно ослабленная «молдовенистская» оппозиция, получившая поддержку в Москве, намеревалась обвинить их в фальсификации выборов и организовать молдавский вариант «цветной» революции. Воронин понимал, что большинство коммунистам обеспечено, но боялся неизбежных на выборах нарушений и поэтому не скупился на приглашения западных наблюдателей.

Те больших нарушений не обнаружили. Запад признал выборы честными, лидеры «цветных» революций Михаил Саакашвили и Виктор Ющенко поддержали Воронина. Единственная действительно антикоммунистическая сила — популярные в массах унионисты христианских демократов — отказались выступить вместе с «молдовенистами-антикоммунистами» из бывшей номенклатуры. Как сказал их лидер Юрий Рошка, «что поделать, если у господина Воронина и господина Рошки одно и то же желание — сделать Республику Молдова европейской страной». Таким образом, попытка антикоммунистической революции была сорвана.

ГЛАВНОЕ — ЧЕСТНОСТЬ

Будущее Молдовы как национального государства совершенно неясно. Страна может сохранить суверенитет, но существует также и вероятность ее объединения с Румынией, поскольку сейчас, похоже, унионизм снова на подъеме, а количество жителей Молдовы, получивших или желающих получить румынское гражданство, исчисляется сотнями тысяч. Но для молдавской демократии это не так уж и важно. Она укореняется, превращается в «единственную игру», становится прочнее, чем само государство.

Дмитрий Фурман

В чем же «уроки» уникального молдавского развития? Не может же Россия, например, воспроизвести особенности молдавского самосознания...

Уникальное заставляет иначе взглянуть на «нормальное». Такой взгляд позволяет увидеть «нормальное» не как закономерное, а как часто встречающееся.

Случай Молдовы доказывает, что раскол общества по самым главным вопросам — не такое уж препятствие для демократии, а, напротив, может даже ей способствовать. Что победа коммунистов не только не означает автоматическую гибель демократии, но и может привести к ее укреплению. И что демократия, даже если в обществе нет для нее адекватной психологической базы, со временем сама себе ее создает.

Особые молдавские обстоятельства способствовали тому, что и молдавские «игроки», и Запад более последовательно, чем обычно, соблюдали «правила игры». Результат не так уж и плох. И возможно, самый главный урок Молдовы заключается в том, что очень часто честность — это действительно лучшая политика.

Молдавскую специфику нельзя перенести на другую почву, но принимать ее во внимание необходимо. Опыт Кишинёва может заставить другие правительства иначе реагировать в сходных ситуациях, увидеть в них скрытые, неочевидные возможности. Если приход коммунистов к власти в Молдове не вылился в катастрофу, то, может быть, ее не произошло бы и в России, победы в 1993 году парламент или Зюганов на выборах в 1996-м? Может быть, тот вариант развития, который тогда казался ужасным, напротив, быстрее привел бы нас к демократической цели?

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

Владимир Казимиров

В политическом урегулировании карабахского конфликта наступает застой, неизбежный в преддверии президентских выборов в Армении и Азербайджане. Это дает возможность более обстоятельно рассмотреть и, не поддаваясь гипнозу суетной конъюнктуры, поискать пути выхода из многолетнего тупика.

Конфликт в Нагорном Карабахе (НК) — самый первый из вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве и наиболее масштабный по размаху военных действий. Его конфигурация и динамика весьма специфичны.

Во-первых, начавшись в 1988-м еще в Советском Союзе, он достиг пика в 1992–1994 годах уже между Азербайджаном и НК при активной поддержке последнего Арменией. Поэтому проблема осложнена как внутренним, так и внешним противоборством.

Во-вторых, в конфликте задействованы два военных лагеря — армяне и азербайджанцы, но политически — три стороны (интересы Еревана и Степанакерта близки, но не идентичны).

В-третьих, военные неудачи, потеря контроля над пятью районами вокруг Нагорного Карабаха и частично еще над двумя стали для Баку неприятным сюрпризом.

Особая острота карабахского конфликта обусловлена его историей и даже предысторией. Столкновения 1905 и 1918 годов, выдвигание армян из Нахичевани, выселение азербайджанцев из Армении, трагические события, сопровождавшиеся кровопролитием и в мирное время (Сумгаит, Баку), и в ходе военных действий (Ходжа-

В.Н. Казимиров — посол, глава посреднической миссии России по Нагорному Карабаху в 1992–1996 гг., заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов.

Владимир Казимиров

лы, Марага)... Все это обильно подпитывало взаимную неприязнь, разжигаемую национал-радикалами и лжепатриотами. Обоюдное недоверие тормозит весь процесс урегулирования.

Наконец, принципиально важная особенность сегодняшней ситуации: ни в одном из остальных конфликтов на территории бывшего СССР столь открыто не демонстрируется настрой на силовой реванш. Поэтому позиция и доводы азербайджанской стороны требуют чрезвычайно пристального внимания.

СТАТУС РАЗДОРА

Первопричиной конфликта и его главной спорной проблемой остается будущий статус Нагорного Карабаха. Ереван стремится «узаконить» выход НК из Азербайджана, Баку напрочь исключает подобную перспективу. За тринадцать лет перемирия позиции сторон почти не изменились: они остаются полярными, взаимоисключающими. Азербайджан отодвигает на будущее решение вопроса о статусе, ограничиваясь общими посулами самой широкой автономии.

Ясно, что статус Нагорного Карабаха не может быть определен без его участия. Но попытка задействовать демократический ресурс (плебисцит), также вызвала острые разногласия. Принятая в 1995-м Конституция Азербайджанской Республики допускает проведение референдумов лишь в масштабе всей страны — из-за пестроты национального состава молодое государство тяготеет к унитаризму. Акт прямой демократии для того и урезан в Конституции Азербайджана, чтобы лишить население НК права самостоятельно решать свою судьбу. (Хотя, например, общеизвестно, что не вся Канада голосовала по статусу Квебека, не вся Испания — по Каталонии, не вся Эфиопия — по Эритрее, и вряд ли вся Великобритания будет голосовать на вероятном референдуме по статусу Шотландии.)

Ссылки на неприкасаемость Конституции Азербайджанской Республики не срабатывают, ибо внесения в нее изменений потребует любой статус Нагорного Карабаха (в том числе создание культурной автономии, предлагаемое армянофобами).

Баку не желает признавать НК даже конфликтующей стороной, хотя в ходе войны подписал со Степанакертом десять разных договоров (причем без участия Еревана). В Азербайджане никто не в силах объяснить, в каком же качестве выступал тогда НК, если не был воюющей стороной. Увы, таких логических нестыковок немало. Третирование армян из Нагорного Карабаха, отказ от кон-

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

тактов с ними не вяжутся ни с обещанием предоставить им самую современную автономию, ни с подходом к ним как к согражданам. Дефицит реалистичности, логика «тотальной» борьбы блокируют любой позитив, даже меры доверия.

КОРНИ ОККУПАЦИИ

В Баку прекрасно понимают, что статус Нагорного Карабаха составляет главную проблему, но не хотят это признать и всячески выдвигают на первый план необходимость устранить неблагоприятные для себя последствия военных действий — режим оккупации армянами семи районов вокруг Нагорного Карабаха. При этом Азербайджан утверждает, что оккупирована и территория НК. Армяне (три четверти населения Нагорного Карабаха) при поддержке Республики Армения в основном контролируют территорию НК. В устах Баку это не что иное, как оккупация Нагорного Карабаха Арменией, тем более что азербайджанцев там с тех пор нет.

Оккупация — продукт вторжений и военных действий. В XXI веке ей пора бы стать аномалией, но зоны оккупации есть еще и в других регионах: территории вокруг Израиля, Афганистан, Ирак... Необходимо разобраться и с захватом чужих земель в Карабахе, проследить логику и последствия действий сторон в ходе противоборства 1990-х годов.

Об оккупации не было бы и речи, если бы удалось избежать боевых действий. А если бы их сумели быстро свернуть, последствия не были бы столь значительны. Прекратись бои несколько раньше, не пали бы Шуша и Лачин. А впоследствии не были бы захвачены Кельбаджар, Агдам, Физули, юго-запад Азербайджана...

На всех этих этапах посредники настойчиво предлагали прекратить бои. В течение двух с лишним лет не использовались шансы на перемирие, были сорваны четыре договоренности о прекращении огня и другие миротворческие инициативы. Несмотря на осуждение посредниками захватов и действий по расширению конфликта, стороны в пылу борьбы уделяли больше внимания военным соображениям, нежели политическим. Затягивание войны — вот что породило и расширило захват чужих земель и привело к оккупации, а не только «аппетиты» армян.

Как посредник прекрасно помню, кто тогда уходил от прекращения военных действий: та сторона, что в итоге как раз больше и пострадала. Азербайджан слишком долго делал ставку на скорое сило-

Владимир Казимиров

вое решение (рецидивы подобного настроения проявляются и поныне). Баку сам упразднил Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО) в 1990-м, но фактически обвиняет армян в том, что в ходе боевых действий они не остановились у ее границ. Тот, кто больше года (1993–1994) игнорировал требования резолюций Совета Безопасности ООН прекратить военные действия и нагромождал предварительные условия, обязан был сознавать свою прямую ответственность за последствия — за потери все новых районов, нарастающие волны своих переселенцев и беженцев.

Была и чисто военная подоплека событий. Имея явное превосходство в живой силе, Азербайджан к тому же получил при распаде СССР гораздо больше вооружений, чем Армения. В чем-то это предопределило тактику действий сторон. Баку пытался наступать, блокировал НК, часто подвергал его территорию обстрелам и бомбардировкам. Дисбаланс в живой силе и вооружениях, в том числе отсутствие боевой авиации, сложности географии, перебои со снабжением продиктовали армянам более маневренную тактику: концентрацию сил на решающих участках фронта, рейды и захваты, чтобы отодвинуть противника от Нагорного Карабаха, затруднить бомбардировки и обстрелы, сузить фронт из-за неравенства сил. Во многом им помогли мобилизованность и мотивация выживания (она выше соображений престижа и любых прочих), а также неорганизованность и распри в стане противника.

Таков вкратце генезис оккупации в Карабахе, породивший ее причинно-следственные связи. Не предоставь Баку армянам вышеописанный шанс, они и не захватили бы столько территорий. Армяне искусно ловчили, не отвергали и не срывали прекращений огня; иногда принимали и неудобные им посреднические предложения — авось противник «не подведет» и сорвет их. Перемирие от 12 мая 1994 года закрепило сложившийся на тот момент статус-кво: контроль армян над НК и семью районами Азербайджанской Республики и контроль азербайджанцев над некоторыми зонами, населенными ранее в основном армянами.

Всемерно выпячивая армянскую оккупацию, официальный Баку утаивает (главным образом от своих же граждан), как она возникла, какую роль в этом сыграли его ставка на силу, неоднократный срыв им прекращений огня. Нынешняя власть не в состоянии объективно проанализировать прошлое. Она корит лишь Народный фронт Азербайджана и Абульфаза Эльчибея, искажая суть феномена ок-

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

купации ради возвышения имиджа Гейдара Алиева (а при «общенациональном лидере» было больше отказов и срывов, потеряно пять районов из семи). Подобных сокрытий и умолчаний в карабахских делах немало. Например, рьяно обвиняя друг друга в этнических чистках, каждая сторона не склонна упоминать о том, что и ее действия трудно квалифицировать иначе.

Ссылаясь на свой суверенитет, взывая к бедственному положению вынужденных переселенцев, Азербайджан пытается добиться чуть ли не безусловного ухода армян с занятых ими земель. Чтобы выиграть время, нынешний президент Ильхам Алиев переносит акцент на «оккупацию Нагорного Карабаха Арменией», требуя вывести войска и оттуда. Это надежно страхует его от соглашения, которое для него опаснее, чем в свое время была для отца.

ТЕРРИТОРИИ В ОБМЕН НА ЧТО?

«Задерживаясь» на захваченных землях, армяне вначале заявляли, что не претендуют на них (кроме Лачинского коридора, обеспечивающего наземную связь Нагорного Карабаха с Республикой Армения). Неверие в миролюбие Баку побудило Степанакерт и Ереван максимально укрепить линию соприкосновения, разместив там и военных из Армении. Со стороны армян всё чаще стали говорить, будто занятые земли — исконно армянские. То есть они не оккупированы, а, мол, лишь освобождены и не подлежат возврату. Правда, официальный Ереван аккуратнее: готов обсуждать постепенное освобождение территорий, придерживая Кельбаджар и Лачин до проведения референдума по статусу НК. Максималисты в Армении и Нагорном Карабахе остро критикуют идею ухода и способны противодействовать ее осуществлению.

Много лет стороны тормозят процесс урегулирования, предъявляя неумеренные запросы и прибегая к искусственным ухищрениям. Выступая под лозунгом «территории за статус», армяне добивались отказа Азербайджана от Нагорного Карабаха в обмен на уход с занятых ими земель. Списав на Народный фронт вину за потерю НК, Гейдар Алиев полагал, будто общественное мнение приняло бы сделку в случае установления — в качестве компенсации — контроля над дорогой через Мегри в Нахичевань (то есть в свой анклав через территорию Армении. — Ред.), но эта идея не прошла ни в Баку, ни в Ереване.

Формула «территории за статус» несбалансирована, она выглядит как «произвол победителя», в ее основе — последняя проба сил.

Владимир Казимиров

Но нельзя, как это делают в Баку, ставить на одну доску с ней призывы к реваншу. Данная формула — в отличие от этих призывов — относится не к «будущей», а уже к свершившейся войне (прежних жертв не вернуть, а реванш поглотил бы множество новых, причем с неясным конечным исходом).

Другое дело — более скромное уравнение «территории за безопасность», отражающее баланс жизненных интересов населения Нагорного Карабаха и близлежащих районов Азербайджана. Это справедливее. Все стороны оказались бы в выигрыше по сравнению с нынешним положением — каждая по-своему. Ключ тут в степени надежности всеобщей безопасности, в верности сторон своим обязательствам.

КАК НАЧАТЬ УХОД С ЧУЖИХ ЗЕМЕЛЬ?

С самого начала переговоров по карабахской проблеме допускалось, что решение относительно статуса НК потребует времени и будет вынесено лишь на заключительном этапе, после ликвидации последствий вооруженного конфликта. Правда, армянские стороны настаивали на пакетном решении всех имеющихся проблем.

Спор о поэтапном или пакетном методе урегулирования утратил прежнее значение: посредники и стороны избрали, по сути дела, смешанный вариант с элементами как поэтапности, так и пакетности. Но теперь в пакете не окончательный статус Нагорного Карабаха, а лишь порядок его определения волеизъявлением населения. Армяне допускают уход первоначально из пяти районов вокруг НК до полного определения его статуса. Все стороны согласны с поэтапным выполнением того, о чем им удалось бы договориться.

Разрядить обстановку могло бы соглашение о временном статусе Нагорного Карабаха на переходный период, пока продолжаются переговоры и осуществляются согласованные в их ходе меры. Официальный Баку, в отличие от азербайджанских политологов, не видит смысла и в этом. Хотя «временный статус НК» неизбежен и уже имеет место без согласования: если не де-юре, то де-факто.

Что же необходимо, чтобы вывести карабахское урегулирование из застарелого тупика? И приступить к постепенному освобождению оккупированных территорий, в основном азербайджанских? Прежде всего надо «изъять» эту проблематику из прошлого военного контекста и переместить ее в сферу политики, права и морали, учитывая необходимость скорейшего, но непременно добровольно-

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

го возвращения перемещенных лиц и беженцев в места своего прежнего проживания.

Армянам мешают психологические, эмоциональные факторы — это, дескать, пояс безопасности Нагорного Карабаха, столько жизней отдано за взятие этих земель! Национал-радикалы настаивают на их заселении чуть ли не в виде компенсации за то, что мало кто из 350—400 тысяч армян пожелает вернуться из изгнания под власть Азербайджанской Республики. (Правда, азербайджанцы могут требовать возвращения в Армению тех, кто был выселен в 1988 году. А противоположные стороны — выставить встречный иск за вытеснение армян из Нахичевани. Этому походу в историю не было бы ни конца ни краю.)

ГЛАВНАЯ ПОМЕХА

Однако самыми серьезными препятствиями к освобождению территорий стали регулярные угрозы руководителей Азербайджана прибегнуть к силе. В них есть немало от бравады, нацеленной на поднятие тонуса во внутренней политике. Но стремление Баку запугать армянские стороны заставляет их рассматривать проблему в прежнем, военном, ключе — цепляться за хорошо укрепленную линию соприкосновения. Это просто подарок тем, кто выступает против ухода с занятых земель. Кто же станет ослаблять свои военные позиции при таком взаимном недоверии и под постоянные угрозы из официальных уст? Ереван и Степанакерт считают, что оставлять хоть какой-то из занятых районов (ведь это рушит «линию Мажино») можно лишь при полной уверенности, что военные действия не возобновятся.

Настроения Баку выразил политолог Фикрет Садыхов: «На протяжении последних 10 лет Азербайджан ставят на одну плоскость со страной, которая оккупировала принадлежащие нам территории, нас принуждают к переговорам с этой страной и требуют от нас мирного разрешения, хотя оккупация нашей территории прошла военным путем. Безусловно, подобное положение вещей изначально несправедливо». Может быть, Садыхов не ведает, что и как произошло? Странноватая логика...

Интересы мирного разрешения, в том числе прекращения оккупации, требуют четкого подтверждения всеми сторонами приверженности принципам ОБСЕ о мирном урегулировании споров, о неприменении силы и угрозы силой. Эти два принципа закреплены

Владимир Казимиров

в хельсинкском Заключительном акте как основа для мирного разрешения конфликтных ситуаций.

ОПАСНОСТЬ РЕВАНША ДЛЯ РЕВАНШИСТОВ

Возобновление военных действий на деле привело бы к более тяжким последствиям, жертвам и разрушениям, чем в 1992–1994 годах. Участниками вооруженных столкновений стали бы уже не полупартизанские формирования, а хорошо оснащенные армии. Но в ближайшие 4–5 лет при реальном соотношении сил ни одной из сторон не удастся осуществить победоносный «блицкриг». А затяжные военные действия губительны прежде всего для того, кто их начал. Уже одно это требует особо ответственного подхода со стороны высших руководителей.

Война опасна и для международного сообщества: Южный Кавказ – не тот регион, чтобы индифферентно взирать на происходящее там. Не просто оправдать новую бойню армянской оккупацией, поскольку все видят, что Ереван и Степанакерт однозначно настаивают на компромиссном мирном разрешении, а Баку грозит им войной, если те не капитулируют: не освободят безусловно и быстро все земли, включая НК. Рецидив применения силы в этом регионе сочтут еще большей аномалией, чем неприглядное наследие прежней войны – оккупацию чужих земель.

Виновник срыва перемирия вызовет огонь на себя, как нарушивший принципы ОБСЕ и обязательства перед Советом Европы. Это навлечет на него порицание со стороны почти всех государств – участников Минской группы ОБСЕ и ее влиятельных сопредседателей, давно и упорно добивающихся мирного урегулирования. Против войны прямо высказались авторитетные представители ряда крупных государств и влиятельных международных организаций. Мало кто рискнет поддержать инициатора военных действий. Он еще не достигнет цели, а требование незамедлительно прекратить их уже станет всеобщим.

Вспомнят и то, что война противоречит Конституции Азербайджанской Республики (статья 9 отвергает ее как средство разрешения международных конфликтов). Уже сейчас руководители Азербайджана воинственными угрозами подрывают уважение к Основному закону своей страны. Если по референдуму о статусе Нагорного Карабаха там часто ссылаются на Конституцию Азербайджана, то об этой статье – ни слова, будто ее и нет!

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

Баку припомнят прямое форсирование гонки вооружений в регионе, резкое увеличение военного бюджета Азербайджанской Республики. Свою роль сыграет и факт пренебрежения, с каким там отнеслись к соглашению об улаживании инцидентов на линии соприкосновения, подписанному с Нагорным Карабахом и Республикой Армения 4 февраля 1995-го по указанию Гейдара Алиева. Дня не проходит, чтобы Минобороны Азербайджана не сообщило о нарушениях перемирия армянами, о жертвах обстрелов с их стороны. Однако речь идет об очередной логической неувязке: казалось бы, Баку жаждет прекращения инцидентов, но почему же там и не думают выполнять положения документа, официально подписанного под эгидой ОБСЕ?

Ереван и Степанакерт не раз выступали с заявлениями о готовности соблюдать соглашение, если ту же готовность проявит азербайджанская сторона. Но та упорно отмалчивается уже более десяти лет. Если Баку считает соглашение об инцидентах несовершенным, было бы логично скорректировать или дополнить его либо заключить новое. Но нет — пусть лучше будут жертвы, чтобы нагнетать напряженность, вести надрывную пропаганду.

Словом, силовой реванш — это пока, как минимум, заведомо нерентабельная авантюра, но она может повлечь за собой и более серьезные последствия. Как выразился заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Даниел Фрид, война погубила бы будущее Азербайджана.

КУРС НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Шоры воинственности не позволяют Азербайджану видеть, что отказ от силового решения принесет Баку прямую выгоду. Это не только позволит обратить больше средств на развитие страны и улучшение материального положения населения, но и лишит армян доводов в пользу «зоны безопасности Нагорного Карабаха». Возврат многих районов без выстрелов стал бы крупным успехом властей Азербайджанской Республики и встретил бы широчайшую поддержку международного сообщества. Конечно, это еще не решило бы проблему статуса НК, но кардинально оздоровило бы атмосферу, приоткрыв путь к поиску компромиссов на дальнейших переговорах.

Пока стороны пренебрегают несомненными выгодами конструктивного подхода к урегулированию. Ни одна из них не готова про-

Владимир Казимиров

возгласить единственно верный в создавшейся ситуации долгосрочный курс на историческое примирение между армянами и азербайджанцами или хотя бы предложить противостоящей стороне сделать это совместно. А ведь уклонение и тем более отказ от такого предложения чреваты немалыми издержками на мировой арене. Даже одностороннее провозглашение такого курса на перспективу было бы активно поддержано международным сообществом и поставило бы противостоящую сторону в невыгодное положение. Однако Ереван и Степанакерт пока недооценивают этот ресурс, а Баку, нагнетая тотальный негативизм, загоняет себя в тупик, откуда нелегко повернуть к конструктивному решению, — на нынешнем фоне это будет выглядеть чуть ли не капитуляцией. Смена руководителей даст армянам больше простора для маневра, им легче делать новые шаги в процессе урегулирования, тогда как президент Азербайджана, стремясь быть переизбранным, больше скован политикой своего первого мандата.

Единственный шанс для политического прорыва в Карабахе, в том числе к скорейшему освобождению чужих территорий, — полное исключение химеры силового решения конфликта: комплексное обеспечение сторонами условий для невозобновления военных действий при посредничестве международного сообщества. Тут нельзя полагаться лишь на сами стороны либо только на «опеку извне». В одиночку ненадежно ни то ни другое — необходимо соединение усилий.

Общеизвестно, что стороны неоднократно обязывались разрешить конфликт мирными средствами. Что же помешает им подкрепить это заключением соглашения о невозобновлении военных действий? Ведь речь идет не о новом обязательстве, а о подтверждении прежних. Конечно, последние взяты перед международными организациями, а не перед противостоящей стороной, но суть от этого не меняется. Необходимо создать условия для первых ощутимых сдвигов в урегулировании, перечеркнуть призывы последних лет к войне.

Стороны могли бы заключить соглашение о безальтернативности мирного разрешения конфликта. Баку непросто сделать такой поворот, но винить в этом некого. Уклонение от подобного соглашения обнаружило бы всю несерьезность подхода государства к уже принятым обязательствам. Чтобы документ не был декларативным, а стороны не могли отказаться от него либо сорвать выполнение догово-

Есть ли выход из тупика в Карабахе?

ренности, нужны гарантии Совета Безопасности ООН или по меньшей мере государств – сопредседателей Минской группы ОБСЕ.

Странно, что иерархи ОБСЕ пока не предложили подобное соглашение: ведь их миссия – содействовать мирному, а не иному разрешению конфликта. Они не вправе вяло реагировать на серийные угрозы официальных лиц, инциденты на линии соприкосновения, взвинчивание гонки вооружений. Посредники – не судьи, но обязаны отстаивать свою мирную миссию, давно взятую на себя сторонами. Ведь это прежде всего Организация по безопасности, а уж потом по сотрудничеству в Европе.

Неизбежно встанет и практический вопрос: куда должны отойти армяно-карабахские войска на период до определения статуса Нагорного Карабаха? Былые границы НКАО давно упразднены и Баку, и Степанакертом. К тому же они были столь изрезаны, что совершенно непригодны для размещения сил вдоль них даже на переходный период. Для скорейшего ухода с занятых территорий необходимы переговоры по спрямлению линии, которая временно послужила бы подобием условной «границы» между Азербайджаном и НК. Вряд ли Ереван возьмет на себя проведение таких переговоров, да и предоставит ли ему Степанакерт такой мандат?

Переговоры Баку – Степанакерт желательно начать как можно скорее, еще до заключения соглашения о безальтернативности мирного решения, чтобы не затягивать потом с отводом войск. Оттесняя НК от своих консультаций с Ереваном, Баку лишь затрудняет себе выход на переговоры со Степанакертом. Тем более что их не замечать контактами «между двумя общинами Нагорного Карабаха».

ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ

Учитывая тяжкий груз истории армяно-азербайджанских конфликтов, к международной миротворческой операции в Карабахе предъявляются весьма специфические требования. Она должна быть гибкой по форме и жесткой по сути, краткой по срокам (примерно два-три года) из-за необычайной дороговизны, но надежной по конечным результатам.

Потребуется двухэтапный мандат, включая право применения силы против прямых нарушителей соглашения в любой период. На первом этапе для контроля за демилитаризацией освобожденных территорий необходимо разместить военных наблюдателей по линии соприкосновения и линии отвода (особенно в местах их пере-

Владимир Казимиров

сечения с коммуникациями). Кроме того, потребуется размещение мобильной «ударной силы», способной по тревожному сигналу наблюдателей быстро выдвинуться к месту нарушения (возможно, даже к двум одновременно) и заблокировать, а при необходимости и вытеснить нарушителей. Вместе с тем следует предусмотреть меры против нарушений, которые будут исходить якобы от гражданского населения.

На второй этап надо изначально заложить в мандате превращение миротворческой операции в операцию по принуждению к миру. Государства — участники операции должны дать твердые гарантии возобновить ее в указанном виде. Перерастание миротворческой операции при необходимости в операцию по принуждению к миру исключит или значительно сузит возможность возникновения у сторон соблазна вернуться к силовым методам после завершения первой фазы.

Такая жесткость международной операции в Карабахе оправдана тем, что на кону — не только урегулирование нынешнего конфликта (как в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье). Речь идет и о необходимости полностью исключить на историческую перспективу кровавые столкновения азербайджанцев и армян, периодически омрачавшие жизнь всего региона и способные теперь серьезно осложнить международную обстановку в целом.

Украинская государственность и плюрализм

Павел Палажченко

Иван Лысяк-Рудницкий. Между историей и политикой / Под ред. Д. Фурмана, Я. Грицака. — М.; СПб.: Летний сад, 2007. 636 сс.

Книга Ивана Лысяка-Рудницкого открывает серию «Библиотека украинской мысли», цель которой — познакомить русского читателя с наиболее значимыми украинскими авторами, размышлявшими над историческими судьбами своей страны. Лысяк-Рудницкий (1919–1985), эмигрант, работавший в университетах США и Канады, был украинским националистом-«самостийником» и одновременно человеком либерально-демократических убеждений и крупным историком. Это редкое сочетание наложило печать на его труды, и именно оно делает их особенно ценными для понимания украинской истории и — косвенным образом — для выстраивания отношений между Россией и Украиной.

Исторические исследования Лысяка-Рудницкого базируются на подробном изучении большого фактического материала. Однако факты эти важны не сами по себе, а для ответа на вопросы, которые он ставит перед собой и читателем. Что такое народ и что такое нация? Когда появился украинский народ и чем он отличается от русского? Можно ли было (в те годы, когда работал Лысяк-Рудницкий) говорить о существовании украинской политической нации и как в этой связи относиться к Украинской Советской Социалистической Республике? Каковы перспективы Украины? Ответы на эти и другие вопросы покоятся на серьезном аналитическом фундаменте и порой парадоксальны.

Разграничение понятий «народ» и «нация» имеет для автора принципиальное значение. Народ как этнос — это совокупность определенных объективных характеристик (язык, культура, быт), в то время как на-

П.Р. Палажченко — руководитель отдела международных связей и контактов с прессой Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-фонд).

Рецензии

ция — «феномен сознания и воли», который возникает позже, чем народы. Лысяк-Рудницкий считает очевидным, что украинский народ, являясь одной из трех ветвей восточного славянства, представляет собой «отдельную этническую единицу», сохранившую преемственность от доисторических времен до наших дней.

Но такой преемственности, отмечает Иван Лысяк-Рудницкий, нет в истории украинской нации, что дает основание считать ее «неисторической нацией» (этот термин, вызывавший возражения оппонентов, автор относит и к некоторым другим европейским нациям, например сербам и чехам). Однако «неисторичность» (то есть прерывность государственного существования, превратившая Украину к середине XIX века, по формулировке Лысяка-Рудницкого, в «этнографическую массу») не лишает нацию перспективы.

Для работ Лысяка-Рудницкого характерны спокойная объективность и отсутствие запальчивости в оценке исторических событий и фигур. В этом он следует примеру Михаила Драгоманова (украинский общественный деятель XIX столетия, историк и фольклорист, сторонник культурно-национальной автономии Украины. — Ред.), которому посвящены две фундаментальные статьи, вошедшие в книгу. Он принимает оценки, которые Драгоманов дает таким центральным событиям украинской истории, как

созыв Переяславской рады и установление российского протектората. Сокрушаясь по поводу возобновления крепостничества и блокирования эволюции Украины к либерально-конституционному режиму, оба историка отмечают, что руками российской центральной власти решались украинские национальные задачи борьбы против турок и татар и против польской шляхты. Но по мере ослабления польской угрозы нарастала необходимость в пересмотре отношений между украинским народом и централизованным Российским государством.

В царской России отрицалось существование украинской национальности, причем, как подчеркивает Лысяк-Рудницкий, такое отрицание было характерно и для просвещенного русского общества. «В этом отношении либеральный и даже революционный российский интеллигент мало чем отличался от российского бюрократа». Иван Лысяк-Рудницкий не рассматривает вариант постепенного затухания украинского движения в случае более плавного, эволюционного развития России, скажем, при ее неучастии в Первой мировой войне, хотя такой сценарий, на мой взгляд, вполне допустим. В 1914 году «за исключением галицийской части Украина еще не стала выкристаллизовавшейся политической нацией» (кстати, и в самой Галиции тогдашние русины, по признанию

Рецензии

Лысяка-Рудницкого, «стали склоняться к принятию нового национального имени: украинцы» только в конце XIX века). Как бы то ни было, революционные события 1917-го послужили точкой кристаллизации украинского движения.

Войдя в революцию в рамках «российского имперского исторического процесса», Украина, по словам Лысяка-Рудницкого, вышла из нее как политическая нация. Парадокс, однако, состоял в том, что украинские политические силы оказались к этому не готовы. Высоко оценивая принятые Центральной радой Третий и Четвертый универсалы, провозгласившие украинскую государственность сначала в федеративной связи с Россией, а затем в форме полного отделения от нее, Лысяк-Рудницкий вместе с тем трезво и подробно анализирует идейные, структурные и организационные слабости «украинского дела» того времени, сделавшие закономерным его поражение. «Первая мировая война наступила для Украины преждевременно, лет на 20. Внезапное падение царизма поставило Украину в 1917 году перед задачами, которые объективно превосходили наши возможности».

Большая часть жизни Ивана Лысяка-Рудницкого пришлась на период существования Украины в форме УССР, и анализ советского периода в его работах представляет особый интерес. УССР для него — «воплощение компромисса между

украинским национализмом и российским централизмом». Ленин «с достойной удивления интуицией истинного государственного деятеля чувствовал, что неприкрытые проявления русского великодержавного шовинизма представляют опасность для системы».

Считая существование номинально самостоятельного украинского государства под именем УССР одним из достижений революции и довольно высоко оценивая развитие национальной культуры при коммунистическом режиме в 20-х годах XX столетия, Лысяк-Рудницкий все-таки определяет УССР, особенно в сталинский период, как «нео-Малороссию». В отличие от других деятелей украинской эмиграции он видел главную опасность не в этнической русификации, а в политической «малороссизации» Украины. Советский федерализм в глазах Лысяка-Рудницкого — «уступка этничности без политической децентрализации». Но и здесь не все так просто: номинальная государственность Советской Украины — миф, но «миф, который вошел в сознание народов, становится скрытой силой». Общий настрой работ Лысяка-Рудницкого на протяжении всего послевоенного периода не меняется: исходя из «общей тенденции мирового прогресса в духе свободы», он уверен, что Украина в конечном счете придет к независимости; вопрос лишь в том, когда и по какому сценарию это

Рецензии

произойдет и какого рода государство при этом возникнет.

Что касается первого вопроса, то Иван Лысяк-Рудницкий не проявлял большой склонности к созданию прогностических сценариев. Он считал, что «первый импульс, очевидно, должен поступить извне, например, в форме борьбы за власть в среде кремлевской олигархии или большой неудачи Советского Союза в отношениях с другими странами социалистического лагеря». В его работах, однако, не найти предвидения такого поворота «российского общеимперского процесса», как инициируемая сверху демократизация советской системы, произошедшая при Горбачёве. В этом, возможно, проявляются его недостаточное знание «Москвы» и некоторая примитивизация советской коммунистической верхушки.

Так, Лысяк-Рудницкий утверждает, что Программа КПСС «ставит целью ... “слияние” советских национальностей», в то время как в действительности речь там идет о «дальнейшем сближении наций и достижении их полного единства» с важной оговоркой, что «стирание национальных различий — процесс очень длительный», который нельзя ускорять.

Гораздо больший интерес представляют размышления Лысяка-Рудницкого о том, каким должно быть самостоятельное украинское государство. Здесь — его основные, принципиальные отличия от теоре-

тиков и публицистов из лагеря украинских «интегральных националистов», мышление которых он характеризовал как тоталитарное и бесперспективное для будущего украинского государства. Вслед за консервативным мыслителем Вячеславом Липинским (историк и социолог, общественно-политический деятель начала XX века. — **Ред.**) он утверждает, что «строй будущего украинского государства, если оно когда-либо будет существовать, должен быть плюралистическим».

Более того, в одной из работ Лысяк-Рудницкий пишет, что вопрос о «возможности существования украинского правового государства [равнозначен] вопросу о том, быть или не быть украинской нации в политическом смысле слова». При этом он включает в число органичных для Украины новейшего времени течений общественной мысли и украинский коммунизм, который имеет такое же законное право присутствовать на политической сцене Украины, как политические воплощения интегрального национализма, народнической и консервативной традиций.

Отмечая некоторый провинциализм и меньшую «интеллектуальную утонченность» украинской диссидентской мысли 70-х годов прошлого столетия по сравнению с российской, Иван Лысяк-Рудницкий в то же время высоко оценивает «легализм», «правовую окрашенность» мышления украинских диссидентов,

Рецензии

возможно немного преувеличивая их единство и противопоставляя его раз- деленности российских инакомысля- щих «на несколько непримиримых фракций». Лысяк-Рудницкий, одна- ко, предвидел большие трудности в «синтезе антагонистических полити- ческих направлений» в будущем ук- раинском государстве и считал един- ственным рецептом решения этой проблемы «институционально зак- репленный» процесс взаимного сбли- жения. Противостоящие политичес- кие направления должны «овладевать искусством конструктивного сотруд- ничества». Это, равно как и слова о необходимости «культивирования широкого взгляда на историю» («не- обходим такой же способ мышления, который делает возможным иметь в Лондоне одновременно памятник Карлу I и Оливеру Кромвелю»), зву- чит как прямой наказ сегодняшней украинской политической элите.

Политическому истеблишменту Ук- раины и России есть что почерпнуть в работах Лысяка-Рудницкого. Укра- инская независимость, провозгла- шенная в 1991-м, была значительно менее неожиданна и более подготов- лена (институционально, социально и психологически), чем провозгла- шение независимости Центральной

радой в 1917 году. И это относится не только к украинскому обществу, но и к российскому. Однако, выс- траивая отношения между странами, недостаточно признать как свершив- шийся факт политический суверени- тет новых независимых государств (хотя и это сделали еще далеко не все в российском политическом классе, причем именно по отноше- нию к Украине). Необходимой рабо- той является и анализ истории, в том числе ее наиболее болезненных и противоречивых страниц. Его не надо бояться. Как пишет автор, «дружественные, равноправные на- ции не боятся вспоминать о кон- фликтах, разделявших их в прош- лом. Память о Жанне д'Арк ничуть не отягощает современных англо- французских отношений, равно как англо-американским взаимным сим- патиям не мешают воспоминания об антибританской революции бывших колоний».

Издание книги Ивана Лысяка-Руд- ницкого и других книг серии может содействовать выработке объектив- ного и всестороннего взгляда на ис- торию российско-украинских отно- шений, что не менее важно, чем до- говориться о цене на газ или о судь- бе Черноморского флота.

Познавая Китай

Владимир Ли

Евгений Бажанов. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М.: Известия, 2007. 351 сс.
Китай: вчера и сегодня // Учёные записки-2006. — М.: Научная книга, 2007. 165–325 сс.

Один из ведущих российских ученых-международников Евгений Бажанов продолжает серию монографий, посвященных исследованию современного мира. Вслед за фундаментальным двухтомным изданием «Америка: вчера и сегодня» он возвращается к любимой ориенталистской тематике.

Книга «Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века» представляет собой синтез политологического исследования отношений Китая с внешним миром, исторического труда и мемуаров непосредственного участника реализации политики нашей страны на китайском направлении в качестве дипломата, ответственного сотрудника ЦК КПСС и ученого.

Первые две главы посвящены событиям, которые сегодня кажутся седой древностью. На конкретных примерах, иногда драматичных, а иногда даже кажущихся современному человеку комичными, автор показывает, как и почему еще много столетий назад китайцы воспринимали и соседей (типа корейцев и вьетнамцев), и «заморских дьяволов» из Европы не только как варваров, но и как вассалов Поднебесной. Прослеживается, как при столкновении с экспансионистской западной цивилизацией Срединная империя, к тому времени окостеневшая в самолюбовании, вошла в череду кризисов. В конечном итоге она рухнула, дав рождение Китайской Республике, официально основанной на демократических принципах, новой, но вместе с тем сохранившей очень многое от старого.

Автор описывает катаклизмы, которые пережил китайский народ в первой половине XX века, когда единого государства фактически не

В.Ф. Ли — д. и. н., профессор, заслуженный деятель науки России, директор Центра Азии и Тихого океана Дипломатической академии МИД России.

Рецензии

существовало. Это была нескончаемая цепь внутренних конфликтов и борьба с японскими интервентами. Проанализирован короткий период от установления контроля коммунистов над материковой частью Китая и возникновения военно-политического союза КНР с СССР до момента, когда подспудные противоречия между Москвой и Пекином вырвались наружу.

Бажанов был очевидцем этого сложного этапа в советско-китайских отношениях: сначала он учился в Наньянском университете Сингапура, а затем служил в МИДе СССР. Автор живо и образно рассказывает о контактах с хуацяо (выходцы из Китая, проживающие в других странах. — Ред.) в Юго-Восточной Азии, с китайскими дипломатами в Москве, об искусственном нагнетании враждебности между обеими странами. В 1970-х годах Бажанов, работая в Генконсульстве СССР в Сан-Франциско, наблюдал за американо-китайским сближением. Цели и проявления этого сближения освещены в монографии в самых пикантных подробностях.

На телевизионном экране дипломатия представляется чуть ли не священнодействием — чередой торжественных приемов, важных переговоров и пафосных заявлений официальных лиц. За кадром остается рутинная работа: подготовка документов, записок и писем, встречи и проводы своих и чужих начальни-

ков, отношения внутри бюрократического аппарата. В рецензируемой книге раскрывается кухня внешнеполитического процесса того времени, когда во имя «самой передовой идеологии человечества» пренебрегали элементарной логикой, а порой и национальными интересами. Как пишет Бажанов, если кто-то и открывал рот, предлагая нечто альтернативное, то немедленно «получал по шапке» (с. 147).

Такова была ситуация в советской дипломатической миссии в Пекине в первой половине 1980-х. Евгений Бажанов и его коллеги по посольству ощущали признаки трансформаций китайского государства, задумывались о корректировке курса Советского Союза по отношению к его южному соседу. Но в Москве борьба сторонников и противников нормализации отношений мешала сформулировать четкую линию по Китаю, хотя Пекин «буквально осыпал» МИД СССР предложениями о научных, культурных, спортивных контактах, об открытии консульств. Центр находился в состоянии размышления (с. 162, 163). «Процесс пошел» только при Михаиле Горбачёве.

Нашлось в книге место ретроспективному и емкому по содержанию научному анализу советско-китайских отношений с великолепными зарисовками личностей, а также дипломатических встреч и бесед, в которых приходилось участвовать автору. В этом случае он выступает

Рецензии

скорее не в качестве публициста, а как психолог и социолог. В результате получается объемная картина переплетения политики и личностных отношений.

Большой интерес представляют два последних раздела книги — «Потенциал российско-китайского сотрудничества» и «Перспективы», посвященные современному состоянию связей и прогнозу развития КНР. В отличие от российско-американских отношений, в которых взаимная критика часто переходит в истерию, российско-китайские отличаются стремлением сотрудничать, договариваться и избегать конфликтов. Ни одна из сторон не предъявляет другой претензий по поводу идеологии и нарушений прав человека. Есть даже российские ученые и политики, которые видят в Китае почти идеальный образец для подражания, альтернативу западной модели развития.

Действительно, успехи реформ, как отмечается в книге, очевидны. Но темпы развития Китая, его геополитические параметры и мощь заставляют ближних и дальних соседей задумываться: а что дальше? Бажанов предлагает свое видение стратегии России на китайском направлении. Автор исходит из того, что основной пружиной нынешних российско-китайских отношений «является расклад сил на мировой арене» (с. 273).

Совпадение взглядов на глобальную обстановку позволяет Москве и

Пекину занимать сходные позиции по многим международным вопросам (положение на Балканах, северо-коре́йская ядерная проблема, ближневосточный конфликт, повышение роли и авторитета ООН, поддержание стратегической стабильности). Совершенно справедливо обращается внимание и на сближение идеологических установок политических элит России и Китая (с. 276–286), схожесть приоритетов внутреннего развития (с. 286–288), взаимодополняемость экономик обеих стран (с. 288–296).

Не умалчивает Бажанов и о наличии «реальных и гипотетических» проблем в российско-китайских отношениях, которые при определенных условиях могут привести к трениям: территориальный вопрос, демография, культурные различия, экономические споры, тенденции внутреннего развития, геополитическое соперничество (с. 302–330). Однако при всей значимости названных проблем главное, по мнению автора, что повлияет на характер российско-китайских отношений в долгосрочной перспективе, — это «соотношение сил между двумя державами». Если Китай будет быстрыми темпами наращивать мощь, а российский Дальний Восток — все больше отставать от соседа-гиганта, то, согласно законам политического развития, это может привести к дестабилизации обстановки и даже к конфликтам.

Рецензии

Анализ предложений китайских политологов о том, как следует скорректировать внешнюю политику в связи с превращением КНР в великую державу, позволяет автору прийти к следующему заключению: «Предлагаемая корректировка не противоречит российским интересам и может способствовать дальнейшему углублению двустороннего партнерства» (с. 347).

Евгений Бажанов призывает «сполна использовать исторический шанс и построить устойчивую модель взаимовыгодного, динамичного российско-китайского сотрудничества в XXI столетии» (с. 347), а также формулирует стратегию России на китайском направлении, увязанную с реализацией двусторонних интересов в отношениях как с Западом, так и с другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Самый существенный компонент этой стратегии — преодоление отсталости восточных районов России за счет интеграции, что будет способствовать взаимозависимости стран этого региона, их заинтересованности в благополучии друг друга.

В отличие от типичных советских и постсоветских работ рецензируемая книга совмещает блестящий и стилистически ясный анализ истории советско-китайских и российско-китайских отношений с тем, что можно назвать публицистикой и мемуарами. Причем в последних двух жанрах в центре китайская жизнь, а не заслуги автора в битвах холодной войны. В то же время Бажанов-ученый порой противоречит Бажанову-человеку, влюбленному в Китай. Впрочем, может быть, это всего лишь субъективное мнение рецензентов, настроенных на научную полемику.

Что касается упомянутой влюбленности, то она со всей очевидностью просматривается во второй из рецензируемых работ Евгения Бажанова — «Китай: вчера и сегодня». Это фрагменты готовящегося к печати фундаментального труда о китайской цивилизации. Посвящены фрагменты языку, иероглифике и кухне Поднебесной. Они читаются на одном дыхании, словно детективный роман, сдобренный к тому же искрометным юмором.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ Сергей Александрович (председатель)	д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
АРБАТОВ Алексей Георгиевич	член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
АХТИСААРИ Маргги	президент Финляндии в 1994–2000 гг.
БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (заместитель председателя)	д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
БЕРГСТЕН Фред	доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
БИЛЬДТ Карл (в личном качестве)	министр иностранных дел Швеции
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	генеральный директор госкорпорации «Олимпстрой», академик Академии горных наук
ГРИГОРЬЕВ Владимир Викторович (в личном качестве)	советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
ЖУКОВ Александр Дмитриевич (в личном качестве)	заместитель председателя Правительства РФ
ЗВЕРЕВ Сергей Александрович	президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
ИВАНОВ Игорь Сергеевич (в личном качестве)	к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ в 2004–2007 гг.
КАЙЗЕР Карл	профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
КОЖОКИН Михаил Михайлович	к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
КОКОШИН Андрей Афанасьевич	академик РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
КОЛЬ Гельмут	канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
КОМИССАР Михаил Витальевич	генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
КОПЬЕВ Вячеслав Всеволодович	к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»

- ЛУКИН Владимир Петрович** д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович** главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- МАУ Владимир Александрович** д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
- МОНБРИАЛЬ Тьерри де** президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
- НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич** (заместитель председателя) д. и. н., президент фонда «Политика», президент фонда «Русский мир»
- ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович** д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
- ПОЗНЕР Владимир Владимирович** президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
- ПРИМАКОВ Евгений Максимович** академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
- ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович** (в личном качестве) помощник Президента РФ
- РЫЖКОВ Владимир Александрович** к. и. н., депутат Государственной думы РФ
- ТЕЛЬЧИК Хорст** председатель *Teltschik Associates*, руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
- ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич** член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- УОЛЛЕС Уильям, лорд** профессор Лондонской школы экономики
- ХАКАМАДА Ирина Муцуовна** к. э. н., доцент, президент фонда «Наш выбор», заместитель председателя президиума движения «Российский народно-демократический союз»
- ХОУТ Джеймс** главный редактор журнала *Foreign Affairs*
- ШМЕЛЁВ Николай Петрович** академик РАН, директор Института Европы РАН
- ЭЛИСОН Грэм** профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
- ЮРГЕНС Игорь Юрьевич** к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
- ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович** (в личном качестве) к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., советник ректора МГИМО(У) МИД России
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии ГУ–ВШЭ
ДУБИНИН Юрий Владимирович	профессор МГИМО (У) МИД России, заслуженный работник дипломатической службы РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Института энергетики и финансов
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАРДАНИЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих IATA, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: **46708, 46709, 46710**
Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: **15577, 11119, 16497.**
Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскаяязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англыязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/>									
		индекс издания									
Россия в глобальной политике											
(наименование издания)		Количество комплектов									
на 2006 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс					(адрес)					
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	на газету журнал		<input type="text"/>						
ПВ	место	литер			индекс издания						
Россия в глобальной политике											
(наименование издания)											
Стоимость подписки			_____ руб. _____ коп.		Количество комплектов						
			_____ руб. _____ коп.								
на 2006 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс					(адрес)					
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «**Книжная лавка историка**» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «**Книжная лавка обществоведа**» Нахимовский пр-т, 51/21
(тел.: 332-4725)
- «**Книжный киоск РОССПЭН**» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «**Ad Marginem**» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «**Политическая книга**» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «**МН-Пресс**»
- 1-й подъезд **Российской Государственной Библиотеки**
- В киоске «**Деловые люди**» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках **МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА**
- **Клуб «Проект О.Г.И»** Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «**Летний сад**», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «**Русское богатство**» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «**Книжный магазин**» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через **ЗАО «МК-Периодика»**
или фирмы-партнеры **ЗАО «МК-Периодика»**
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru **<http://www.periodicals.ru>**

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Извещение

Форма № ПД-4

«Фонд исследований мировой политики»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № ПД-4

«Фонд исследований мировой политики»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)